

**Институт истории Академии наук
Республики Узбекистан**

РАВШАН НАЗАРОВ

**Этнополитические процессы и
межэтнические отношения
в Республике Узбекистан
(конец XX – начало XXI вв.)**

Ташкент – 2016

УДК 323.1 (575.1)

ББК

Назаров Равшан Ринатович. Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Республике Узбекистан (конец XX – начало XXI вв.)». Ташкент:, 2016. – 192 с.

Ответственный редактор: Абдуллаев Равшан Маджидович – доктор исторических наук

Рецензенты:

Аширов А.А. – доктор исторических наук, профессор

Бабаходжаева Л.М. – доктор исторических наук, профессор

Рахматуллаев Ш.М. – кандидат исторических наук

В монографии освещаются проблемы развития этнополитических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане в таких аспектах как историография и методология вопроса, этнические диаспоры, этнические конфликты, этноконфессиональные проблемы. Предназначена для научных сотрудников – историков, этнологов, социологов, политологов, культурологов, философов, а также студентов, магистрантов, докторантов и всех интересующихся данной проблематикой.

Монография выполнена в рамках реализации инновационного проекта И1-ФА-0-58798 «Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Республике Узбекистан (конец XX – начало XXI вв.)» и прикладного проекта ФА-А1-ГО16 «Междисциплинарное изучение новейшей истории Узбекистана: методы, подходы и концепции», разработанных по контрактам с Комитетом по координации развития науки и технологий при Кабинете Министров Республики Узбекистан.

Монография обсуждена и рекомендована к печати Ученым Советом Института истории АН РУз № 14 от 29 октября 2015 г.

ISBN

© Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, 2016

© Назаров Равшан Ринатович

ВВЕДЕНИЕ

Разработка вопросов этнополитических процессов и межэтнических отношений, функционирования полиэтнического общества входит в число важнейших проблем обществоведческих наук, особенно на современном этапе развития мирового сообщества. Это связано с новыми социально-политическими реалиями конца XX – начала XXI века: глобальные изменения в расстановке сил на мировой арене, прекращение «холодной» войны, смягчение военно-политического противостояния, распад мировой системы социализма и её центра – Советского Союза, образование Содружества Независимых Государств, резкий рост национального самосознания во всех регионах мира, повышение уровня межэтнической конфликтности. В этой связи «сохранение царящих в нашей стране мира и спокойствия, межнационального и гражданского согласия, неприкосновенности наших границ, дальнейшее укрепление отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами, постоянное повышение бдительности и внимательности в нынешнее беспокойное и тревожное время, на фоне усиливающихся в различных регионах мира противостояний и конфликтов, вызовов и угроз, – все это является сегодня самой важной и актуальной нашей задачей, требованием самой жизни»¹.

Под воздействием объективных закономерностей общественного развития повышаются требования, предъявляемые к изучению проблем этнополитических процессов и межэтнических отношений, функционирования и развития полиэтнического общества. Совершенствование данной сферы общественного развития – важная теоретическая и практическая

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «О подготовке и проведении празднования 24-летия Независимости Республики Узбекистан» от 17.07.2015 г. // <http://www.press-service.uz/ru/news/5149/>

задача, от решения которой зависит прогресс любого полиэтнического общества, к каковым относится и Республика Узбекистан².

Социальная практика и логика развития научного познания требуют глубокого анализа системы этнополитических процессов и межэтнических отношений в Республике Узбекистан. Этнополитические процессы и межэтнические отношения - феномен сложный, неоднозначный, многосторонний. В данной монографии они рассматриваются как особая форма социальных процессов и отношений, специфический объект социального воздействия.

Сочетание в масштабах всего мирового сообщества двух диалектически противоположных тенденций развития этнополитических процессов и межэтнических отношений – дифференциации и интеграции – неоднозначно сказывается на жизни большинства этносов. В ряде регионов мира преобладание тенденции дифференциации приводит к трагическим коллизиям – росту этнической напряженности, углублению проблем и противоречий, перерастанию их в этнополитические конфликты, в т.ч. вооруженные и длительные³. Для преодоления

² *Абдуллаев Ш.М.* Современные этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине. Фергана: ФГУ, 1992; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь: СГУ, 2001; *Узбекистан через пространство и время. Социокультурный альманах.* Ташкент, 2010; *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии.* Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2010; *Этничность и власть в полиэтнических государствах.* М.: Наука, 1994; *Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Постсоветский опыт.* М.: «Интер-Принт», 2008 и т.д.

³ *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М.: Слав. диалог, 1997; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология. Ставрополь: СГУ, 1996; *Авксентьев В.А.* Демократия: конфликтность и толерантность. - Воронеж: ВГУ, 2002; *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005; *Амелин В.Н.* Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии.

и предотвращения подобных негативных явлений требуется проведение большой практической работы, фундаментом которой должны служить глубокие и всесторонние научные исследования. Подобные исследования необходимо основывать на тщательном анализе всех объективных и субъективных факторов, с учетом исторического опыта всех передовых стран и народов в области исследования этнических процессов и межэтнических отношений, с учетом региональной и этнической специфики полиэтнического социума. Научная важность темы нашего исследования обусловлена следующим:

- глобальными изменениями социально-политической действительности и соответственным возрастанием теоретического и практического интереса к проблемам этнополитических процессов и межэтнических отношений;

- той ролью, которую играют этнополитические процессы и межэтнические отношения в развитии полиэтнических государств и обществ;

- недостаточным уровнем категориально-понятийного аппарата современных этнополитических исследований;

- необходимостью создания теоретического фундамента для практической деятельности по преодолению негативных явлений в области этнополитических процессов и межэтнических отношений;

- объективными потребностями социального познания.

Темы регионализма и этноцентризма, региональные и этнополитические исследования чрезвычайно востребованы сегодня в обществоведческой науке. Еще в 1980-е гг. извест-

М., 1993; *Анчабадзе Ю.Д.* Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998; *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. – М.: ИЭА РАН, 2000 ; Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: Весь мир, 1997 и т.д.

ный норвежский исследователь Стейн Роккан, отмечал, что события последних десятилетий превратили «регионализм» и «этнонационализм» в предмет политической и академической моды в исследованиях индустриальных обществ⁴.

Область этнополитических процессов — это генезис этнических, этнонациональных, межэтнических, этнокультурных отношений в системе социально-политических процессов, институтов, влияние этнического и этнонационального фактора на политическую власть, идеи, политико-правовые нормы, отношения власти, деятельности политических учреждений, партий и движений в сфере этнонациональных отношений.

В исследовании этнополитических процессов применяются следующие методы: этнологический, этнографический, социологический, нормативно-ценностный, функциональный, системный, сочетание анализа и синтеза, синтез исторического и логического, моделирование и т. д.

Этнографический уровень - это предмет антропологии, этнографии и этнологии. А социологический, политологический уровни в большей степени становятся предметом этнополитологии. Этническое в ходе активного участия в социально-политических процессах все в большей степени подвергается социализации и политизации. И в этом плане обретает статус этнонационального, или этнической нации. В дальнейшем или в своем становлении, или в содружестве с другими этнонациями она формируется в политическую нацию, нацию-государство. Все эти уровни следует учитывать и не противопоставлять друг другу.

Исследование этнополитических процессов взяло из сопредельных обществоведческих дисциплин не только ряд концеп-

⁴ См. Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана// Полис. 1995. № 1.

тов и понятий, но и методику исследований. Как и в этносоциологических исследованиях используются такие способы получения информации, как опросы населения, контент-анализ прессы, интервью с экспертами и политиками, включенное наблюдение и др. Также используются этнопсихологические методики при определении особенностей этнического сознания и идентичности. Изучение этнополитических процессов невозможно без анализа этнодемографических данных, в частности материалов этнической статистики.

Кроме того применяются методы исследования, характерные для обществоведческих наук в целом: сравнительно-исторические, системные, сравнительно-институциональные, эмпирические.

Адекватно отражать жизнедеятельность этносов, этнонаций и государства как нации, как более высокий уровень их социализации и политизации - это важнейшие задачи этнополитических исследований. Важно также рассматривать этнические процессы в контексте конкретных социально-политических реалий, адаптации этноса к этим реалиям и политики к этническому многообразию. В этих условиях реализуются :

- познавательно-прогностические функции,
- функции политической социализации этносов,
- этнической адаптации власти и политики.

При этом формируются социально-политические условия деятельности этносов-наций, обретения ими статуса политической нации, соответствующей политической культуры, учет этнонациональной самобытности в социально-политической жизни общества, государства, управление полиэтничностью в обществе, в государстве. Функциональные задачи этнополитических исследований в полиэтничных социумах (таких как Узбекистан) чрезвычайно велики.

Исследование этнополитических процессов опирается на

философские, общесоциологические, интегральные, этнологические категории. К таким категориям относятся следующие: этнос; этнонация; нация-государств (nation-state); этнические процессы; этнократия; этнонациональные институты; этнополитические учреждения; этническая политика; полиэтничность государства; полиэтнический социум; права этносов; малочисленные народы; этнические группы; национальные меньшинства; национальное самоопределение; этнополитическая и этнокультурная форма самоопределения личности; этническая идентичность и др.

Классификация этносов-наций зависит от уровня их социализации и политизации, способов и форм социально-политического обустройства в системе властно-управленческих отношений общества, государства в целом. Люди в ходе своего исторического развития и объективно необходимой человеческой солидарности организуются в различные общности. Правомерны ли вообще споры: где кончается этнос и начинается нация? Можно ли называть этносы нациями?⁵

Следует отметить, что дело не в научной интерпретации, а в реальном состоянии. В современном мире сегодня имеют место этнические, этнонациональные, национально-государственное общности. Это разные формы существования общностей людей, а также разные их уровни. Одной из форм таких общностей, которая формируется исторически на базе культуры, языка, характера, и являются в научном определении этносы, нередко называемые « народами » и « нациями »⁶.

⁵ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000; *Празаускас А.А.* Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. 1997. № 2. С.95-105; *Знаменский А.А.* Этнонационализм: основные концепции американского обществоведения // США: ЭПИ. 1993. № 8.

⁶ *Празаускас А.А.* Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Политические исследования. – 1997. – №2. – С.95-105.

В современных условиях активной социализации и политизации этносов эти общности часто называют этнонациями, нациями-этносоми, но обозначая и признавая их более высокий уровень социально-этнического содержания и развития политической организации нации как государства.

Этнические общности исторически всегда играли и продолжают играть большую роль в общественной и политической жизни общества, которые, как мы уже отмечали, в процессе социализации и политизации обретают статус наций-этносов. Надежды на унификацию и исчезновение этносов и тем более наций-этносов, которые высказывались неоднократно историками, политиками, философами, не оправдались. Нации-этноты со многими характеристиками самобытности все же выжили даже в «плавильных котлах». Они вновь и вновь напоминают о себе, особенно там, где о них забывают, пытаются не замечать и ассимилировать. Более того, находя различные формы своего социального и политического самоутверждения при малейшем изменении социально-политических условий, нации-этноты обозначают себя через участие в политических и духовных процессах общества и государства, доказывая свою жизнеспособность и устойчивость не только в составе существующих государств, но и вне их. Жизнь доказала, что этноты, нации-этноты являются весьма стабильными и устойчивыми общностями, даже на фоне государств, которые распадаются и исчезают⁷.

Исторически нация-этнот рассматривается то как идеология, самодовлеющая над обществом и личностью, то как социально-политическая реальность со своими характеристиками и отношениями, то как стихийное бедствие, разрушающее государство, общество. Практика показывает, что нация-этнот - это

7 *Абдулатипов Р.Г.* Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. М.,1999.

исторически апробированная форма солидарности и сотворчества людей, объединенных для этого в общности с самобытными, свойственными для себя чертами и характеристиками, которые желательно сохранить для культуры и личности.

Понятие «этнос» встречается в литературе с IV-V вв. до н.э. и обозначает (в переводе с древнегреческого) иной народ, «негреческое племя». Но впоследствии это понятие преимущественно стало относиться к этнонациям, для которых характерны: определенный этнотип, этнокультурные и языковые особенности, психологический склад, территориальная и этносферная общность⁸.

Для этнонаций эти черты социализированы и политически адаптированы на более высоком уровне:

- микроуровень этнического - племенной, родовой;
- макроуровень этнонациональный – субэтноты;
- мегауровень - суперэтноты, нации как государства.

Можно сказать, что многонациональный народ - это суперэтнос. И важно их не противопоставлять, а показывать, как различны уровни развития этнической общности в ходе ее социального и политического становления.

Этнос - это объективная реальность, которая, по мнению российского этнографа С.М. Широкогорова, является формой развития и существования человечества, «группа людей, говорящая на одном языке, признающая единое происхождение, обладающая комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающих его от таковых других групп»⁹.

В отличие от «классических» наук с относительно длительной историей, изучение этнополитических процессов находится еще в стадии формирования своего предметного поля,

⁸ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

⁹ Широкогород С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 5-6.

уточнения понятийного аппарата, разработки концептов. Пионерами в этой области знания стали американские ученые П. Ван ден Берге, Э. Блэк, М. Паренти, Дж. Ротшильд и др., усилиями которых уже в 1960-1970-е годы обозначилось обособление этнополитической проблематики, а для ее исследования стали использоваться методы социологии и психологии. Тогда же предпринимаются первые попытки определения специфики предметного поля формирующейся научной дисциплины.

В частности, исследователь из американского Института изучения политики Майкл Паренти (этнический итальянец) определял предмет исследования этнополитических процессов через изучение влияния этнического фактора на политическое поведение людей и сферу политики в целом¹⁰.

Другой известный американский исследователь – профессор социологии Вашингтонского университета Пьер Луи Ван ден Берге (этнический фламандец) – выделял в качестве предметной области этнополитических исследований взаимоотношения государства с этническими общностями и различными этнополитическими институтами: партиями, движениями, общественными организациями и т. д.¹¹ Кстати, Энтони Смит называл его «главный представитель социобиологического подхода к этничности и национализму»¹².

Поиск места в системе научного знания об обществе затруднен для этнополитических исследований еще и тем, что наряду с этнологией проблематику межнациональных и межэтнических отношений изучают этносоциология (социология этнических отношений), этнопсихология, социальная антропология, этнодемография и ряд других дисциплин (философия, право,

¹⁰ *Parenti M.* Ethnic and Political Attitudes. Arno, 1975.

¹¹ *Van den Berge P.L.* Man in society. A biosocial perspective. N. Y., 1975; *Ван ден Берге П.* Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. 2014. № 20.

¹² *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. – С. 271.

экономика). «Характерно, что исследовательское „поле” отдельных этносоциальных наук постоянно пересекается и даже совпадает, и поэтому практически любое исследование этнических явлений неизбежно приобретает междисциплинарный характер»¹³, — пишет российский этносоциолог З.В. Сикевич.

В исследовании разрабатываемой проблемы автор использовал общенаучные методы – анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, обобщения, абстрагирования, сравнительного анализа, наблюдения, системного подхода. Автор опирался также на диалектические принципы всеобщей связи, развития, единства теории и практики, единства этнического и общечеловеческого, а также на методологические установки, выдвинутые в современных трудах по этнологии, истории, философии, социологии, политологии, культурологии и т.д. Источниковедческую и фактологическую базу исследования составили опубликованные справочные материалы, данные государственной статистики Республики Узбекистан, международные документы (включая Всеобщую Декларацию прав человека). Использованы материалы исследований, проведенных автором в составе групп центра «Ижтимоий фикр» в 1998–2015 гг., Института философии и права АН РУз в 1999–2003 гг., Научно-информационного центра МКВК в 2002–2006 гг., исследовательской группы Информационно-аналитического центра Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2007–2008 гг., Отдела «Этнологии и антропологии» Института истории АН РУз в 2002–2015 гг., Отдела «Современной истории и международных исследований» в 2003–2015 гг., группы «устной истории» Института истории АН РУз в 2010–2015 гг., экспертной группы Общественного Совета по новейшей истории в 2012–2015 гг. В монографии использованы данные из сборников материалов научно-теоретических и научно-практи-

13 Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб, 1999. – С. 5.

ческих конференций, касающихся тех или иных аспектов рассматриваемой проблематики.

В теоретическом плане материалы исследования могут принести определенную пользу при дальнейшей разработке проблематики теории этнополитических процессов и межэтнических отношений.

Практическая значимость монографии заключается в том, что по ее материалам могут читаться спецкурсы: «Этнополитические процессы в Республике Узбекистан», «Межэтнические отношения в Республике Узбекистан», «Этническая конфликтология», «Мировые тенденции в развитии этнополитических процессов и межэтнических отношений». Отдельные положения могут включаться составными частями в общие курсы этнологии, истории, социологии, философии, политологии, читаемые в вузах, по разделам и темам: «Нации и национальные отношения», «Исторические формы общности людей», «Этнические процессы», «Межэтнические отношения». Результаты исследования могут иметь определенное значение в практике интернационального воспитания молодежи, в дальнейшей разработке методологии изучения этнических процессов и межэтнических отношений, социального управления данной сферой, в оптимизации практической деятельности государственных органов и общественных организаций по осуществлению принципов и совершенствованию форм социальной регуляции сферы этнических процессов и межэтнических отношений.

Глава 1. Этнополитические процессы и межэтнические отношения: историография и методология

1.1. Историографический анализ проблемы

Изучение современных концепций сущности этнополитических процессов, невозможно вне исторического контекста изучения проблем наций, национализма, межнациональных отношений. Для этого требуется обращение к идеям ученых (этнологов, антропологов, философов, политологов, социологов, культурологов) прошлого, определившим основные направления и противоречия сегодняшних научно-исследовательских поисков. На основании проблемно-хронологического принципа в мировой и отечественной науке были выделены этапы изучения проблематики, связанной с феноменами этнополитических процессов и межэтнических отношений.

По историческим меркам явления этнополитических процессов и межэтнических отношений появились не так давно. В современном понимании данные явления возникают в Европе не ранее XVIII века, а в других регионах еще позже. А с конца XIX в. и до настоящего времени ученые и публицисты разных стран пытаются осмыслить и по-своему интерпретировать эти два уникальных феномена. Так, в анализируемой зарубежной литературе можно выделить следующие этапы:

1. XIX - 20-е гг. XX вв. Начало изучения феноменов «нация» и «национализм» совпало с эпохой революций, появления основных европейских наций, подъема национально-освободительных движений. В работах немецких (И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, М. Вебер), французских (Ж.-Ж. Руссо, Э. Ренан), английских (Дж.Ст. Милль) и многих других историков, философов, социологов XIX века закладывались основы будущего противопоставления двух доктрин нации — «немецкой» и

«французской»¹⁴.

2. 1920-1960-е гг. — период создания национальных государств и осмысления этого процесса в научной литературе. В начале этого периода исследования ведутся в основном в сравнительно-историческом и историографическом плане. Впоследствии изучение национализма приобретает углубленный теоретический характер, постепенно отходит от исторического контекста. Американский историк К. Хайес в сравнительном исследовании «Очерки о национализме»¹⁵ намечает основные этапы его распространения, выделяя роль начального образования. Работы другого американского профессора Ганса Кона «Идея национализма» и «Национализм: его смысл и история»¹⁶ оказались более влиятельными для последующего изучения этнополитической проблематики, в них были выделены и обоснованы западный (рациональный) и восточный (иррациональный) типы национализма. В своей книге «Национализм и социальная коммуникация»¹⁷ Карл Дойч исследовал вопрос распространения и воспроизводства идеологии национализма и пришел к выводу, что только возникающая в современном мире система коммуникаций может привести к созданию гомогенного культурного общества, а впоследствии и нации.

3. Период 1960-1970-х гг. характеризуется смещением интереса исследователей к политическим аспектам национализ-

¹⁴ Гердер И.Г. Идеи философии к истории человечества. М.: Наука, 1977; Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: Сб. / Пер. с нем. - М.: Попурри, 1997; Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., 1896; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. - М.: Канон-Пресс-Ц, 1998; Ренан Э. Что такое нация. СПб., 1886; Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

¹⁵ Hayes C. Essays of Nationalism. -N.Y.: The Macmillan Company, 1941.

¹⁶ Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background. - N.Y.: The Macmillan Company, 1944; Kohn H. Nationalism. Its Meaning and History. -N.Y.: Krieger Publishing Company, 1982.

¹⁷ Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. - Cambridge: The MIT Press, 1966.

ма. Основные темы работ Ч. Тилли, Дж. Поджи, М. Манна, Х. Арендт¹⁸ — установление суверенитета государств над своими территориями и подданными, роль войн, военной мобилизации, преобразование форм контроля над обществом со стороны государства, судьба национальных меньшинств, проблемы настоящего и будущего национального государства, сущность межэтнических отношений как фактора стабильности полиэтнического общества.

4. С 1980-х гг. изучение этнополитических процессов и межэтнических отношений проходит под влиянием сразу нескольких работ, существенно определивших дальнейшие теоретические разработки данных понятий — «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, сборник статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера «Изобретение традиции»¹⁹. Перечисленные произведения кардинально изменили ситуацию в исследованиях этнополитических процессов и межэтнических отношений. С тех пор эти два взаимосвязанных феномена интерпретируются как многоплановые исторические явления, представленные в многообразии духовных и практических воплощений. Этнополитические процессы рассматриваются как фактор развития межэтнических отношений, а стабильность межэтнических отношений - как цель этнополитического управления.

Эти идеи были использованы, развиты, подвергнуты критике в 1980-1990-е гг. в исследованиях Дж. Бройи, Р. Брубэйкера, Э. Балибара, Х. Бхабха, К. Вердери, Л. Гринфельд, И.

¹⁸ Tilly Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975; Poggi G. *The Development of the Modern State*. - London, 1978; Манн М. *Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание*// *Нации и национализм*. - М.: Праксис, 2002; Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. - М.: ЦентрКом, 1996.

¹⁹ Gellner E. *Nations and Nationalism*. - Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983; Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. - L.: Verso, 1983; Hobsbawm E. Ranger T. (ed.). *The Invention of Tradition*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Валлерстайна, М. Хроча, П. Чаттерджи, Т. Эриксона²⁰. Этот этап характеризуется тем, что свой вклад в исследования нации и национализма вносят различные дисциплины: социология, политология, социальная и культурная антропология. На большом историческом материале ученые-эксперты всесторонне рассмотрели условия и факторы возникновения наций и национализма в Европе, предложили варианты классификации этнополитических процессов. В вопросе о сущности этнополитических процессов и факторах их развития у них не было единодушия, что повлекло за собой долговременную научную дискуссию о феномене этнополитики и определило формирование нескольких концептуальных подходов в её исследовании.

В настоящее время эти авторы продолжают работать над этнополитической проблематикой, развивая и дополняя свои предыдущие концепции и выводы. Так, 2000-е гг. дополнили ряд исследований работами Р. Брубэйкера «Этничность без групп», Ч. Ганса «Пределы национализма», П.У. Джэймса «Глобализация, Национализм, Трайбализм: теоретический курс», Дж. Деланти и К. Кумара «Мудрое руководство по нациям и национализму», Г. Дзя и А. Томпсона «Теоретизируя национализм: дискуссии и темы социальной теории», Дж. Хёрна «Переосмысливая национализм», К. Калхуна «Нации имеют значение»²¹ и многими другими. Исследователи предлагают

²⁰ Бройи Дж. Нация и государство. - М., 1992; Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. - Cambridge, 1992; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, Нация, Класс. - М.: Лого, 2004; Bhabha H.K. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990; Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»?// Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002; Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. UK: Harvard University Press, 1992; Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. - Cambridge, 1985; Chatterjee P. *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?* - Delhi: Oxford University Press, 1986; Чаттерджи П. Воображаемые сообщества. Кто их воображает?// Нации и национализм. - М., 2002; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. - L.: Pluto Press, 1993.

²¹ Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; Gans Ch. *Limits of nationalism*. - Cambridge, 2003; James P.W. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. - L., 2006; Delanty G., Kumar K. *The*

новый, более комплексный взгляд на феномены этнополитических процессов и межэтнических отношений в их взаимосвязи с такими явлениями, как культура, этничность, глобализация.

Анализом и типологизацией наследия теоретической этнополитологии в настоящее время в западной науке занимается Э.Д. Смит. В своей книге «Национализм и модернизм. Критический обзор теорий современных наций и национализма»²² исследователь подробно излагает концепции национализма, критикуя модернистские теории, к которым он причисляет практически все разработки, не основанные на перенниальном (примордиалистском) подходе к национальному. В обобщающих работах Дж.Холла, Л.У. Баррингтона, К. Калхуна²³, также представлены оригинальные классификации наиболее заметных теоретических концепций.

История этнополитических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане как научно-исследовательская проблема в историографии разрабатывалась, как правило, в плане изучения общего процесса развития исторической науки.

Вышедшая в 1960-1970-е годы литература по этнонациональной проблематике по своему научно-теоретическому уровню, степени новизны, глубине анализа была далеко не равнозначна. Она содержала постановку ряда актуальных проблем, помогла наметить ориентиры для дальнейшей разработки конкретных проблем национальных отношений. Но на уровне обобщений и степени полноты сделанных выводов не могло не сказаться проявившееся-

SAGE Handbook of Nations and Nationalism. L., 2006; *Day G., Thompson A.* Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory. L.: Palgrave Macmillan, 2005; *Hearn J.* Rethinking Nationalism: Critical Introduction. - L.: Palgrave Macmillan. -2006; *Calhoon C.* Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream. -N.Y., 2007.

²² *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Пер. с англ. - М.: Праксис, 2004.

²³ *Hall J.* Nationalisms, Classified and Explained// Nations of Nationalism. - Budapest, 1995; *Barrington L.W.* Nation and Nationalism: The Misuse of Key Concepts in Political Science// Political Science and Politics. - 1997. - December. - p. 712-716; *Calhoon C.* Nations Matter. - N.Y., 2007.

ся уже тогда стремление ограничиться констатацией достижений, обойти нерешенные проблемы, нарастание трудностей. Основной недостаток изданных в этот период работ состоит в том, что при анализе проблем межнациональных отношений авторы исходили из утвердившихся теоретико-идеологических постулатов о развитом социализме как о высшем достижении общественного прогресса²⁴. Значительное внимание уделялось вопросам интернационального воспитания²⁵.

Отметим обобщающие и специальные труды по истории исторической науки²⁶, а также работы Э.И. Фазылова и Л.Г.Чечулиной, А.С.Сагдиева²⁷. В данных исследованиях подводятся конкретные результаты научной деятельности историков, археологов, этнологов, определяются задачи будущих научных разработок.

Из работ специального характера в первую очередь следует выделить публикации Б.В.Лунина, посвященные развитию

²⁴ Расцвет социалистических наций и их сближение. — Ташкент: Фан, 1967; *Фазылходжаев К.* Одна Родина — одна судьба. Ташкент: Узбекистан, 1968; *Пулатов Х.П.* Коммунизм, государство, культура личности. — Ташкент, 1971; Под знаменем дружбы народов. — Ташкент: Узбекистан, 1974; *Арифханова З.Х., Чеботарева В.Г.* Решение национального вопроса в Узбекистане. Ташкент: Фан, 1979; Национальная политика КПСС в действии. — Ташкент: Узбекистан, 1979; и др.

²⁵ *Саямова Ш.* Деятельность Компартии Узбекистана по коммунистическому воспитанию трудящихся. — Ташкент: Узбекистан, 1968; *Искандеров М.И.* Идеологическая работа Компартии Узбекистана на современном этапе. — Ташкент: Узбекистан, 1971; *Холмухамедов М.* Дружба народов СССР — могучий ускоритель общественного прогресса. М., 1972; *Шек Л.К.* Воспитание убежденного интернационалиста. Ташкент: Узбекистан, 1974, и др.

²⁶ *Ахунова М.А., Лунин Б.В.* История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк. — Ташкент, 1970, *Аминова Р.Х., Ахунова М.А., Лунин Б.В.* Историческая наука в Узбекистане от XXIV к XXVII съезду КПСС: Историографический очерк, — Ташкент: Фан, 1987; *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане: Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана: В 2-х тт. — Ташкент. Т. 1. — 1976. — 439 с.; Т. 2. — 1977. — 422 с. и др.

²⁷ *Фазылов Э.И., Чечулина Л.Г.* Русские тюркологи и узбекское языкознание. — Ташкент, 1979. — 216 с.; *Сагдиев А.С.* Историческая наука в Туркестане в XIX в. — Ташкент. 1960; *Он же.* Из истории исторической науки в Туркестане // Уч. зап. ТГПИ им. Низами. — 1958. — Выш. 9. — С. 107-117.

этнографических знаний в Центральной Азии и Узбекистане, начиная с XVIII века до 1960-х гг. В журнальных публикациях автором воедино собраны материалы о развитии этнографической мысли в Узбекистане²⁸.

Примечательны работы одного из ведущих современных этнографов республики И.М.Джаббаров. Целый ряд его исследований освещает теоретические аспекты этнографической науки, подводит итоги и определяет перспективы ее развития²⁹.

Показательны также обстоятельные работы К.Ш.Шаниязова³⁰, а также близкие по своему исследовательскому характеру к этнографии труды по антропологии и палеантропологии Т.К.Ходжайова³¹.

Нельзя не упомянуть интересные в практическом и теоретическом отношении сборники материалов этнографических

²⁸ Лукин Б.В. Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII — начала XX вв. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана: Сб.— М.: Наука, 1975.— С. 22-41; *Он же*. Начальный этап этнографических исследований в Узбекистане (20—е годы XX века) // ОНУ.— 1985, № 11.— С. 63 — 71; *Он же*. Этнографические исследования в Узбекистане в 30 — 40-х годах // Там же.— 1986,— № 11.— С. 49-55; *Он же*. Этнографические исследования в Узбекистане и Каракалпакии (50 -е годы XX века) // Там же.— С. 56 — 62; и др.

²⁹ Джаббаров И.М. Из истории изучения ремесла в дореволюционном Узбекистане // КСИЭ АН СССР.— М., 1959.— Т. XXII.— С. 74 — 84; *Он же* Из истории изучения этнографии узбекского народа.— Ташкент, 1959; *Он же*. Общественный прогресс, быт и религия: Социально-философское исследование на материалах Узбекской ССР.— М., 1973; *Он же*. Этнография и историческое краеведение в Узбекистане: изучение проблемы // Общественные науки в Узбекистане.- 1995,- № 5-6-7-8.- С. 156-163; *Он же*. Узбек халки этнографияси. — Тошкент, 1994; *Он же*. Узбеки. Ташкент: Шарк, 2007 и др.

³⁰ Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Историко-этнографическое исследование кипчакского компонента.— Ташкент: Фан, 1974.— 342 с.; Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX— начала XX вв.— Ташкент, 1981.— 126 с. и др.

³¹ Ходжайов Т.К. Население Миздахкана по данным антропологии.— Ташкент, 1970.— 128 с.; *Он же*. Данные к антропологии населения Кердера.— Ташкент, 1974.— 182 с.; *Он же*. Антропологический состав населения эпохи бронзы. Сапалитепе. — Ташкент, 1977.— 111 с.; и др.

исследований³². Указанные выше работы представляют известный интерес для теоретического осмысления исследуемой проблемы.

В трудах второй половины 1980-х годов заметно расширяется и углубляется сама тематика научных исследований. Высказывается критическое отношение ко многим положениям, не вызывавшим ранее возражений, вскрываются трудности, проблемы в решении национального вопроса в СССР³³.

В монографии С.И. Гитлина специальная глава посвящена национальной проблеме³⁴. Однако незавершенность процесса обновления общества в тот период, недостаточная зримость социально-экономических сдвигов, достигаемых в ходе осуществления перестройки, сказались в том, что в книге, как и в других работах, авторы не сумели вовремя показать пагубность методов административно-командного управления межэтническими отношениями в стране.

Среди работ, в которых впервые реально оценивается смысл национальной политики КПСС и советского государства, роль социально-экономических факторов в межэтнических отношениях, негативные последствия административно-командной системы на решение национальных проблем, следует, прежде всего назвать работы Р.Х. Муртазаевой, Г.А. Хидоятова, А. Хазраткулова³⁵. В них раскрыт сложный, диалектически про-

³² Этнографическое изучение быта и культуры узбеков: Сб.ст. — Ташкент: Фан, 1972; Этнография каракалпаков. XIX — начало XX века: Материалы исследования. — Нукус, 1980 и др.

³³ Вопросы совершенствования национальных процессов в СССР. Ташкент: Фан, 1987; Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Материалы Республиканской научно-теоретической конференции. Ч. I, II. — Ташкент: ТашГУ, 1989; Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии. — Нукус, 1989 и др.

³⁴ Гитлин С. И. На переломном этапе (XXVII съезд КПСС и некоторые вопросы ускорения и перестройки). Ташкент: Узбекистан, 1987.

³⁵ Муртазаева Р.Х. Экономика — основа интернационального единства (На материалах республик Средней Азии 1946—1958 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1989; Хидоятов Г.А. Национальный вопрос в СССР. Труды центра исследования нацио-

тиворечивый, процесс решения национальных проблем. Но не все выводы и положения авторов бесспорны.

В конце 1980-начале 1990-х гг. наблюдается резкий всплеск научного и практического интереса - выходят в свет целый ряд работ, посвященных тем или иным аспектам этнической проблематики:

- общие вопросы (Г.А. Хидоятов и др.)³⁶;
- историко-этнографические аспекты³⁷;
- культурно-духовные аспекты проблемы (С.А. Атамуратов, С.И. Гитлин и К.Р. Расулов, СС. Губаева М.Н. Нишанов, Г.Ш. Ширматова)³⁸;
- этносоциальные аспекты (В.В. Коротеева)³⁹;
- аспекты изучения диаспор (М.Д. Савуров)⁴⁰;

нальных и межнациональных отношений при ТашГУ. Вып. I. Ташкент; Узбекистан, 1991; *Хазраткулов А.* Социальные проблемы Узбекистана и пути их решения. Специфика, опыт, перспективы 1971 — 1990 гг. Ташкент: Фан, 1992.

³⁶ *Хидоятов Г.А.* Национальный вопрос в СССР. Ташкент: ТашГУ, 1991; Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Ташкент: ТашГУ, 1989.

³⁷ Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986; История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI – первой половины XIX в. Сост. Б.В. Лунин. Т.: Фан, 1988; История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20-80-е годы XIX в.) Сост. Б.В. Лунин. Т.: Фан, 1990.

³⁸ *Атамуратов С.А.* Национальное самосознание и интернациональное воспитание. Ташкент, 1991; *Гитлин С. И., Расулов К. Р.* Отстоять интернациональное единство. Интернациональное воспитание: опыт, проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991; *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в кон. XIX – нач. XX вв. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991; *Нишанов М.Н.* Обновление духовной жизни наций. Ташкент, 1992; *Ширматова Г.Ш.* Взаимодействие национальных культур и духовное формирование личности. Ташкент, 1986.

³⁹ *Коротеева В.В.* Этносоциальные аспекты рождаемости у населения многонациональных городов (на примере Ташкента)// ЭО. 1986. № 6.; *Она же.* Этносоциальные аспекты рождаемости у населения крупного многонационального города (по материалам Ташкента и Тбилиси). Автореф. дисс. к.и.н. М.: ИЭ, 1987.

⁴⁰ *Савуров М.Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана. Автореф. дисс. к.и.н. Л.: ЛОИЭ, 1986.

- этнолингвистические аспекты (К.Х. Ханазаров, С.Ш. Шермухамедов, Р.Р. Назаров)⁴¹;

- политико-правовые аспекты (Ш.З. Уразаев, И.К. Фазылходжаева)⁴²;

- этноконфессиональные аспекты (И.А. Макатов)⁴³.

В монографии С.И. Гитлина и К.Р. Расулова на основе большого фактического материала, с новых позиций рассматриваются национальная политика, сложность и противоречивость пути выхода из кризиса, обобщается опыт по интернациональному воспитанию в условиях политизации масс, распада Союза, обретения Республикой Узбекистан своей независимости⁴⁴.

Определенный научный интерес вызывают сборники статей «Земля у нас одна» и «Межнациональные отношения современности»⁴⁵, в которых затрагиваются острые, актуальные проблемы межнациональных отношений, создание национально-культурных центров, изучение культурного наследия, внедрения новых традиций и обрядов, а также охарактеризовано общее состояние этнических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане накануне обретения независимости.

В 1995 г. вышла книга С.А. Аббарова «Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 – июнь 1941 гг.», в которой автор, ссылаясь на оригинальные архивные материалы даёт характеристику этнической политики советской власти в Турке-

⁴¹ *Ханазаров К.Х.* Тил ва дил. Ташкент, 1991; *Шермухамедов С.Ш.* На языке единства. Ташкент, 1991; *Назаров Р.Р.* Считаться с реальностью. Обсуждаем Проект Закона о языках. // Сельская правда. 1989. 11 августа.

⁴² *Уразаев Ш.З.* Государственно-правовые аспекты национальных отношений Ташкент, 1989; *Фазилхужаева И.К.* Миллатлараро муносабатларни тартибга солиш (давлат-хукукий аспектлари асосида). Ташкент, 1991.

⁴³ *Макатов И.А.* Отождествление религии и национальной культуры: за и против. Ташкент, 1989

⁴⁴ *Гитлин С. И., Расулов К. Р.* Отстоять интернациональное единство. Интернациональное воспитание: опыт, проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991.

⁴⁵ *Земля у нас одна.* Ташкент: Узбекистан, 1991; *Межнациональные отношения современности.* Ташкент: Фан, 1991.

стане (1917-1924 гг.) и Узбекистане (1924-1941 гг.), раскрывает её влияние на характер межнациональных отношений во всех регионах республики⁴⁶.

Особенности этнодемографических процессов в Ферганской долине были проанализированы в свое время таким исследователем как С.С. Губаева⁴⁷, которая ранее работала в Узбекистане, а затем – в Москве. Специфику этносоциальных и этнополитических процессов в регионе исследовал д.и.н., проф. Ш.М. Абдуллаев⁴⁸. Также различные аспекты этнических процессов и межэтнических отношений в этом сложном во многих отношениях регионе изучали У.С. Абдуллаев⁴⁹ и др.

Ш.М. Абдуллаев комплексно проанализировал противоречия в динамике этносоциальных и этнополитических процессов в Ферганской долине в условиях 1970-1980-х гг., обусловленных порочной в своей основе советской национальной политикой, осветил причины вызревания трагических Ферганских событий 1989 года⁵⁰.

⁴⁶ *Аббаров С.А.* Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 – июнь 1941 гг. Ташкент: Фан, 1995. – 214 с.

⁴⁷ Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в кон. XIX – нач. XX вв. Ташкент: Фан, 1983; Губаева С.С. Население Ферганской долины в кон. XIX – нач. XX вв. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991; Губаева С.С. Уйгуры и дунгане Ферганской долины // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. Ч. 2.

⁴⁸ Абдуллаев Ш.М. Современные этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине. Фергана: ФГУ, 1992; Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70-80-ые годы XX века). Дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз., 1994. – 340 с.

⁴⁹ Абдуллаев У.С. Традиционные и современные межэтнические связи в сельской местности Ферганской долины. Дисс. к.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 1991. – 179 с.; Он же. Межэтнические процессы в Ферганской долине. Автореф. дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 2006. – 49 с.; Он же. Отражение межэтнических связей в материальной культуре народов Ферганской долины в конце XIX-начале XX в. // Узбекистон таърихи. 1999. № 4. С. 62-69 и т.д.

⁵⁰ Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70-80-ые годы XX века). Автореф. дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз., 1994. – 43 с.

Д.Б.Бабаджанова существенно углубила данное направление исторического познания. Исходя из новых методологических позиций, она рассмотрела социально-экономические аспекты межнациональных отношений в указанный период на общереспубликанском уровне. Ей удалось из критически обобщенного опыта дать системную характеристику определившихся проблем в национальной сфере к моменту обретения Узбекистаном независимости⁵¹.

М.А. Бабаходжаев описал процессы формирования концепции национальной политики суверенного Узбекистана, послужившей идеологической основой выхода из сложившейся кризисной ситуации, обеспечения межнационального согласия и гражданского мира в стране⁵².

В 1990 г. вышла статья проф. Х. Бабабекова «Дневник Ферганской трагедии», посвященная Ферганским событиям лета 1989 г. Он отмечает, что турки-месхетинцы, как и другие депортированные народы, неоднократно обращались к руководителям различных инстанций и организаций с требованием разрешить им вернуться на свою историческую родину. Позднее это требование было предъявлено к вновь избранным народным депутатам СССР⁵³. Защищая свои интересы, они требовали разрешить им переселиться в Адигенский, Аспиндзский и Ахалцихский районы Грузии⁵⁴. Однако, после того как «вышестоящие организации не прислушались к их требованиям, они попытались усилить противостояние в дни открытия первого

⁵¹ *Бабаджанова Д.Б.* Социально-экономические аспекты межнациональных отношений в Узбекистане (70- середина 80-х гг.). Автореф. дис... докт. ист. наук. - Ташкент, 1997.

⁵² *Бабаходжаев М.А.* Республика Узбекистан: Очерки межнациональных и межконфессиональных отношений, внешнеэкономических связей. - Ташкент, 1995.

⁵³ *Бобобеков Х.* Фарғона фожеалари кундалиги //Фан ва турмуш. - 1990. - №5. -С. 18.

⁵⁴ *Бобобеков Х.* Фарғона фожеалари кундалиги // Фан ва турмуш. - 1990. -№4. -С.26.

съезда народных депутатов СССР»⁵⁵. Как отмечает профессор Х.Бабабеков, «противоречия между местным населением и турками-месхетинцами усиливались из года в год»⁵⁶. По его утверждениям, основной причиной Ферганских событий явилась плохая социально-экономическая обстановка в Узбекистане, в частности, в Ферганской области.

Ферганские события 1989 г. были проанализированы в ряде публикаций узбекских (Абдуллаев Ш.М., Назаров Р.Р., Бозоров О.Б., Зиямов Ш. и др.)⁵⁷, российских (Лурье М. и Студеникин П., Панеш Э.Х. и Ермолов Л.Б., Осипов А.Г. и др.)⁵⁸, азербайджанских (Гаджылы А., Юнусов А. и др.)⁵⁹, грузинских (Бараташвили М. и др.)⁶⁰, киргизстанских (Рафатов М.Р. и др.)⁶¹ исследователей. Ошские события 1990 г. исследовали также многие специалисты.

Определенный интерес представляют оценка О.И. Брусиной причин конфликтов в Ошской области Кыргызстана и А.Г. Осиповым - в Ферганской области Узбекистана, первая

⁵⁵ Бобобеков Х. Фаргона фожеалари кундалиги //Фан ва турмуш. - 1990. - №5. -С. 18.

⁵⁶ Бобобеков Х. Фаргона фожеалари кундалиги // Фан ва турмуш. - 1990. - №5. -С. 27.

⁵⁷ Абдуллаев Ш.М. Ферганские события и «этнический парадокс» современности // Звезда Востока. 1991. № 6. С. 132-136; Назаров Р.Р. Ферганский межэтнический конфликт 1989 года: предпосылки, ход, последствия// Международный журнал «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». М.: Наука, 2013. - С. 281-292; Бозоров О. 1989 йилдаги Фаргона фожиаси: унинг сабаб ва оқибатлари. Тошкент: Фан, 2010.

⁵⁸ Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989-го. М.: Книга, 1990; Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы: Анализ ферганского конфликта и современной этнополитической ситуации // Материалы полевых этнографических исследований, 1988–1989 гг. — СПб., 1992. — С. 34–46; Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164-223;

⁵⁹ Гаджылы А. На чужбине (этническая культура месхетинских турок). Баку, 1992; Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку: Заман, 2000.

⁶⁰ Бараташвили М. Правовое положение месхов - репатриантов в Грузии. Тбилиси, 1998.

⁶¹ Рафатов М.Р. Месхетия и месхи. Бишкек, 1996

из которых основана на традиционной интерпретации конфликта как борьбы за ресурсы, возникшей вследствие аграрного перенаселения региона⁶², а вторая - на современном конструктивистском подходе, акцентирующем внимание на особенностях массовой психологии и коллективного поведения в кризисных ситуациях⁶³. Точку зрения О.И. Брусиной разделяет и кыргызстанский политолог Л.Н. Лыскова: «Обострению межэтнических отношений в регионе способствуют также демографические факторы. Традиционное расселение народов, сложившееся на протяженности всего существования этносов, а также прошлые и современные миграционные процессы, изменяя характер и пропорции расселения, оказывают влияние на межэтническую ситуацию. Ареалов перенаселенности в Центральной Азии значительно больше, чем где-либо на территории СНГ (Ферганская долина, вокруг Ташкента и Самарканда и др.). Именно перенаселенность в сравнительно небольших районах с плодородной почвой вызвала в 90-е гг. беспорядки в Ферганской долине, которые, в силу ряда причин, приобрели окраску известных межнациональных конфликтов»⁶⁴.

Кыргызский политолог К.К. Иманалиев пишет о трех путях современного развития – «вестернизационном», «модернизационном» и «фундаменталистском». Причем отмечает, что последний путь «отрицает весь западный опыт развития и стремится оградить себя от внешних влияний, законсерви-

⁶² Брусиная О.И. О некоторых причинах межнационального конфликта в Ошской области. М., 1990; Она же. Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения // ЭО. 1995. №4. С. 96-106.

⁶³ Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164-223.

⁶⁴ Лыскова Л.Н. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. Автореф. дисс.к.п.н. Бишкек: КРСУ, 2007. – С. 23.

ровав право интеллектуальных, политических и религиозных лидеров управлять своим народом. Страны, отвергшие глобализацию, – Узбекистан, Иран, Туркменистан, Пакистан, Беларусь»⁶⁵. На наш взгляд, подобного рода сентенции не способствуют укреплению межгосударственных и межэтнических отношений в Центральной Азии.

Как отмечает кыргызстанский политолог В.А. Харченко: «опыт межэтнических конфликтов в разных странах показал, что доминирование автостереотипов восхищения и гетеростереотипов презрения и зависти ведет к конфронтационности этнических групп. В Киргизстане наиболее зримо это проявилось в киргизско-узбекских отношениях»⁶⁶. Он подчеркивает, что в республике существуют «конфликты, связанные со стремлением узбекского населения к получению более высокого социально-политического статуса путем признания узбекского языка в качестве официального (наравне с русским языком). Во всех конфликтных случаях причинами выступали нерешенные властью проблемы собственности, правового статуса, образовательной и языковой политики»⁶⁷.

Повышенный интерес к проблематике этнополитических процессов и межэтнических отношений привел к тому, что учеными Узбекистана был защищен целый ряд докторских и кандидатских диссертаций по данным вопросам. Среди докторских работ особое место занимают труды таких ученых как

⁶⁵ Иманалиев К.К. Проблемы и перспективы этнополитической консолидации в Кыргызской Республике (политологический анализ). Автореф. дисс. д.п.н. М.: ДАМИД РФ, 2010. - С. 34.

⁶⁶ Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). Автореф. дисс. д.п.н. Бишкек: КРСУ, 2011. - С. 30.

⁶⁷ Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). Автореф. дисс. д.п.н. Бишкек: КРСУ, 2011. - С. 32.

Ш.М. Абдуллаев⁶⁸, У.С. Абдуллаев⁶⁹, А.С. Ачилдиев⁷⁰, Д.Б. Бабаджанова⁷¹, М.Х. Ганиева⁷², С.С. Губаева⁷³, А.Х. Дониёров⁷⁴, А.Г. Муминов⁷⁵, Н.А. Назаров⁷⁶, А.Х. Пулатов⁷⁷, А. Хазраткулов⁷⁸, Ш.А. Хайитов⁷⁹, А.М. Юнусов⁸⁰ и др.

Среди кандидатских диссертаций стоит обратить внимание на работы таких ученых как Г.А. Агзамова, Г.Р. Асатова, Ж. Ганиев, Ш.М. Закиров, А.А. Камилов, Р.Р. Назаров, Н.К. Пардаев, К.Р. Расулов, М.Д. Савуров, К.Д. Саипова, М.Д.

⁶⁸ *Абдуллаев Ш.М.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70-80-ые годы XX века). Дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 1994. – 340 с.

⁶⁹ *Абдуллаев У.С.* Межэтнические процессы в Ферганской долине (XIX – начало XX века). Автореф. дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 2006. – 49 с.

⁷⁰ *Ачилдиев А.С.* Миллий истиклол гоёси – миллатлараро муносабатларни такомиллаштириш омили. Автореф. дисс. д.ф.н. Т.: ИФП АН РУз, 2004 – 46 с.

⁷¹ Бабаджанова Д.Б. Социально-экономические аспекты межнациональных отношений в Узбекистане (70-е - середина 80-х гг.). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1997. – 56 с.

⁷² Ганиева М.Х. Общественное мнение как фактор развития межнациональных отношений в Узбекистане. Автореф. дисс. д.с.н. Т.: НУУз, 2009. – 50 с.

⁷³ Губаева С.С. Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. д.и.н. М.: ИЭА РАН, 1992. – 30 с.

⁷⁴ Дониёров А.Х. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке: основные этапы, проблемы, перспективы развития. Дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 2003. – 394 с.

⁷⁵ Муминов А.Г. Национальная политика независимого Узбекистана и пути её реализации в духовно-культурной сфере (теория и практика). Автореф. дисс. д.полит.н. Т.: АГОС, 1999.

⁷⁶ Назаров Н.А. Жамятда миллий-этник жараёнлар ривожининг сиёсий-фалсафий тахлили. Автореферат дисс. докт. полит. наук. Т.: АГОС, 2005. – 50 с.

⁷⁷ Пулатов А.Х. Этносоциальные отношения в Центральной Азии: теория, проблемы, пути решения : Дис. ... д-ра филос. наук. Ташкент: ИФП АН РУз, 2003. - 251 с.

⁷⁸ Хазраткулов А. Социальные проблемы Узбекистана и пути их решения. Специфика, опыт, перспективы (1971 – 1990 гг.). Автореф. дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 1993. – 56 с.

⁷⁹ Хайитов Ш.А. История узбекской эмиграции XX века. Автореф. дисс. д.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 2009. – 50 с.

⁸⁰ Юнусов А.М. Демократизация общества и взаимодействие национального и общечеловеческого в развитии духовных ценностей. Автореф. дисс. д.филос.н. Т.: ИФП, 1995. – 46 с.

Тен, З.М. Хусниддинов⁸¹ и др.

Подводя некоторые итоги краткого историографического анализа, можно заключить, что к настоящему времени уже заложены необходимые основы исследования многогранного опыта Республики Узбекистан по гармонизации межнациональных отношений как важнейшего направления национальной политики суверенного Узбекистана, приоритетного условия обеспечения социально-политической стабильности общества. Вместе с тем в объемном изучении глобальной темы сделаны только первые шаги. Существует широкий диапазон вопросов, которые ещё практически не рассматривались. Накопленные по данному направлению обществоведческой мыс-

⁸¹ Агзамова Г.А. Узбеки за рубежом: социально-политические и правовые проблемы. Автореф. дисс. к.филос.н. Т.: ТашГУ, 1995. – 23 с.; Алимов Ш.К. Изучение национальной политики в исторической литературе Узбекистана (20-30-е годы). Автореф. дисс. к.и.н Т.: ТашГУ, 1994. – 23 с.; Асатова Г.Р. Языковая политика в Узбекистане в XX веке: суть, последствия и уроки. Автореф. дисс. к.и.н Т.: НУУз, 2004. – 29 с.; Ганиев Ж. Проблемы историографии религиозных конфессий в Узбекистане (1917 – 2000 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Т.: ИИ АН РУз, 2008. – 30 с.; Закиров Ш.М. Системное исследование проблем гармонизации межнациональных отношений в условиях независимости Узбекистана. Автореф. дисс. к.ф.н. Т.: НУУз, 2005. – 24 с.; Камилов А.А. Деятельность Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР по решению национальных проблем в Туркестане. Автореф. дисс. к.и.н. Анд.: АГУ, 1993. – 26 с.; Назаров Р.Р. Национальные отношения как объект социально-политического управления. Автореф. дисс. к.философ.н. Т.: ТашГУ, 1995. – 22 с.; Пардаев Н.К. Проблемы развития национальных культур малочисленных народов в условиях независимого Узбекистана. Автореф. дисс. к.ф.н. Т.: ТашГУ, 1996. – 23 с.; Расулов К.Р. Обеспечение межнационального согласия и мира в Узбекистане во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Автореф. дисс. к.и.н. Андижан: АГУ, 1993. – 29 с.; Савуров М.Д. Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана. Автореф. дисс. к.и.н. Л.: ИЭ, 1986. – 20 с.; Саипова К.Д. История Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР (1918 – 1924 гг.). Автореф. к.и.н. Т.: НУУз, 2011 - 31 с.; Тен М.Д. Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. Т.: ИИ АН РУз, 2011. – 30 с.; Хусниддинов З.М. Узбекистонда диний багрикенгликни мустахкамлаш омиллари ва муаммолари. Автореф. дисс. к.филос.н. Т.: ТИУ, 2000. – 26 с.

ли знания носят преимущественно фрагментарный характер, отличаются аморфностью и внесистемностью. Отечественная историография до последнего времени не обладает ни одной обобщающей работой, в которой был бы комплексно рассмотрен новаторский опыт гармонизации межнациональных отношений, аккумулированный за годы независимости в Республике Узбекистан. Поэтому, учитывая актуальность и высокую общественную значимость проблемы, её следует рассматривать в качестве перспективного объекта специального изучения.

В завершении историографического обзора проблематики этнополитических процессов и межэтнических отношений, автором были сделаны следующие выводы:

1. Современный массив литературы об этнополитических процессах и межэтнических отношениях представляет собой сложное переплетение различных типов дискурса — логически оформленных систем аргументаций, выстроенных, с одной стороны, в зависимости от предпочтений, отдаваемых одному из методологических подходов, а с другой - дисциплинарным, междисциплинарным и общенаучным нормативным образцам исследования истории человечества, в теоретических контекстах которых «этнополитические процессы» и «межэтнические отношения» истолковываются различным образом.

2. В современном научно-теоретическом дискурсе об этнополитических процессах и межэтнических отношениях исследования проходят в рамках следующих подходов: примордиализма, конструктивизма, инструментализма, функционализма, модернизма. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая методологический плюрализм этнополитологического дискурса. Выход, по мнению автора данного исследования, в ситуационном, системном подходе, когда категории «этнополитические процессы» и «межэтнические отношения» рассматриваются в истории и науке различных

стран как изменчивые процессы, в изучении которых нужно опираться на различные трактовки, подходящие конкретно под эти ситуации, а также соотнесение с такими явлениями, как идентичность, нация, государство, глобализация.

3. В сущности, каждая из крупных парадигм в данной области внесла свой теоретический вклад, способствовавший улучшению понимания динамики развития этнополитических процессов и межэтнических отношений. В частности, актуальность примордиализма объясняется его определением национализма через указание на этнические корни и культурную основу последнего. Конструктивизм убедительно обосновал социально-экономические основы зарождения этнических общностей, а также приоритетную роль государства в формировании этнополитических процессов. В рамках конструктивизма и инструментализма заслуживает внимания положение ученых о том, что этнополитика, как определенная идея и способ конструирования социальной реальности, в которой мы существуем, может иметь разные теоретические и идеологические формулировки.

4. Что касается постсоветского поля исследований этнополитических процессов и межэтнических отношений, то, как было показано, здесь также не хватает консенсуса по многим вопросам. В досоветский период теоретические изыскания национальных вопросов проходили в русле нескольких направлений: консервативного, либерального, шовинистического, национально-освободительного, но ни одна из моделей не стала доминирующей.

5. В советский период дискуссии велись в рамках строго устоявшейся идеологии. Национализм оценивался негативно, а нация считалась высшей ступенью развития этноса. Главным в этом период были не обсуждения и создание теорий, а политика, которая в полной мере на все это влияла. Советское

государство взяло на вооружение национальную политику одновременного объединения и разъединения. СССР было и традиционным полиэтническим государством и потенциально возможным унитарным государством. Политика коренизации — заручение поддержкой нерусских народов - пример имперской политики, а советизация - пример национальной политики по созданию одной (советской) нации. Тем не менее, долгосрочные меры по поддержке малых и больших этнических общностей привели к появлению наций и национальных государств. А попытки создания похожих людей со стандартизированными привычками и одинаковой жизнью в рамках политики советизации проводились властью с целью создания более эффективно управляемого общества. Национальная и имперская политика находились в жестком противостоянии в течение всего существования советского государства, осложняясь репрессиями и исключением целых этнических общностей как врагов из «советской нации». В современном трансформирующемся обществе осталось много проблем, порожденных противоречивой советской национальной политикой, что сказывается и на исследовательской ситуации этнополитической проблематики.

6. Категориальный аппарат, которым пользуется современная социальная наука в «национальном вопросе», достался в наследство от обществознания советской поры, поэтому с большим трудом продвигаются теории, отличные в своих методах от советской. Принимая во внимание разработки западных коллег, исследователи сосредотачиваются на отечественных реалиях. Националистический дискурс решает в настоящее время несколько проблем, которые в некоторой степени пересекаются. В нем сосуществуют и соперничают разные интерпретации того, что есть «нация», то есть на основании каких критериев она определяется, что отличает нашу нацию от

других, кто к ней принадлежит, какими видятся ее прошлое и будущее, ее «проблемы» и «перспективы». В рамках дискуссий о национальной политике национализм (вообще интерпретируемый преимущественно как этнический национализм, гражданский национализм часто упоминается в литературе, но лишь как умозрительный проект) несет преимущественно негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки. Аргументация в основном укладывается в диапазон от отождествления национализма с идеями доминирования определенной этнической группы до суждений о национализме как угрозе стабильности многонационального государства.

1.2. Этническая политика и межэтнические отношения в Республике Узбекистан

Межэтнические отношения представляют собой важный аспект социально-политической жизни любого многонационального, полиэтнического социума, ярким примером которого является Республика Узбекистан.

Этническая политика в широком смысле – это составная часть и специфический аспект политики в условиях многонационального, полиэтнического государства. Будучи включенной в общий контекст политики, она обладает известной самостоятельностью, и в этом качестве способна как ускорять, так и тормозить ход общественного, а значит и национального развития. Этническая политика в узком смысле – это стратегический курс правительственных структур, политических партий, общественных движений многонациональных (полиэтнических) государств в национальном вопросе, находящий свое закрепление в законодательных актах, специальных программах и других соответствующих документах.

Равноправие, консолидация, взаимодействие, совместное процветание всех этносов – таковы основные принципы этни-

ческой политики Республики Узбекистан. В Конституции⁸² и других законодательных актах Республики (Закон «О государственном языке»⁸³, Закон «О гражданстве» и т.д.) отмечается: все граждане РУз, независимо от национальности равноправны; государство гарантирует законные права и интересы всех национальностей, запрещены дискриминация любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Государство выступает против национального шовинизма и национализма; каждая нация имеет право свободного применения и развития своего языка и культуры, имеет право на сохранение собственных верований, традиций, обрядов, обычаев⁸⁴.

Демократическая этническая политика опирается на следующие принципы: равноправие этнических групп, межнациональное, межэтническое согласие и толерантность, сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов, запрет любых форм недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, насильственные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.), поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразия.

Узбекистан традиционно многонационален, полиэтничен. История взаимодействия различных этносов восходит здесь к глубокой древности. Веками живут рядом с узбеками таджики, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, бухарские евреи, персы, арабы, уйгуры, дунгане и т.д. На протяжении длительного времени для этнических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане характерны открытость, дружелю-

⁸² Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2015.

⁸³ Абдумажидов Г. «Ўзбекистон Республикасининг давлат тили хақида»ги қонунга шарҳлар. – Комментарий к Закону «О государственном языке Республики Узбекистан». Ташкент: Адолат, 1999.

⁸⁴ Гинзбург А.И. Узбекистан. Этнополитическая панорама: Очерки. Документы. Материалы. М.: ИЭА РАН, 1995.

бие, добрососедство. Большинство коренных этносов региона объединены глубокой хозяйственно-бытовой, языковой, профессиональной, этнокультурной близостью. Как точно сказал выдающийся востоковед Н.И. Конрад: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей. Связь эта, конечно, может быть очень различной – и по характеру, и по интенсивности, и по масштабу, но она всегда существует. Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни. Такая общность ближайшим образом бывает региональной, т.е. охватывающей определенную группу соседствующих стран, но может становиться и очень широкой, включающей целые группы стран. В новое время она является даже мировой, т.е. в масштабе всего человечества».⁸⁵ Этнический состав населения Узбекистана на протяжении длительного времени менялся в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов.

Центральная Азия в различные периоды своей истории входила в состав многих полиэтнических государств: Ахеменидской державы, Греко-Македонского царства, Кушанской империи, Тюркского каганата, Арабского халифата, государств Саманидов, Караханидов, Каракитаев, Чингизидских государств, державы Амира Темура, Темуридских государств, Российской империи⁸⁶. Естественно, это вело к постоянному появлению в регионе всё новых и новых этнических групп⁸⁷. Часть из них ассимилировалась и растворилась в составе местного населения, другая часть в той или иной мере сумела сохранить свою этническую специфику и самобытность. Необходимо помнить, что вплоть до XX века государства региона

⁸⁵ Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. - С. 17

⁸⁶ Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986; Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2003.

⁸⁷ Ата-Мирзаев О.Б., Гентишке В.Л., Муртазаева Р.Х. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Ибн Сино, 1998.

не носили этнического характера. Даже то, что мы называем Казахскими или Узбекскими ханствами, на самом деле были полиэтническими, поликультурными образованиями. «Этническая толерантность населения современного Узбекистана – явление, имеющее древние корни. По этой территории проходил Великий шелковый путь международной торговли между Востоком и Западом, что изначально создавало разнообразный этнический состав населения»⁸⁸.

Бурная история Туркестана неизбежно должна была сказаться на этнической структуре населения. «Национальный состав Туркестана образовался путем ряда исторических отслоений, исторических отложений. На один национальный пласт ложился другой и или ассимилировал, переваривал предыдущий национальный пласт, или размещался территориально по соседству с ним»⁸⁹.

Первые представители европейских этносов появились в регионе несколько веков назад. Массовый характер переселение европейцев приняло после включения региона в состав Российской империи. Во второй половине XIX – начале XX вв. в регионе в достаточно значительном числе поселяются представители славянских этносов (русские, украинцы, белорусы, поляки и т.д.), этносов Кавказа (армяне, грузины, азербайджанцы, дагестанцы и т.д.), этносов Поволжья и Приуралья (татары, башкиры, мордва и т.д.)⁹⁰.

В ещё большей степени этническая структура Узбекистана трансформировалась в постреволюционный период. В 20-40-ые гг. XX в. увеличение численности иноэтнического населения республики было связано преимущественно с трагическими обстоятельствами: коллективизация и высылки значи-

⁸⁸ *Лиманов О., Кадыров Б.* Межнациональные и межконфессиональные отношения. Ташкент, 2006. С. 4.

⁸⁹ *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). Алматы, 1996. С. 37.

⁹⁰ *Ата-Мирзаев О.Б., Гентике В.Л., Муртазаева Р.Х.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: изд. Ибн Сино, 1998.

тельных групп раскулаченных (русские, украинцы, белорусы и т.д.); война и эвакуация (русские, украинцы, белорусы, евреи, прибалты, поляки, молдаване и т.д.); сталинские репрессии и депортации (немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, корейцы, курды, греки и т.д.).

Одновременно с процессом усложнения этнической структуры Узбекистана шла консолидация узбекского этноса. Выделявшиеся до 1920-ых гг. в качестве самостоятельных этнических единиц кураминцы (в 1926 г. – 50,1 тыс. чел.), кипчаки (в 1926 г. – 32,8 тыс. чел.), тюрки (в 1926 г. – 22,1 тыс. чел.)⁹¹ и т.д. окончательно влились в состав единой узбекской нации. Процессы перехода от чисто аграрного общества сначала к аграрно-индустриальному, а затем – к индустриально-аграрному также способствовали этнической консолидации.

В послевоенное время численность иноэтнического населения Узбекистана резко возросла в связи с восстановлением народного хозяйства и расширением производства в новых промышленных городах республики (Чирчик, Навои, Ангрен, Алмалык, Газалкент, Янгиюль и др.). Ещё одна большая волна переселений была связана с Ташкентским землетрясением 1966 года и оказанием помощи в восстановлении города.

В настоящее время Узбекистан населяют представители более чем 130 наций, народностей, этнических групп. На рубеже XX-XXI вв. в этнической структуре Узбекистана возникли новые тенденции: сокращается численность ряда этнических групп в связи с выездом за пределы СНГ (европейские и бухарские евреи, немцы, греки и т.д.) или в другие республики СНГ (крымские татары, турки-месхетинцы, курды, славяне и т.д.); численность некоторых групп несколько возрастает в связи с въездом из других республик (таджики, армяне и т.д.); появляются некоторые этнические группы, ранее отсутствовавшие или представленные в незначительном числе (афганцы, индий-

⁹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XV. М., 1928. С. 8-9

цы, китайцы и т.д.); наблюдается некоторый приток узбекского населения из-за пределов республики⁹².

В целом для этнодемографической ситуации Узбекистана характерно следующее: отток иноэтнического населения стабилизируется, приток иноэтнического населения продолжается, не исключено появление в этнодемографической структуре Узбекистана новых групп населения, Узбекистан в значительной степени сохраняет своё этническое разнообразие, стабильность социальной ситуации в республике гарантирует успешное развитие этнодемографических процессов. Стабильность межэтнических отношений в Узбекистане отмечается не только отечественными, но и зарубежными исследователями⁹³.

Основу этнополитики современного Узбекистана составляют следующие основные принципы⁹⁴:

полное равноправие всех граждан, вне зависимости от этнической, расовой, языковой, конфессиональной принадлежности;

приоритет прав человека над правами любых групп, включая этнические;

уважительное отношение к правам, культурам, языкам, традициям, обычаям, конфессиональным особенностям всех этнических меньшинств, создание условий для сохранения их специфики;

⁹² Алиева В.Р., Назаров Р.Р. Этнодемографические процессы в Республике Узбекистан// XVIII-ые Плехановские чтения. Москва: РЭА, 2005. С. 259-260.

⁹³ Новак Ю. Межэтнические отношения в Узбекистане. Пер с нем.// Социологические исследования. 1994. № 4. С. 41-52; Каракурт Т. Межнациональные конфликты и их решения в Н.Н.Г. Пер. с нем. Варшава: Фонд Ф. Эберга, 1993; Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001; Шоберлайн-Энгел Дж. Перспективы становления национального самосознания узбеков. Пер с англ.// Восток. 1997. № 3. С. 52-63; Ferghana Valley: the Heart of Central Asia. Ed. by S.Fr. Starr. New-York, publ. M.E. Sharpe, 2011; Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. - М.: ИЭА РАН, 2011; Центральная Азия: Человек – общество - государство. М.: ИВИ РАН, 2013; и т.д.

⁹⁴ Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Ташкент: НЦПЧ, 2000.

развитие рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, реформирование, обновление и модернизация в интересах всех этнических групп;

разрешение любых сложных и проблемных ситуаций в межэтнических отношениях исключительно мирными средствами;

развитие принципов межэтнической и межконфессиональной толерантности;

сохранение этнокультурного многообразия.

Основными источниками обеспечения этнополитики РУз являются:

- Конституция РУз и другие законодательные акты в данной сфере (Закон «О государственном языке», Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», Закон «О гражданстве», Закон «О свободе совести и религиозных организациях» и т.д.);

- Международные договора в области прав человека и гуманитарного права, ратифицированные РУз (Конвенция «О ликвидации всех форм расовой дискриминации», Заключительный акт Хельсинкского совещания ОБСЕ и т.д.);

- принятые и ратифицированные резолюции и рекомендации международных организаций, членом которых является РУз (ООН, ОБСЕ, СНГ и т.д.),

- двусторонние и многосторонние межгосударственные соглашения, регулирующие статус этнических меньшинств,

- Национальная программа действий в области прав человека.

Как отмечается в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: «всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном - предосудительна, а в социальном - несправедлива и опасна и что не может быть оправдания для

расовой дискриминации, где бы то ни было: ни в теории, ни на практике»⁹⁵

Элементами этнополитики РУз выступают⁹⁶:

- практические действия по созданию в обществе атмосферы межэтнической и межконфессиональной толерантности,
- совершенствование правовых институтов и законодательных механизмов по обеспечению индивидуальных и коллективных прав человека, в т.ч. меньшинств (этнических, расовых, языковых, конфессиональных, культурных и т.д.),
- меры по сохранению этнокультурной самобытности меньшинств и их интеграции,
- обеспечение пропорционального представительства этнических меньшинств во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, культурной и т.д.

Основные конституционные нормы, касающиеся этнополитики, закреплены в статьях 4, 8, 18, 21, 31, 57, 73, 74, 115 Конституции РУз, в ст. 6 Трудового Кодекса РУз, в ст. 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в ст. 6 Закона «О средствах массовой информации», в ст. 24 Закона «О государственном языке», и т.д.

Статья 8 Конституции гласит: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности»⁹⁷. В ст. 4 Конституции закреплён принцип обеспечения культурного развития меньшинств: РУз «обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на её территории, создание условий для их развития»⁹⁸.

⁹⁵ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 21 декабря 1965 г.// Действующее международное право. Т. 2. М., 1999. С. 72

⁹⁶ Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению основных положений конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации». Отв. ред. А.Х. Саидов. Ташкент, НЦПЧ, 1999. – 56 с.

⁹⁷ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. Ст. 8.

⁹⁸ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. Ст. 4.

Согласно ст. 15 Закона «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан»: «Все граждане Республики Узбекистан независимо от нации, народности... имеют одинаковые гражданские права и находятся под охраной Конституции республики и её законов»⁹⁹.

Важными показателями демократичности этнополитики РУз являются:

- запрет на организацию политических партий по национальному и расовому принципу (ст. 57 Конституции РУз)¹⁰⁰,
- запрет на создание общественных объединений, деятельность которых направлена на пропаганду этнической, расовой, религиозной розни (ст. 5 Закона «Об общественных объединениях»),
- запрещение дискриминации в трудовых отношениях в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и т.д. (ст. 6 Трудового Кодекса РУз)¹⁰¹,
- запрет на использование религиозных лозунгов в целях возбуждения вражды, ненависти, межэтнической розни (ст. 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях»),
- недопустимость использования СМИ в целях пропаганды этнической, расовой, религиозной вражды (ст. 6 Закона «О средствах массовой информации»),
- запрет препятствованию осуществлению права граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, образования (ст. 24 Закона «О государственном языке»).

Высоким званием «Герой Узбекистана» награждены 76 человек, среди которых арабы, казахи, каракалпаки, корейцы, русские, таджики, узбеки, украинцы.

Республика Узбекистан регулярно представляет в Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации доклады по

⁹⁹ Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» // Конституционное право Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. Т. 1.

¹⁰⁰ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. Ст. 57.

¹⁰¹ Трудовой Кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1999. – С. 131.

выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которых предусматривается следующее¹⁰²:

- дальнейшее совершенствование государственной политики в сфере недопущения расовой дискриминации и усиление социального партнерства в данной сфере;

- изучение передового зарубежного опыта правового регулирования вопросов защиты от расовой дискриминации в целях более глубокой имплементации в законодательство страны соответствующих международных стандартов;

- активизация информационно-просветительской, образовательной и издательской деятельности в целях информирования граждан и государственных служащих о положениях Конвенции и других международных документов, формирования культуры прав национальных меньшинств в обществе;

- усиление мониторинговых и социологических исследований состояния выполнения Конвенции соответствующими государственными органами как в центре, так и на местах;

- совершенствование системы сбора и анализа дезагрегированных данных о положении дел в сфере обеспечения прав представителей различных наций и народностей, проживающих в Узбекистане;

- конкретизация полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в сфере выполнения международных обязательств страны по недопущению расовой дискриминации¹⁰³.

Важную роль в улучшении этнолингвистической ситуации в республике сыграло принятие в 1995 г. Новой редакции Закона

¹⁰² Национальный центр РУз по правам человека. VIII-IX Национальный Доклад по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Ташкент: НЦПЧ, 2012.

¹⁰³ Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации за 2011 год // http://www1.umn.edu/humanrts/russian/cerd/Ruzbekistan_add2_2011.html

«О государственном языке». Как отмечают специалисты: «В этом законе определены правовые основы функционирования узбекского языка как государственного, а также других языков, гарантии их защиты. Урегулировано использование языков с учетом лингвистического состояния населения по месту жительства, труда, учебы... Установлена ответственность за пропаганду вражды и проявление пренебрежения к другим языкам»¹⁰⁴.

Важными показателями эффективности этнополитики РУз являются функционирование системы образования на 7 языках, прессы – на 12 языках. В Узбекистане насчитывается 9 765 школ, в т.ч. с обучением¹⁰⁵:

- на узбекском языке - 8867 (90,8 %);
- на русском языке - 739 (7,57 %)
- на казахском языке - 505 (5,17 %);
- на каракалпакском языке - 383 (3,92 %);
- на таджикском языке - 267 (2,73 %)
- на киргизском языке - 62 (0,63 %)
- на туркменском языке - 50 (0,51%).

Кроме того, при многих национально-культурных центрах (Армянском, Еврейском, Немецком, Польском, Татарском и т.д.) действуют воскресные школы, где молодые (и не только молодые) люди изучают родной язык, литературу, национальную историю, обычаи, обряды, традиции своего народа.

Во всех вузах Республики Узбекистан обучение осуществляется на узбекском и русском языках, в Республике Каракалпакстан - на каракалпакском, узбекском и русском языках. Кроме того, во многих вузах есть отделения и группы с обучением на языках коренных этносов РУз¹⁰⁶: на казахском (Каракалпак-

¹⁰⁴ Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика. Ташкент, 2004. С. 13

¹⁰⁵ По данным Министерства народного образования РУз. Общая сумма больше 100 %, потому что часть школ – с обучением на двух и более языках: узбекско-русские, узбекско-казахские и т.д.

¹⁰⁶ Справочник для поступающих в высшие образовательные учреждения. Таш-

ский, Гулистанский, Джизакский, госуниверситеты, Ташкентский педуниверситет, Навоийский и Нукусский, пединституты); на таджикском (Бухарский, Самаркандский, Термезский госуниверситеты); на туркменском (Каракалпакский госуниверситет); на кыргызском (Андижанский госуниверситет).

Газеты в Узбекистане издаются на 8 языках: английском, каракалпакском, казахском, корейском, русском, таджикском, туркменском, узбекском (включая республиканские издания «Правда Востока» и «Народное слово» - на русском, «Нурлы жол» - на казахском, «Овози тожик» - на таджикском, «Uzbekistan today» - на английском); журналы – также на 8 языках: английском, армянском, каракалпакском, казахском, русском, таджикском, узбекском, французском.

Телепередачи транслируются на 11 языках: азербайджанском, английском, каракалпакском, казахском, корейском, кыргызском, русском, таджикском, татарском, узбекском, уйгурском.

Радиопередачи тоже выходят в эфир на 11 языках: английском, башкирском, казахском, каракалпакском, кыргызском, русском, таджикском, татарском, туркменском, узбекском, уйгурском.

В настоящее время в Узбекистане функционирует более 140 национально-культурных центров (НКЦ), охватывающих 27 национальностей, представляющих как крупные этнические группы, насчитывающие сотни тысяч чел. (русские, таджики, казахи и т.д.), так и небольшие по численности группы, насчитывающие лишь сотни человек (литовцы, дунгане и т.д.)¹⁰⁷. «Большинством исследователей и экспертов отмечается стабильность и благоприятная динамика развития межэтнических отношений в нашей стране»¹⁰⁸.

Важным элементом демократической этнополитики является сохранение культуры этнических меньшинств. Культура

кент: ГЦТ, 2014.

¹⁰⁷ Этноконфессиональный атлас Узбекистана. Ташкент: РИКЦ, 2005.

¹⁰⁸ Лиманов О., Кадыров Б. Межнациональные и межконфессиональные отношения. Ташкент, 2006. С. 4.

как всеобщий феномен является достоянием человечества в целом. Общечеловеческая культура - объединяющее начало, способствующее взаимопониманию и согласию этносов. Её отношение к этническим культурам - отношение общего к единичному. Как общее существует в единичном и через него, так и общечеловеческое существует в этнических культурах, выражается через них. Поэтому столь важно сохранение всех этнических культур, т.к. каждая из них – одна из граней выражения общечеловеческой культуры. Единичное выступает основой общего, но само общее так же необходимо единичному.

Замыкание в этнических рамках – опасно для развития культуры любого этноса, т.к. приводит к отключению от «культурного поля» планеты, способствует нарастанию стагнации ввиду недостатка культурной информации. Любые попытки сформировать этнически «чистую» культуру не имели успеха, если не считать примитивных изолированных сообществ (островных, высокогорных, пустынных, тропических и т.д.)¹⁰⁹.

Культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития. Говоря «культура Узбекистана», мы не подразумеваем исключительно узбекскую этническую культуру. Понятие «узбекская культура» включает в себя культуру всех частей узбекского этноса, проживающих в любом регионе Узбекистана, любом государстве ближнего или дальнего зарубежья. В то же время в понятие «культура Узбекистана» входит культура всех этносов и этнических групп, населяющих республику.

Культура всех этносов и этнических групп Узбекистана входит в более широкое понятие - «культура народов СНГ», поскольку культурные реалии подвержены значительно более медленным изменениям, чем реалии политические или социальные. Этнические культуры узбеков, казахов, каракалпаков, кыргызов, туркмен, таджиков составляют центрально-азиат-

¹⁰⁹ Художественная культура: интеграция и локализация. Ташкент: Ин-т искусствознания, 1992.

ский региональный блок культуры народов СНГ. В более широких этнокультурных рамках культуры всех этих этносов (и других - татар, башкир, крымских татар, уйгур, турок, азербайджанцев и т.д.) включены в мусульманскую суперэтническую систему. Также культуры практически всех мусульманских этносов Узбекистана (за исключением ираноязычных этносов - таджиков, иранцев, курдов) входят и в другую суперэтническую систему – тюркскую.

Этнокультурные связи народов Узбекистана не ограничиваются «культурными полями» СНГ, ислама и тюркского мира. Многокрасочность этнической и культурной палитры Узбекистана обеспечивает культурный плюрализм, подключённость к «культурным полям» других суперэтнических систем. Через русскую и русскоязычную культуру обеспечивается связь и обмен со славянством. Через славян, армян, грузин, греков и т.д. есть связь с широкой суперэтнической культурной системой – христианской (православной, католической, протестантской, григорианской и т.д.)¹¹⁰. Через западные этнические группы (немцы, прибалты, поляки) есть связь с культурой Европы, через группы восточного происхождения – связь с Ближним (евреи, среднеазиатские евреи, арабы) и Дальним Востоком (корейцы, дунгане, китайцы) и т.д.

Вся история человеческой цивилизации – это история этнокультурных контактов на региональном, государственном, групповом, индивидуальном уровнях. Из самой возможности пересадки элементов культуры (языка, религии, обычаев, особенностей хозяйства и быта и т.д.) с одной этнической почвы на другую, из реальной возможности органического синтеза элементов различных этнических культур можно сделать выводы о наличии глубоких общечеловеческих основ в культуре любого этноса¹¹¹.

¹¹⁰ Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом. Ташкент: ТиУЕУ РПЦ, 2011.

¹¹¹ Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2010.

Наличие элементов единой общечеловеческой культуры в каждой этнической культуре – это реальная основа для межэтнической культурной интеграции, которая всегда способствует обогащению духовной сферы общества. Мы имеем дело с сочетанием двух тенденций в развитии этнических культур: тенденции к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденции к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

Как отмечает академик АН РУз Р.А. Убайдуллаева: «полученные в ходе исследования “Узбекистан - наш общий дом” результаты позволяют констатировать наличие гражданского и межнационального согласия в обществе. Абсолютное большинство опрошенных считают это самым ценным достоянием независимого Узбекистана. Материалы исследования свидетельствуют о сложных, противоречивых процессах консолидации узбекистанского общества и его интеграции, проявляемой, в частности, в формировании целостного общественного сознания, становлении общегражданского менталитета, собственного представителям всех национальностей»¹¹².

В заключении хотелось бы отметить следующее:

- демократическая этнополитика опирается на принципы: равноправие этнических групп, межнациональное, межэтническое согласие и толерантность, сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов, запрет недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, насильственные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.), поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразие;

¹¹² Убайдуллаева Р.А. Межэтнические отношения в оценках населения Узбекистана // Социологические исследования. 2005, №12. С. 94.

- этнический состав населения Узбекистана на протяжении длительного времени менялся в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов;

- культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития;

- существуют две основные тенденции в развитии этнических культур: тенденция к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденция к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

В целом этнополитика Республики Узбекистан имеет достаточные теоретические, историко-демографические, правовые, культурные основания для своего дальнейшего развития и совершенствования в условиях системной трансформации социума, демократизации, модернизации и обновления, развития правового государства и гражданского общества.

В Узбекистане важнейшей задачей этнополитики на современном этапе является сохранение и укрепление социального и межэтнического единства страны. Государственный приоритет должен быть направлен на формирование такой модели идентичности, которая базировалась бы на передовом зарубежном и позитивном отечественном опыте, включающем политику взаимообогащения и сохранения этнического многообразия, диалог культур, межэтническую лояльность. Этническая (узбек, каракалпак, русский, таджик, татарин, кореец и т.д.) и политическая (узбекистанец, гражданин Узбекистана) идентичности должны не конкурировать, а взаимодополнять друг друга.

Глава 2. Этнические диаспоры как фактор этнополитических процессов и межэтнических отношений

2.1. Этнические диаспоры в Центральной Азии

Этнические процессы, система межэтнических взаимодействий и межгосударственных отношений, распад или создание транснациональных сообществ, тесно связаны с формированием и развитием такого социокультурного феномена как этнические диаспоры. Взаимодействие между страной исхода, страной поселения и диаспорой интерпретируется по-разному. Растущее влияние приобретают концепции, рассматривающие данные процессы в контексте глобализации. Последняя, по мнению некоторых ученых, описывающих будущие сценарии развития человечества, характеризуется постепенным исчезновением границ и активизацией свободных потоков товаров, людей и идей «в мире пересекающихся экономик, перекрещивающихся систем ценностей и фрагментарных идентичностей»¹¹³.

Исходя из нового глобального контекста, многие понятия нуждаются в переосмыслении и переформатировании, и среди них, в первую очередь, понятия транснационального пространства, сообщества мигрантов и диаспоры. В настоящее время область явлений, обозначаемых как «диаспора», заметно расширилась, а частота употребления этого термина существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в слово «диаспора», значительно изменился. В какой-то мере подобное положение дел можно объяснить тем, что дискуссия о диаспоре ведется специалистами разных направлений, среди которых не только этнологи, социологи, политологи, но и писатели, режиссеры, журналисты. Можно констатировать, что «диаспора»

¹¹³ См. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003

стало попросту модным словом, которое принято употреблять, когда речь идет об этнических группах¹¹⁴.

С точки зрения этнографов диаспора «(от греч. *diaspora* - расселение; англ. - *diaspore*) - а) в узком смысле - совокупность мест поселения евреев после разгрома Вавилоном Израильского царства (6 в. до н.э.) и увода живших там евреев в плен, позже - совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; б) в широком смысле - для обозначения мест расселения тех или иных этнических групп, оторвавшихся от родной территории этнической: армянская диаспора, ирландская диаспора и т.д. К диаспоре не относятся случаи расчленения территории этнической политико-государственными границами, при сохранении компактности расселения»¹¹⁵.

В итоге мы имеем бесконечное множество мнений о том, что понимать под диаспорой. Проблема такого разброса коренится также в многогранности самого исследуемого понятия, которое требует более или менее отчетливой дефиниции, о чем рано или поздно придется договориться.

В самом деле, понятие «диаспора» используется для таких неоднородных явлений, как этнические меньшинства, беженцы, трудовые мигранты и т.д. В конечном счете, речь идет о любых группах, по тем или иным причинам живущих вне страны своего происхождения. По сути, употребление термина «диаспора» явилось попыткой объединить все возможные процессы этнического размежевания. Это касается как «старых» этнических образований (так называемых исторических или классических диаспор), так и «новых» форм рассеяния, которые только стремятся к сохранению своей этнической обособленности и созданию собственных отличительных признаков.

¹¹⁴ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры, 1999. № 1; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126 - 138 и т.д.

¹¹⁵ Козлов В.И. Диаспора // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 26

Ю.А. Поляков приводит два основных толкования понятия диаспора:

1. этническая общность, находящаяся в иноэтничной среде,
2. население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству¹¹⁶.

При этом он указал на существование иммигрантских диаспор и групп коренных жителей страны, оказавшихся оторванными от основного места пребывания своего этноса в силу перекройки государственных границ и других исторических обстоятельств. В этом смысле лучше говорить не о диаспоре, а об ирреденте.

Об этом писала казахский исследователь Г.М. Мендикулова: «В современной политической науке под термином ирредента, или невоссоединенные нации подразумеваются этнические меньшинства, населяющие территорию, смежную с государством, где доминируют их соплеменники. За пределами своей страны невоссоединенные нации (в отличие от диаспор, которые создаются путем миграции этнических групп в другие страны, не являющиеся их исторической родиной) оказались вследствие завоеваний (покорений), аннексий, спорных границ или комплекса колониальных моделей»¹¹⁷.

При таком подходе центрально-азиатские диаспоры есть в основной своей массы ирреденты, т.к. проживают на исторически «своих» землях. На большей части Центральной Азии этносы расселены чересполосно, есть целые регионы традиционно компактного проживания двух, трех и более этносов. Так, территория Каракалпакстана является зоной традиционного расселения каракалпаков, узбеков, казахов и туркмен.

Зонами совместного узбекско-казахского проживания яв-

¹¹⁶ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2001. С. 4.

¹¹⁷ Мендикулова Г.М. Казахская ирредента в России (история и современность)// Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. 1995. № 8. С. 70.

ляются регионы Южного Казахстана (Южно-Казахстанская, Кызыл-Ординская, Таразская области), Северного и Центрального Узбекистана (Ташкентская, Навоийская, Джизакская, Сырдарьинская области). Ферганская долина (три области в Узбекистане, три области в Кыргызстане, Согдийская область Таджикистана) традиционно заселена узбеками, таджиками, кыргызами и т.д.

Подходы В. А. Тишкова к феномену диаспоры расходятся с традиционными, которые он считает объективистскими, не учитывающими исторической ситуативности и личностной идентификации¹¹⁸. Само понятие «диаспора» представляется ему достаточно условным, как не менее условны сопровождающие его категории. Рассмотрев их, ученый приходит к выводу, что история и культурная отличительность - это только основа, на которой возникает феномен диаспоры. Однако сама по себе эта основа не является достаточной.

«Диаспора, - считает В.А. Тишков, - это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами диаспора - это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность и. тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции»¹¹⁹.

Диаспоры могут быть собирательными, многоэтническими. В основе их создания лежит преимущественно фактор общей страны происхождения. К их числу относится русская (российская) диаспора, особенно в так называемом дальнем за-

¹¹⁸ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 14.

¹¹⁹ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2001. С. 22.

рубежье, т.к. русскими считались все, кто прибыл из России (Российской империи, СССР, РФ). Диаспора, по мнению автора, выполняет особую по сравнению с этничностью миссию. Это - политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша. Одним из основных производителей диаспоры служит страна-донор. Нет страны исхода - нет и диаспоры. На большом материале автор утверждает тезис о том, что диаспора - это явление прежде всего политическое, в то время как миграция - социальное. Ключевым моментом диаспорообразования служит не этническая общность, а так называемое национальное государство.

С точки зрения В.А. Тишкова, диаспора как жесткий факт и ситуация, и ощущение - это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством¹²⁰.

По мнению Т. Полосковой: «Дефиницию понятия диаспоры следует начать с выделения системообразующих признаков, к которым относятся: 1) этническая идентичность; 2) общность культурных ценностей; 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; 4) представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения. С точки зрения политологического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающей в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или ее символом); формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Иными словами, диаспора, в от-

¹²⁰ Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сборник статей под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2001. С. 38.

личие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание»¹²¹.

Таджикский политолог Ш.М. Султанов рассматривает диаспоры как фактор распространения политического и идеологического влияния со стороны тех или иных держав на примере Турции и идей пантюркизма: «Отказавшись от планов по созданию общетюркского государства, сторонники пантюркизма переключились на деятельность более практического характера и занялись оказанием помощи зарубежным турецким диаспорам. С распадом Советского Союза и образованием новых независимых государств стремления пантюркистов вновь проявились в культурной и экономической экспансии в тюркоязычных республиках и регионах»¹²².

На наш взгляд, Ш.М. Султанов слишком преувеличивает роль и значение фактора общетюркской близости во взаимоотношениях между Турцией и другими тюркоязычными государствами. Действительно, в начале 90-х гг. XX века была некоторая эйфория по поводу «общетюркского братства», строились планы различных форм «тюркской интеграции», но постепенно это сошло на нет, и в настоящее время во взаимоотношениях между Турцией и другими тюркоязычными странами близости не больше, чем между любыми партнерами по международным отношениям.

Армянский исследователь М. Агаджанян полагает, что «В современных исследованиях взаимоотношений государств и национальных диаспор все более утверждается подход, который можно охарактеризовать в терминах

¹²¹ Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные проблемы. М., 2000. С. 18

¹²² Султанов Ш.М. Региональные векторы внешней политики Республики Таджикистан. Автореф. дисс. д.п.н. М.: РАГС, 2006. С. 19.

прагматичности. Последняя выводится из следующих объективных параметров:

1) развитие такого феномена, как транснациональные сети, совершенно по-иному заставило взглянуть на роль и место диаспор в системе международных связей и обратить особое внимание на их экономический, социокультурный и общественно-политический потенциал. Подход к зарубежной диаспоре как к важнейшему внешнеполитическому и экономическому ресурсу получает все большее распространение в международной практике современных государств, имеющих значительный потенциал использования диаспорального ресурса на международной арене. Использование потенциала зарубежной диаспоры для создания сети экономических, общественно-политических и иных связей - достаточно распространенная мировая практика. Но далеко не всегда первое слово принадлежит государству. Нередко сама диаспора создает систему сетевых связей и государство - историческая Родина становится одним из звеньев этой международной цепи;

2) не менее актуальной является прагматическая потребность уже для самих национальных диаспор поддерживать на достаточном уровне элементы собственной национальной идентичности, самобытности и соответственно противодействовать вызовам ассимиляционного характера, неизменно присутствующих в той или иной степени и интенсивности в рамках инонациональной государственной среды. Очевидно, что в этом вопросе без «национально-питательной» поддержки комплексного характера со стороны собственной национальной государственности противостояние указанным вызовам усложняется, а зачастую становится и вовсе недейственным;

3) прагматизм, связывающий в единую и органично взаимодействующую системную сеть два вышеуказанных параметра, требует своего институционального, структурированного

оформления. Последнее предполагает наличие определенного центра планирования, координации и реализации диаспоральной политики усилиями государственных структур, непосредственно сконцентрированных в этой сфере деятельности»¹²³.

В качестве примеров активного и эффективного взаимодействия между государством и диаспорой М. Агаджанян приводит такие страны как Израиль, Франция, Польша, Греция, Китай¹²⁴. На наш взгляд можно добавить также Ирландию, Индию, Турцию, Казахстан.

Проблема участия диаспор в международных отношениях включает в себя взаимодействие не только государства и «своей» диаспоры, но также использование во внешнеполитических контактах и тех диаспор, которые проживают на территории полиэтнического государства. О роли и значении диаспор заговорили даже в США¹²⁵.

Тем более велики роль и значение диаспор в постсоветских государствах, с чем приходится постоянно считаться, создавая соответствующие координирующие органы. Так, в Казахстане активно функционирует Ассамблея народа Казахстана, в Кыргызстане - Ассамблея народов Кыргызстана, в Узбекистане - Республиканский интернациональный культурный центр и т.д. Руководством государств активно используются ресурсы, которые дает этническая близость между диаспорами и зарубежными государствами. Так, стало распространенной практикой включать в состав официальных делегаций при визитах в ту или иную страну руководителей соответствующих национально-культурных центров и обществ (корейских центров - при визитах в Корею, немецких - при визитах в Германию и т.д.).

¹²³ Агаджанян М. Международный опыт институционального оформления отношений между государством и национальной диаспорой за рубежом// <http://www.noravank.am/ru/?page=theme&thid=1&nid=1049>

¹²⁴ Там же

¹²⁵ Шубин А. Обама и Маккейн: диаспоры против аристократов// <http://www.pspd.ru/Main/Obama-i-Makkein-diaspory-protiv-aristokratov>

Особая роль принадлежит в данном процессе русской диаспоре, поскольку она рассматривается как важный элемент в системе связей государств постсоветского пространства с Россией¹²⁶. Укрепление значимости международных связей России ведет одновременно к повышению роли русской (и в целом - русскоязычной) диаспоры как на постсоветском пространстве, так и вне его.

2.2. Узбекская диаспора как фактор укрепления взаимосвязей между Узбекистаном и Россией

Досоветский период. Взаимосвязи между тюркскими и славянскими народами существовали издревле. В дореволюционный период узбеки преимущественно попадали в Россию в составе торговых караванов, посольств, различного рода миссий и т.д. В течение XVI-XVII в. Усиленно развивались торговые и дипломатические отношения Бухары, Хивы, Коканда с Российским государством. Формирование узбекской диаспоры в России можно отнести примерно к XVI-XVII вв.

В 1558 г. в Среднюю Азию прибыл посол Ивана IV, который посетил Хорезм и Бухару. В 1559 г. в Москву с ним были отправлены ответные посольства из Бухары и Балха. Целью этих визитов было разрешение ряда вопросов торгового характера. Бухарский хан Абдулла просил Ивана IV о свободном пропуске его купцов в Казань, Астрахань и ряд других городов. Осенью 1559 г. в Москву прибыли два бухарских посла. Правительство Бухары через своих послов получило разрешение Бухарским купцам приезжать для торгового дела в Астрахань. «Грамотами о купе-

¹²⁶ *Легойда В.Р.* Современная русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: современная ситуация и перспективы// Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003; *Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках// Диаспоры 2001. № 1. С 6-38; *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские Киргизии, 1992-2002). М., 2006 и т.д.

честве» Ивана IV разрешалась торговля азиатским купцам и в других городах России. В 1563, 1566, 1583 гг. на Русь приезжали послы из Бухары и Самарканда. Они должны были урегулировать вопрос о торговых отношениях с Русью. В 1585 г. Бухарский хан Абдулла отправил своего посла Мухаммад-Али к царю Федору Ивановичу с товарами и подарками. Царское правительство интересовалось Средней Азией как базой в монопольной торговле шелком с Западной Европой. В 1589 г. Российское правительство разрешило бухарскому послу Достуму и Изюрскому послу Кадышу беспошлинную покупку товаров по пути их следования¹²⁷. В 1598 г. в Москве находился хивинский царевич Мухаммад-Кул, близко общавшийся с Борисом Годуновым и другими представителями российской элиты того времени¹²⁸.

В одном только XVII веке в России побывало множество среднеазиатских посольств, так только бухарских посольств было 13. В 1622 г. в Москве был хивинский царевич Афган, который вел переговоры с царем Михаилом Федоровичем (основателем династии Романовых)¹²⁹. Ургенчский принц Абулазиз, не ужившись с отцом, с двумя тысячами войска сбежал в Россию, поселился под Астраханью, в селе Аджи. Этнографы и антропологи отмечают, что облик жителей астраханского села Аджи и их речь сходны с обликом и речью узбеков Ургенча¹³⁰.

Весной 1634 г. на имя российского царя Михаила Федоровича (основоположника династии Романовых) поступила чело-

¹²⁷ Мухаммеджанова Л.П., Мирзакулов Б.Т., Мухаммеджанова С.Ж. Дипломатические и торговые связи Бухары с Россией XVI-XVIII вв.// «Горный вестник Узбекистана» (№ 25) 2006. <http://mining-bulletin.geotech.uz/ru/archive/2006/25/64>

¹²⁸ Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 126.

¹²⁹ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие// Труды Общества русских ориенталистов. № 2. Пг., 1915. С. 18.

¹³⁰ http://www.cemsin.ru/index.php?id=39&searched=%F3%E7%E1%E5%EA&highlight=ajaxSearch_highlight+ajaxSearch_highlight1

битная «бухарского купчины» Хаджи Ата-кули о разрешении ему беспопытной продажи в Ярославле привезенных им «ево («бухарского царя Имам-гула») государевых товаров». Состав этих товаров проливает свет на характер российско-среднеазиатских торговых связей: «А товару, государь, со мною в Ярославль пришло царева: 2626 зенденей червчатых, да 2000 зенденей семенди цветных, 735 ансырей шелку ласу, 38 киндяков, 325 пестредей, 664 балха белых бязей, 30 азамов зенденных, 200 ямей бязи, 70 выбоек»¹³¹.

В 1644 г. российское правительство предписало сибирским воеводам принимать узбеков с почетом и всячески привлекать их в Сибирь¹³². Представители узбекской диаспоры уже в XVII в. привлекались российским правительством к государственной, чаще всего – дипломатической (но также таможенной, переводческой и т.д.) службе. Саидкул из Тобольска трижды (в 1653, 1658, 1668-1672 гг.) был в составе российских посольств в Китай¹³³, за что был удостоен награды. Мухаммад-Юсуп Касымов (из Астрахани) в 1675 г. был послан в Индию и Афганистан¹³⁴. В 1688 г. Якуб-Мулла занимался в Астрахани переводом на русский язык официальных документов, написанных на арабском, персидском и различных тюркских языках. Ядгар Алимов (из Астрахани) неоднократно сопровождал русские караваны в Среднюю Азию. Первородчиком российского посольства в Пекине был Мулла Эрка, владевший китайским, монгольским и многими тюркскими языками¹³⁵.

¹³¹ Перечень товаров, доставленных из Бухары в Ярославль купцом Хаджи Ата-кули (1634)// История Узбекистана в источниках. Сост. Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1988. С. 65.

¹³² Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУз. 1984. № 1. С. 30.

¹³³ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 57, 96, 101.

¹³⁴ Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. док. М., 1958. С. 191-192.

¹³⁵ Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУз. 1984. № 1. С. 34.

В 1685-1687 гг. Иркутск посетили 4 бухарских каравана, довольно крупных. Так, в октябре 1685 года в Иркутск через Тунку пришли 15 семей бухарских купцов и привели караван из 130 верблюдов. В 1686 г. в Иркутск прибыл 2-ой караван. Он был еще более многочисленным, 11 семей купцов на 172 верблюдах привезли на 2000 рублей (по иркутской оценке) текстильных товаров. Столь же крупными были и последующие два каравана¹³⁶.

Целый ряд узбекских посольств посетили Петра I: в 1700 и 1703 гг. посольства от хивинских ханов Шах-Нияза и Араб-Мухаммеда, в 1713 г. - особая миссия хивинского подданного Ходжа-Нафаса, в 1720 г. – посольство от нового хана Хивы Аваз-Мухаммеда.

Востоковед Г.И. Спасский упоминал посетившего Санкт-Петербург в 1779 г. бухарского посланника Ир-Назара МаксUTOва, благодаря которому Екатерина II выделила деньги на строительство медресе в Бухаре («построено на иждивении императрицы Екатерины II, бывшим 1779 года в С. Петербурге Посланником от Бухарскаго Хана, Ир-Назаром МаксUTOвым, и называется его именем»)¹³⁷. К концу XVIII века число узбеков, поселившихся в Сибири, на Урале, в районах Астрахани, Оренбурга и т.д. превысило 20 тыс. чел.¹³⁸ По месту исхода их называли «бухарцами», «кокандцами», «ташкентцами» и т.д.

В 1804 г. Россию посетило посольство бухарского эмира Хайдар-хана во главе с Абдулкаримом Бухари. В 1806 г. в одном из российских журналов писалось, что представители узбекской диаспоры России «держатся друг друга, и соблюдают через то отчизненные нравы... В поведении их сказывается из-

¹³⁶ Мигалев П. Первые торговые люди Иркутска// «Капиталист» — иркутский журнал для предпринимателей № 01 (июнь 2004). <http://www.kapitalpress.ru/archive/1/120/681/>

¹³⁷ История Узбекистана в источниках. Ташкент: Фан, 1988.

¹³⁸ Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУз. 1984. № 1. С. 30.

рядный природный разум, честность, вежливость; речение их умеренное, приятное, что происходит частью и от изрядного состояния их школ»¹³⁹.

Офицер Отдельного Сибирского корпуса Ф. Назаров в своих «Записках» упоминает о Кокандском посольстве от Умар-хана, побывавшем в 1812 г. в России¹⁴⁰. В этот же период хивинский караван-баши Атанияз Нияз-Мухаммедов выполнял особую миссию Александра I, пытаясь наладить контакты между Россией и Хивой. В 1815 и 1819 гг. посланник эмира Бухарского Хайдар-хана Азимджан Муминджанов, пребывая в России, выражал от имени эмира пожелание о направлении в Бухару русского посольства для заключения торгового соглашения.

Целый ряд посольств были направлены в Санкт-Петербург кокандскими ханами (в 1822, 1828, 1831, 1841 гг. и т.д.). В 1831 г. хан Коканда Мухаммад Али-Хан отправил посольство с просьбой к императору Николаю I направить в Коканд горных инженеров и офицеров-артиллеристов. В 1841 г. в России было кокандское посольство, которое возглавил Мухаммад Халил Сахиб-заде. А. Вамбери в своем сочинении упоминает о хивинце Шукрулла-бае, который много раз бывал с поручениями в России.

В 1857, 1869 и 1874 гг. с посольствами бухарского эмира Насрулла-хана Россию посетил бухарский просветитель Ахмад Дониш, написавший книгу «Путешествие из Бухары в Петербург»¹⁴¹. Среди видных деятелей московской узбекской общины XIX в. отмечались купцы кокандец Ибрагимджан

¹³⁹ Цит. по: *Зияев Х.З.* Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУз. 1984. № 1. С. 33.

¹⁴⁰ «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова (1813-1814)// История Узбекистана в источниках. Ташкент: Фан, 1988. С. 162, 163.

¹⁴¹ Дониш Ахмад. Путешествие из Бухары в Петербург. Душанбе: Ирфон, 1960; Вахидов Х.П. Просветительство в Туркестане в XIX – начале XX веков// Основы философии. Ташкент, 1998. С. 165-171.

Ахунджанов, бухарец Абдул-Каримбай Сафаров, семья Хошаловых, мулла Салих Дусмаметов, мулла Миргулям Накшбанди и т.д.¹⁴²

В 1870-1890-е гг. в России жил бухарский принц Саид Мир-Мансур (1863 - 1918), который обучался в Пажеском корпусе, затем в Николаевском кавалерийском училище, получил звание офицера и служил в российской кавалерии до 1899 г., после чего вышел в отставку и вернулся в Бухару. Мир-Мансур был женат на грузинской княжне Софье Церетели, у них было несколько детей. Старший сын, Николай Церетели (1890 г.р.) в 1920-е гг. был одним из ведущих актеров Камерного театра Таирова в Москве, основным партнером знаменитой актрисы Алисы Коонен. В 1906 г. он вместе с отцом приезжал в Бухару, где навещал свою бабушку. Второй сын Мир-Мансура был офицером русской армии, награжден несколькими орденами, погиб в марте 1918 г. в боях с большевиками. У Мир-Мансура были также младшие сыновья Георгий и Валерий, дочь Тамара¹⁴³.

Научное изучение узбекского языка было начато русским востоковедом М.А.Терентьевым, опубликовавшим в 1875 г. «Граматику турецкую, персидскую, киргизскую и узбекскую». Он активно использовал любую возможность пообщаться с узбеками, жившими в России или бывавшими здесь наездами.

Наследный принц бухарского престола, будущий эмир Саид Мир-Алим-хан, учился 1893-1896 гг. в Николаевском

¹⁴² Хайретдинов Д. Узбеки, узбекская община в Москве и Подмосковье// Ислам в Москве. Н. Новгород, 2008. С. 274-276.

¹⁴³ Гаспринский И. Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского., Казань, 1894; Искандаров Б.И. Бухара (1918-1920), Душанбе, 1970. С. 62-63; Назаров Р.Р. Сеид Мир-Мансур // Ислам в Санкт-Петербурге. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 3. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009. С. 209-210.

кадетском корпусе. В дальнейшем Саид Мир-Алим-хан, став эмиром, имел звание генерал-лейтенанта российской армии, придворное звание генерал-адъютанта, был кавалером ряда орденов Российской империи¹⁴⁴.

Среди тех, кто жил, учился и часто бывал в России можно назвать таких деятелей узбекской культуры как просветитель Ажзи¹⁴⁵ (в 1901-1903 гг. он много путешествовал по России, был в Санкт-Петербурге, Москве, многих городах Поволжья), в начале XX в. Санкт-Петербургский Горный институт закончил кокандец Абиджан Махмудов (1858 – 1936) - первый узбек, получивший диплом горного инженера¹⁴⁶.

В конце XIX – начале XX вв. в России (Санкт-Петербурге, Москве и т.д.) неоднократно бывал хивинский сановник Шейх-Назар-есаулбаши Мат-Мурад-оглы¹⁴⁷.

В 1907-1908 гг. состоялся визит делегации делегации хана Хивинского, возглавляемой первым визирем Ислам-Ходжой. В составе делегации был Худайберген Деванов – пионер узбекского кино¹⁴⁸. Определенную активность проявили в начале XX века туркестанцы - депутаты Государственной Думы России – Абдувахит-кары Кариев и др.

¹⁴⁴ *Гаспринский И.* Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского. Казань, 1894; Семенов А.А. Очерк устройства центрального административного бухарского ханства позднейшего времен. //Труды АН Тадж.ССР, т. 25. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 2, Сталинабад, 1954. С. 9; *Сухарева О.А.* Бухара XIX – начала XX вв. М., 1966.

¹⁴⁵ Муминов И.М. Из истории развития общественно-политической мысли в Узбекистане в конце XIX – начале XX вв.// Избр. соч. Т. 1. Ташкент, 1969; Раджабов З. Ажзи и Асири. Душанбе, 1951; Узбекская советская энциклопедия. Т. 1. Ташкент, 1971. С. 174-175.

¹⁴⁶ *Назаров Р.Р.* Махмудов Абиджан Абдухалик-оглы// Ислам в Санкт-Петербурге. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 3. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009. С. 126.

¹⁴⁷ Назаров Р.Р. Шейх-Назар-Есаулбаши// Ислам в Центральной России. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 4. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009.

¹⁴⁸ *Киреева С.* Окно в новое прошлое// АиФ (Москва). № 13 (611). 30 марта 2005 г.; *Нормухаммедов И.* Нашему кино – 100 лет// газ. «Класс». № 31. 3.09.2008 г.

В начале XX в. хивинский хан Мухаммад-Рахим-хан II финансировал строительство канонерской лодки Балтийского флота, получившей название «Хивинец», а бухарский эмир Саид Абд-ал-Ахад финансировал строительство аналогичной лодки под названием «Бухарец». Предметом гордости узбекской общины России является Соборная мечеть в Санкт-Петербурге, построенная в начале XX века на средства эмира Бухарского (заложена при Саиде Абд-ал-Ахаде, закончена при его сыне Саиде Мир-Алим-хане).

В 1911-1915 гг. в Санкт-Петербурге на отделении естествознания издательства «Круг самообразования» учился будущий академик и первый президент Академии наук Узбекистана Ташмухамед Кары-Ниязов. В настоящее время в России (в Москве, Санкт-Петербурге) проживают потомки этого узбекского ученого. В 1916 г. многие узбеки были мобилизованы по Указу от 25 июня 1916 г. в рабочие дружины и отправлены в Россию на фронты первой мировой войны. Часть из них активно участвовала в событиях 1917 г.

Сибирские бухарцы. Важным компонентом узбекской диаспоры России на протяжении длительного времени являлись «сибирские бухарцы» – выходцы из Центральной Азии, переселившиеся в Западную Сибирь в XV-XVII вв.¹⁴⁹ В число бухарцев включались группы узбеков, уйгуров, таджиков, реже — казахов и каракалпаков из Бухары, Самарканда, Ташкента, Хорезма, Коканда и т.д., отличавшиеся от местного тюркского населения языком, антропологическим типом, ментальностью, способом мышления, образом мыслей, коллективными представлениями. Сословный состав тоже был пестрым: предприниматели, купцы, духовенство, крестьяне, ремесленники,

¹⁴⁹ Назаров Р.Р. Сибирские бухарцы: к истории формирования тюркского населения Западной Сибири// Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. 2. Омск, 2008. С. 265-268.

рабочие.¹⁵⁰ Различные этнические компоненты варьировали состав бухарцев, но общим языком был узбекский, позже – «бухарский» диалект татарского языка¹⁵¹. В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы рассматривались властями как иностранцы, добровольно перешедшие в российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (в области передвижения, торговли, выбора места жительства, налогообложения и т.д.), предоставленными им царскими указами. Начало переселения в Сибирь связывается с приходом туда в конце XIV в. центральноазиатских проповедников из Ордена бухарского религиозного деятеля Бахоуддина Накшбанда (1318 - 1389) с целью распространения ислама среди сибирских татар и других народов. В течение длительного периода бухарцы имели свои низовые административные единицы - волости. Они называли себя «бухаралык» (бухарцы), «сартлар» (сарты), «узбеклар» (узбеки). Основными местами их расселения были территории нынешних Тюменской, Омской, Томской областей, где они основали свои, «бухарские», поселения, а также жили в аулах сибирских татар¹⁵².

Переселение бухарцев в Сибирь началось еще до русской колонизации. В результате постоянных сношений между Центральной Азией и русской Сибирью в западносибирских городах осела значительная группа «выезжих» бухарцев. С.В. Бахрушин указывает, что начало бухарской колонии относится ко времени существования независимого Сибирского ханства¹⁵³.

С конца XVI в. можно говорить о широких контактах бу-

¹⁵⁰ Ключева В. П. Бухарские общины в Сибири (конец XVI — начало XIX вв.) // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. С. 77-85.

¹⁵¹ *Исхакова С.М.* О языке сибирских бухарцев // Общественные науки в Узбекистане, 1968. № 5.

¹⁵² Ключева В. П. Сибирские бухарцы Тобольской губернии (конец XVII—XIX вв.): демографический анализ // Словцовские чтения-2001. Тюмень, 2001. С. 95-96;

¹⁵³ Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Науч. тр. Т. 4. М.: Наука, 1959. С. 207.

харцев и русского населения. Бухарские караваны доходили до Тары, Тобольска, Тюмени, Томска, Красноярска, Иркутска. Иностранцы путешественники отмечали: «русские ежегодно торгуют с купцами бухарскими в городе, называемом Тюмень в Татарии, куда эти бухарцы каждый год приходят на верблюдах»¹⁵⁴.

Для поселений тарской группы сибирских татар в XVIII-XIX вв. было характерно наличие значительного количества бухарцев. Как отмечает С.Н. Корусенко: «В формировании тарских татар активным этническим компонентом явились выходцы из Средней Азии – бухарцы»¹⁵⁵.

В 1718 г. узбек И. Усманов перевел в Тобольске на русский язык посольский лист Казахского хана¹⁵⁶. На территории расселения тарских татар существовала даже Бухарская волость, к которой и были приписаны бухарцы. По переписям населения XVIII-XIX вв. было выявлено, что население одного поселения вполне могло быть приписано к разным волостям исходя из этносоциальной принадлежности. Так, население деревни Усть-Тарской в конце XVIII в. было приписано к трем волостям - Бухарской (бухарцы), Аялынской (ясачные сибирские татары), Порушной (неместные татары - государственные крестьяне)¹⁵⁷. По данным Н.А. Томилова, взятым им из материалов 5-ой ревизии населения Западной Сибири (1795 г.), на данной территории насчитывалось 1370 тарских татар, 1218

¹⁵⁴ Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180.

¹⁵⁵ Корусенко С.Н. Этнический состав и межэтнические отношения татар Среднего Прииртышья (конец XVIII - XX вв.)// «Исторический ежегодник», Омск: 1999. С. 156.

¹⁵⁶ Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУз. 1984. № 1. С. 32.

¹⁵⁷ Корусенко С.Н. Этнический состав и межэтнические отношения татар Среднего Прииртышья (конец XVIII - XX вв.)// «Исторический ежегодник», Омск: 1999. С. 147-156.

бухарцев и лица другой этнической принадлежности¹⁵⁸. Среди тугумов (родов) сибирских татар есть такие, которые явно свидетельствуют о центрально-азиатском происхождении, например «сартлар» (сарты), «бухарлар» (бухарцы) и т.д.¹⁵⁹

«Бухарцы» были часто связующим звеном между Европейской частью России и Сибирью¹⁶⁰. Для 1630–1670 гг. О.Н. Вилков дает перечень товаров, привозимых бухарцами в Сибирь. Среди всего многообразия товаров выделялись: среднеазиатские (47 видов), калмыцкие (28), китайские (12) и т.д.¹⁶¹

При поселении в Сибири, бухарцам приходилось приспособливаться к новым условиям жизни, около городов формировались бухарские юрты, жители которых занимались не только торговлей, но и земледелием. Особенно широкое распространение бухарское земледелие получило в Тюмени. В 1701 г. запашка земли составила 126 десятин овса и ячменя и 77 десятин ржи и пшеницы. Для сравнения: в Таре в 1701 г. общий размер запашки бухарцев достигал 50 десятин ржаных и 75 десятин яровых¹⁶².

Иногда исследователями допускались ошибки в определениях. Так, в японском справочнике «Нации Советского Союза (России)» указаны такие этнические группы Сибири как *барабинские татары, западно-сибирские татары, сибирские татары (тобольские татары или сибирские бухарцы)*, т.е. не

¹⁵⁸ Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. Томск, 1981. С. 152.

¹⁵⁹ Бакиева Г.Т. Тугумы у татар озера Большой Уват// VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб, 2005. С. 125.

¹⁶⁰ Азаренко Ю.А. Русско-ойратская торговля XVII — первой половины XVIII вв. (как пример евразийских связей)// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 98–101.

¹⁶¹ Вилков О. Н. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. //Торговля городов Сибири конца XVI- начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 179, 180.

¹⁶² Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (2 пол. XVI — XIX вв.). Ташкент, 1964. С. 76.

делается различия между понятиями *сибирские татары* и *сибирские бухарцы*, хотя это различные этнические группы ¹⁶³.

Этнокультурные связи сибирских татар с другими народами отчётливо прослеживаются в их одежде и украшениях. Так, бухарский компонент ярко выражен в наличии в мужской одежде халатов и чалмы¹⁶⁴. У сибирских татар такие халаты центральноазиатского происхождения носят название чапан (как и в Центральной Азии). В качестве зимней мужской одежды использовались овчинные шубы и меховые шапки, а также тулупы. Верхнюю одежду сибирские татары подпоясывали ткаными поясами *пильбау* (от узбекского «бельбог»), и матерчатыми поясами «кур». Основным типом мужских головных уборов были различные *тюбетейки*, которые украшались вышивкой *тамбурным швом*, золотным *шитьём* или же выполнялись из тканей с рисунком¹⁶⁵.

В составе бухарцев в Сибирь проникала и часть казахов. Интересно, что в целом казахов называли собирательным термином «пукара» (близко к «бухара»), что означает «бедняк», «бродяга». Возможно, это облегчало вхождение казахов в состав сибирских бухарцев — социальный термин мог затем переосмыслиться как этническое самоназвание¹⁶⁶.

Сибирские бухарцы на протяжении нескольких столетий поддерживали тесные экономические, культурные, семейно-брачные отношения с татарами и в результате явились одним из компонентов, образовавших современных сибирских

¹⁶³ Усманова Л. *Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в.* // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1.

¹⁶⁴ Валеев Ф.Т. К вопросу о материальной культуре сибирских бухарцев и ташкентцев (Коллекция предметов быта Омского краеведческого музея) // *Общественные науки в Узбекистане*, 1963. N 1. С. 63-66; Он же. *Сибирские бухарцы во второй половине XIX - начале XX вв.*: Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент, 1965.

¹⁶⁵ *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. Магадан, 1983.

¹⁶⁶ Томилов Н.А. *От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири)*. Томск, 1995.

татар¹⁶⁷. Еще до прихода русских бухарские купцы вели оживленную торговлю в Сибири центральноазиатскими товарами. Именно они положили начало кожевенному производству и ковроделию в Тюмени, Тобольске, Таре. Из числа бухарцев вышли многие крупные сибирские предпринимательские семьи (Айкины, Мирсалимовы, Сайдуковы, Ченбаевы и др.), занимавшиеся в дореволюционный период крупной внутренней и внешней торговлей¹⁶⁸. Большинство рядовых бухарцев занимались земледелием, скотоводством, извозом, различными ремеслами и промыслами.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., численность сибирских бухарцев составляла св. 11 тыс. чел., а по переписи 1926 г. в Западной Сибири их насчитывалось св. 15 тыс. чел. (в т.ч. в Тарском округе 11 715 чел.)¹⁶⁹. После переписи 1926 г. бухарцы перестали упоминаться в официальных документах. Национальность «бухарец» встречалась в документах до начала 1930-х гг. С 1939 г. и все последующие переписи их обычно учитывали в составе татар¹⁷⁰. Хотя и сегодня потомки сибирских бухарцев имеют некоторые этнографические отличия. В заречной части Тюмени существует район города, официально именуемый Бухарской слободой. Расположенные неподалёку от Тюмени сёла Ембаево и Тураево также населены потомками бухарцев¹⁷¹. Потомкам бухарцев есть чем и кем гордиться: привезенной из хаджа в Мекку святыней — волосом пророка

¹⁶⁷ Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992.

¹⁶⁸ Ключева В. П. Использование генеалогических данных при изучении социальной истории (на примере выявления родственных связей сибирских бухарцев кон. XVII — нач. XVIII вв.) // Вторые Тюменские родословные чтения. Тюмень, 2002. С. 103—104.

¹⁶⁹ Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края. Новосибирск, 1928.

¹⁷⁰ Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. Томск, 1981; Исакова С.М. О языке сибирских бухарцев // Общественные науки в Узбекистане, 1968. № 5.

¹⁷¹ Осколков М. Бухарцы в Тюмени // Лукич. 2001. Ч. 4. С. 184—196.

Мухаммеда; кожевенными и ковровыми промыслами; первыми за Уралом учебными заведениями и книгами; первой в Сибири национальной библиотекой и первой каменной мечетью; династией меценатов Кармышаковых-Сайдуковых; крупными предпринимателями такими как Абдулла Ниязов, Мухамедвали Муслимов, Мадияр Достаев и др.; первым имамом соборной мечети в Токио А. Ибрагимовым; Героем Советского Союза Р. Аширбековым; академиком-тюркологом Ф. Валеевым и другими¹⁷². Известный башкирский актер и режиссер Х.Г. Галимов (1899-1974) был больше известен под своим псевдонимом Бухарский. Возможно, это свидетельствует об этническом происхождении его предков.

Советский период. Как отмечалось в СМИ: «В советские времена узбеков было много среди жителей Москвы, Ленинграда, других крупных городов»¹⁷³. В 1921 г. в Москве был открыт Бухарский Дом просвещения, при котором были открыты различные образовательные курсы (языковые и т.д.), включая узбекскую театральную студию.

В 1920-1930-е гг. только в Ленинграде учились: один из первых профессиональных литературоведов Узбекистана Абдулла Алави (в Институте восточных языков в 1924-1927 гг.), лингвист Улуг Турсунов (там же, в 1927-1930 гг.), крупный узбекский писатель Камиль Яшен (в Институте лесного хозяйства в 1924-1927 гг.), аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1936 г. закончил будущий первый директор Института истории и археологии АН Узбекистана З.Ш. Раджабов. В 1935 г. в Ленинграде под руководством Ташкенбая Эгамбердиева впервые был создан национальный цирковой аттракцион узбекских канатоходцев, который проработал здесь вплоть до 1941 г.

¹⁷² Ясков А., Гарифуллин И.Б. Бухарцы в Западной Сибири// Журнал «Топос». 2004. № 6.

¹⁷³ Известия. 2005. 16 мая.

Важной вехой явились военные годы 1941-1945 гг., способствовавшие увеличению численности узбекской диаспоры в России. Узбеки в составе национальных дивизий и бригад (19, 99, 100, 101, 102, 103 Узбекские кавалерийские дивизии, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97 Узбекские отдельные стрелковые бригады и т.д.)¹⁷⁴, других частей и соединений отстояли Москву, Ленинград, Сталинград, освобождали Орел, Белгород, Воронеж, Курск, Ростов и другие российские города. Во время войны и сразу после ее окончания многие фронтовики-узбеки поселились в России – в местах, где они сражались, лечились после ранений и т.д. Так, Герой Советского Союза летчик-испытатель Абдусаттар Ишанкулов долгие годы прожил в подмосковном городе Жуковский¹⁷⁵.

В послевоенный период узбеки продолжали получать образование в России. В Москве учились многие известные в Узбекистане деятели науки и культуры: художники Абдулхак Аксакалов, Мухиддин Рахимов, Джавлон Умарбеков, историк Зоя Арифханова, философы Матбуа Ахмедова и Кучкар Ханазаров, этнолог Иса Джаббаров, кинохудожник Нариман Рахимбаев, скульпторы Кадыр Салахиддинов, Ахмад Шахмурадов и др. В 1950 г. Ленинградскую консерваторию закончил узбекский композитор И.И. Акбаров, в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР работал будущий академик АН Узбекистана М.Ю. Юлдашев, в 1953 г. Институт им. И.Е. Репина окончил будущий народный художник Узбекистана Р.А. Ахмедов. В 1965 г. этот же Институт окончили скульпторы А. Байматов и Р. Чарыев. Позже (в 1970-1980-е гг.) Академию художеств Санкт-Петербурга закончили известные узбекские художники Баходыр Джалалов, Сабир Рахметов, Акмал Икрамджанов, Мухаммед Нуритдинов, ряд других ху-

¹⁷⁴ Кирсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 // Отечественная история. 1995. № 4.

¹⁷⁵ Ишанкулов А. // Герои Советского Союза – узбекистанцы. Ташкент, 1984.

дожников Узбекистана. Выпускниками ЛГУ являются искусствовед Х.Н. Абул-Касымова (1958), исламовед М.К. Арипов (1967). С 1960 г. в России проживает известный кинорежиссер И.А. Хамраев - профессор кафедры режиссуры Санкт-Петербургского Университета кино и телевидения, руководитель сектора культуры узбекской диаспоры. С 1964 г. в России проживает самаркандец Х.И. Абдусаматов – ныне доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией космических исследований ГАО РАН (Пулково).

Узбекская диаспора в России в советский период была представлена не только интеллигенцией, но также рабочими и крестьянами. Как отмечают специалисты-демографы: «В Узбекистане трудовая миграция существовала всегда как внутри..., так и ... в другие республики СССР. Последняя происходила как в организованных формах (трудовые «вахты» в Нечерноземье, Казахстане, работа на новостройках Советского Союза по общественным призывам, оргнабор рабочих и др.), так и неорганизованно (в основном, торговля плодоовощной продукцией)»¹⁷⁶. Социально-демографическая ситуация, сложившаяся в Центре России в 60-70-е гг. XX в. заставила, как отмечает экономист А.Л. Андреев, «ввозить узбекских и таджикских крестьян в российское Нечерноземье с тем, чтобы восполнить образовавшийся здесь дефицит рабочих рук»¹⁷⁷. Представитель узбекской диаспоры Свердловской области Ю. Исламов получил в 1988 г. звание Героя Советского Союза (посмертно) за героизм в боях с афганскими исламскими радикалами¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России// Журнал «Отечественные записки». 2004, №4.

¹⁷⁷ Андреев А.Л. Экономический механизм и историческая жизнь нации// Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999. № 2;

¹⁷⁸ Исламов Ю.В.// Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 842.

Современный период. Узбекская диаспора современной России проживает почти во всех субъектах РФ, но более всего узбеков в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, во многих местах Поволжья, Урала, Сибири.

Организационно диаспора включает в себя такие общества и национально-культурные центры как Центр русско-узбекского культурного сотрудничества им. Тамары Ханум (Москва), Общество соотечественников Узбекистана «Умид» («Надежда») и землячество «Туран» (Санкт-Петербург), Национальный узбекский культурный центр «Алишер Навои» (Самара)¹⁷⁹, Региональные общественные организации «Зеравшан - Золотая Долина» и Узбекская община «Фаришта» (Воронеж)¹⁸⁰, Узбекский культурный национальный центр «Ферганская долина» (Новосибирск)¹⁸¹, Узбекская национально-культурная автономия г. Красноярск, Красноярские региональные общественные организации Узбекский национально-культурный центр «Дустлик» («Дружба») и «Узбекская диаспора»¹⁸², Узбекская община Ярославского отделения Ассамблеи народов России¹⁸³ и т.д.

Яркими представителями узбекской диаспоры России являются летчик-космонавт Салиджан Шарипов, актеры Фархад Махмудов, Равшана Куркова (Матчанова), режиссеры Джахангир Файзиев, Али Хамраев, Эльдор Уразбаев, Эльер Ишмухамедов, Юсуф Разыков, певец Стахан Рахимов, литератор Вадим Муратханов, дипломат Пулат Абдуллаев, певица Азиза

¹⁷⁹ http://www.samddn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=240:samarskaja-regionalnaja-obschestvennaja-organizatsija-natsionalnyj-uzbekskij-kulturnyj-tsentr-alisher-n&catid=42:2009-07-29-11-49-21&Itemid=81

¹⁸⁰ http://www.minjust-vrn.ru/load_files/31.DOC

¹⁸¹ Новикова Э. Адрес «Ферганской долины» - Новосибирск. 14.12.2010 г. // http://www.megansk.ru/page/Adrec_Ferganckoi_dolini_Novocibirck.html

¹⁸² <http://www.admkrsk.ru/citytoday/socialpolicy/Pages/nka.aspx>

¹⁸³ В гостях у Ассамблеи народов Ярославля // http://www.interethnic.org/News/070706_2.html

Мухамедова, профессор-философ Талиб Саидбаев, профессор-историк Мутал Халмухамедов, академик РАЕН Адхам Юнусов, общественно-политический деятель Нурали Латыпов, руководители региональных узбекских диаспор Анвар Хусаинов (Москва), Алиджан Хайдаров (Санкт-Петербург), Исраил Нурматов (Самара), Саидмурад Холжигитов, Зафар Сафаров и Нодир Джураев (Красноярск), Мухаммадамин Абдулазизов (Новосибирск) и т.д.

Только в Санкт-Петербурге живут кинорежиссер, профессор, заслуженный деятель культуры РФ Искандер Хамраев, капитан 1-го ранга в запасе, бывший командир подлодки Б.А. Нармамадов, профессор-уролог Военно-медицинской академии Б. И. Набиджанов, заслуженный мастер спорта по фигурному катанию и тренер по теннису И. Ибрагимов, лауреат Госпремии, профессор А.Р. Рахимов, депутат муниципального образования Р.Р. Курбанов, президент УК ООО «Морской фасад» Ш.Ш. Кары-Ниязов (внук академика Т.Н. Кары-Ниязова), ректор ПЭИПК ФГОУ ДПО А.И. Таджибаев и т.д.

Часто публикуется в России узбекский литератор Шамшад Абдуллаев. Русский язык, русский стих стал для Ш.Абдуллаева идеальным нейтральным пространством для встречи узбекского менталитета и среднеазиатского хронотопа с западным культурным и поэтическим опытом. Этот уникальный эксперимент оказался созвучен поискам российской неподцензурной поэзии, и в начале 1990-х гг. Ш.Абдуллаев становится постоянным автором «Митинога журнала». В 1992 г. его книгой «Промежуток» «Митин журнал» начинает свою книжную серию, в 1993 г. Ш.Абдуллаев получил Премию Андрея Белого - высший знак признания в русской неподцензурной литературе.

В августе 2005 г. бизнесменом Х.П.Абдуллаевым в Москве была организована газета «Узбегим» на узбекском и русском языках, которая популярна не только в столице, но и среди уз-

бекских общин всей России - Санкт-Петербурга, Поволжья, Урала, Сибири и т.д. Только в Санкт-Петербурге расходуется 3 тыс. экземпляров газеты.

25 февраля 2007 г. в Санкт-Петербурге прошел благотворительный фестиваль «Солнце встает на Востоке». Фестиваль был организован для детей и подростков с ограниченными возможностями. Организаторами фестиваля стали Российский этнографический музей и узбекская диаспора Санкт-Петербурга. В рамках фестиваля прошли экскурсии по экспозиции музея – «Парад народов», «Встречайте Навруз», демонстрация фильмов о Средней Азии. Представители узбекской диаспоры Санкт-Петербурга исполнили для детей национальную музыку и угощали блюдами узбекской кухни.

7 сентября 2008 г. в Санкт-Петербурге прошёл праздничный концерт «День культуры Узбекистана», посвящённый Дню независимости Республики Узбекистан. В праздничной программе гости увидели яркое выступление узбекских артистов под звуки национальных инструментов и прониклись особой узбекской культурой. Интересным феноменом узбекской культуры Санкт-Петербурга является этно-фольк-группа «Обморок и мама» во главе с дойристом и вокалистом Ихтиаром Кадыровым. Членами группы являются А.Бараков (аккордеон), В.Погосян (клавиши), Кузыбай (тар), Мансур Саидов (тар).

Каждый год в марте узбекская диаспора в Тюмени встречает Навруз. Он отмечается с размахом — народные гулянья продолжаются 2 недели. В первый день празднования тюменские узбеки устраивают дефиле в национальных костюмах. Также проводится конкурс «Узун сач» — красавицы меряются длиной косичек, которых должно быть не менее 40. Все желающие могут полакомиться блюдами узбекской кухни, такими как плов, сумалак, самса с зеленью и т.д.¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Тюменские узбечки померились длиной косичек// Сайт «Уралинформбюро» от 23.03.2009 г. <http://www.ur4.ru/armnews/news104409.html>

Самарская региональная общественная организация «Национальный узбекский культурный центр «Алишер Навои» создана в 2006 г. Председателем правления избран Нурматов Ибраилжон Исмаилович. Целями деятельности организации являются: достижение национального и духовного единства членов организации; сохранение и развитие узбекского языка и культуры, национальных традиций и обычаев; создание условий для более полной реализации прав и законных интересов граждан Республики Узбекистан. Организация проводит различные мероприятия, связанные с историей и культурой узбекского народа: «Навруз», День независимости Республики Узбекистан - 1 сентября. «Алишер Навои» участвует в областных и городских межнациональных мероприятиях, проводимых как администрацией города, так и Правительством Самарской области («Венок дружбы», «День города» и др.). Активными представителями организации являются узбеки-переселенцы. Организация способствует трудоустройству мигрантов, их правовой защите¹⁸⁵.

10 декабря 2010 г. в Новосибирске прошла презентация недавно созданной общественной организации - Узбекский культурный национальный центр «Ферганская долина». Среди многочисленных гостей присутствовали: генеральный консул Узбекистана в Новосибирске А. Каюмов, представители администрации области, города, а также - еврейской, уйгурской, белорусской и других диаспор. Цели и задачи узбекского центра – познакомить новосибирцев с древней культурой, красивыми танцами, обычаями, традициями и конечно, бережно их сохранять, «чтобы каждый узбек знал свои корни». Планов у центра много. Есть уже и первые победы: узбекская танцовщица Лайло стала победительницей на конкурсе тюркских красавиц,

¹⁸⁵ http://www.samddn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=240:samarskaja-regionalnaja-obschestvennaja-organizatsija-natsionalnyj-uzbekskij-kulturnyj-tsentr-alisher-n&catid=42:2009-07-29-11-49-21&Itemid=81

который прошел в Новосибирске в ноябре 2010 г. в рамках фестиваля «Сибирская чайхана»¹⁸⁶.

В Ивановской области мусульманские общины и диаспоры (в т.ч. – узбекская) добились от администрации разрешения для строительства Мусульманского культурного центра. Силами диаспор не один год действует детский межнациональный летний лагерь¹⁸⁷.

Ярославское региональное отделение Ассамблеи народов России (ЯрО АНР) существует с 2000 г. и объединяет представителей 17 национальных диаспор, в т.ч. узбекской, азербайджанской, дагестанской, таджикской, татарской, чечено-ингушской и т.д. Оно играет важную роль в общественной жизни Ярославля, имеет возможность влиять на межнациональные и международные процессы, активное продвижение позиций толерантности, мультикультурных ценностей¹⁸⁸. В Подольске около 30 тыс. этнических мусульман, среди них не менее 10 тыс. узбеков. Местная духовно-культурная организация «Рахман» действует с 1999 г.¹⁸⁹.

С Узбекистаном активно сотрудничают 77 субъектов Российской Федерации. Особой активностью отличаются как раз те регионы, где действуют узбекские диаспоры. Области Узбекистана открыто более 40 и прорабатываются вопросы открытия еще 15 торговых домов в различных регионах России.

Только за 10 лет (1999-2009 гг.) более 1000 узбекских студентов стали обладателями стипендий на бесплатное обучение в вузах России в рамках узбекско-российского сотрудничества в области образования. Только в 2007-2008 учебном году пред-

¹⁸⁶ Новикова Э. Адрес «Ферганской долины» - Новосибирск. 14.12.2010 г. // http://www.megansk.ru/page/Adrec_Ferganckoi_dolini__Novocibirck.html

¹⁸⁷ http://www.interethnic.org/Pozitiv_inform.html;

¹⁸⁸ В гостях у Ассамблеи народов Ярославля // http://www.interethnic.org/News/070706_2.html

¹⁸⁹ Подольчане не хотят знать, сколько среди них мусульман // <http://www.muslimpress.ru/news.php?lng=ru&pg=3643>

ставителям Узбекистана были предоставлены 180 подобных стипендий¹⁹⁰.

В целом ряде двусторонних соглашений оговаривается статус этнических меньшинств. Так, в статье 7 «Договора об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между РФ и РУз» от 30.05.1992 г. говорится: «Высокие договаривающиеся стороны гарантируют право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и создают условия для поощрения этой самобытности, и не допускают каких-либо попыток насильственной ассимиляции»¹⁹¹.

Данное положение полностью соответствует статье 1 «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» от 18.12. 1992 г., которая гласит: «Государства охраняют на их соответствующих территориях существование и самобытность национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств и поощряют создание условий для развития этой самобытности»¹⁹².

Нельзя не сказать и о так называемой «новой диаспоре», т.е. гастарбайтерах. В основном, выходцы из Узбекистана занимаются строительством, сельским хозяйством, работают на заводах в торговле, автосервисе, на предприятиях общественного питания, в жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом

¹⁹⁰ Муталов Дж. Узбекистан-Россия: по пути укрепления взаимовыгодного сотрудничества// http://www.uzbekistan.org.ua/ru/news/international_news/554.html

¹⁹¹ Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между РФ и РУз// Действующее международное право. Т. 1. М., 1999. С. 115-116

¹⁹² Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам// Действующее международное право. Т. 2. М., 1999. С. 91

обслуживании¹⁹³. Например, среди водителей общественного транспорта стало так много узбеков, что уже изданы и распространены среди них ПДД на узбекском языке¹⁹⁴. Общая численность трудовых мигрантов из Узбекистана в России нестабильна, колеблется от 500 тыс. чел. до 1 млн. чел. Узбекские общины в меру сил стараются помогать этим людям в поисках жилья, работы, правового и социального обеспечения.

¹⁹³ *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 2010.

¹⁹⁴ Комсомольская правда. 2008. 23 мая.

Глава 3. Этнические конфликты в системе этнополитических процессов и межэтнических отношений

3.1. Этнические конфликты в регионе (на примере Ферганского конфликта 1989 г.)¹⁹⁵

Специфической особенностью Ферганского межэтнического конфликта 1989 года являлось то, что одной из его сторон были турки-месхетинцы, этническая группа, о которой до данного конфликта большинство населения СССР, наверное, даже не знало.

К месхетинцам можно в полной мере отнести следующие слова: они «разделили участь многих меньшинственных (этнических или религиозных) групп, известных в мировой истории, которые, так или иначе отклонившись от проторенного народом-титularyм пути, вызывают недоверие, раздражение и расплачиваются в конечном счете снижением социального статуса, а вместе с ним – и интереса к себе в обществе. Но наступает время востребованности таких групп политическими силами, каждая из которых старается привлечь их на свою сторону. Оживляется интерес к ним и в науке, при этом наряду с объективными исследованиями появляются прямо или завуалировано отвечающие на социальный заказ»¹⁹⁶. Необходимо отметить, что «этноконфессиональные «промежуточные» группы – традиционная разменная монета в политических играх, объект научных фальсификаций»¹⁹⁷. При этом «одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов становит-

¹⁹⁵ Автор благодарит своих друзей и коллег из Москвы, Баку, Еревана, Тбилиси, которые помогли ему копиями архивных документов и иных материалов (выдержки из СМИ, научной литературы и др.).

¹⁹⁶ Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 135

¹⁹⁷ Там же. С. 139

ся... их происхождение, а также... самосознание».¹⁹⁸ В этой связи очень важен вопрос этнического происхождения месхетинцев и их самоидентификации.

По определению российских исследователей Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермоловой: «Турки-месхетинцы (самоназвание “турк”) – малоизученная этническая группа, в настоящее время переживающая процесс консолидации в самостоятельный народ, отличный от анатолийских турок»¹⁹⁹. Вопрос о том, представляют ли собой месхетинцы формирующийся этнос или являются турецкой диаспорой конечно дискуссионный, но то, что они отличаются от основной массы турок целым рядом этнических особенностей – бесспорно.

Как отмечает Б. Алиев: «Вопрос о происхождении месхов-месхетинцев и расселении их в нынешней южной Грузии, является слабоизученным. Не вызывает, однако, сомнения, что история формирования месхов, как туркоязычного населения Месхетии-Джавахетии, тесно связана с историей Грузии и Турции, а также Ирана. На протяжении своей длительной истории турки-месхетинцы находились в интенсивных сношениях с грузинами, армянами, курдами, персами, арабами. Такие контакты накладывали глубокий отпечаток на язык, культуру, антропологический тип этой этнической группы в Месхетии»²⁰⁰.

Своеобразной точки зрения на этногенез месхетинцев придерживается Марат Бараташвили: «Мы – грузины-месхи, наши предки были вынуждены принять мусульманство в XVI-XVII веках, когда Месхетии подвергалась набегам и захвату турками»²⁰¹.

¹⁹⁸ Там же. С. 135

¹⁹⁹ Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы)// Советская этнография. 1990. № 1. С. 16.

²⁰⁰ Алиев Б. Месхетинцы (месхи) и Месхетия// Восток. 2002. № 6. С. 215

²⁰¹ Цит. по: Резник Б., Чантурия Т. Прийти с надеждой, принять с миром. О давних и нынешних проблемах небольшой народности// Известия. 1989. 30 января.

Более сложную картину этногенеза месхетинцев дают другие исследователи. Так, Б. Алиев пишет: «В этногенезе месхов принимали участие в основном кавказские этнические элементы. В жилах месхетинцев течет хаттская, фригийская, лидийская, персидская, грузинская, армянская, курдская, хазарская, эллинская кровь»²⁰².

Турки-месхетинцы – народ столь специфический, что нет даже одного общепринятого его наименования. Так, в качестве самоназвания употребляются термины турки (тюрк), ахыскинские турки (ахыска тюрклари), османские турки (османли тюрklar). Кроме того, распространены также названия месхетинские турки, джавахетские турки, джавахцы, месхи, ахалцихские турки, месхетинцы, кавказские турки, закавказские турки и т.д.

Есть разные версии происхождения месхетинцев. Даже в Грузии полагают, что они «не то язычники, не то уцелевшие остатки древнего тюркоязычного этноса, или же они люди, подвергшиеся турецкой ассимиляции и т.д.»²⁰³

По словам бывшего лидера турецкого общества «Ватан» Ю. Сарварова, география расселения турок-месхетинцев на конец 1990-х гг. выглядела следующим образом: Казахстан (96 тыс.), Россия (70 тыс.), Азербайджан (63 тыс.), Кыргызстан (28 тыс.), Украина (10 тыс.), Беларусь (8 тыс.)²⁰⁴. В то же время советник Президента Азербайджана по национальным вопросам Идаят Оруджев привел другую цифру по Азербайджану, почти вдвое превышающую данные Ю.Сарварова – 110 тыс.²⁰⁵

Проблема определения точной численности месхетинцев связана со следующим: во-первых, достаточно сложно наладить точный учет всех турок-месхетинцев. Во-вторых, у

²⁰² Алиев Б. Месхетинцы (месхи) и Месхетия. С. 216

²⁰³ См. Ломсадзе Ш.В. Южная Грузия. Самцхе-Джавахети с середины XV по 50-е годы XIX века. Автореф. дисс. д.и.н. Тбилиси, 1973

²⁰⁴ Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 3(4). С. 15

²⁰⁵ Там же. С. 14

многих из них проблемы с самоидентификацией. В-третьих, месхетинцы рассеяны по 11 государствам СНГ (по понятным причинам их нет только в Армении). В-четвертых, различные официальные и общественные структуры по разному подходят к определению того, кого считать турком, а кого нет. Так, грузинский представитель на Международных консультациях в Вене в марте 1999 г. Э. Шенгелая говорил: «Вернемся к тому определению депортированного народа, которое принято в документах Евросовета. А именно – «депортированное месхетинское население». Это не создает разночтения... Очень странно звучит, когда одни называют «турки-месхетинцы», другие – «месхетинцы», следующие – «месхи-мусульмане», до выселения их называли «азербайджанцами». Давайте все-таки договоримся, что это «депортированное месхетинское население». А в остальном – пусть каждый определяет себя, как он считает нужным»²⁰⁶.

Однако подобная позиция вызвала резкое отрицание со стороны представителей самих месхетинцев. Представитель общества «Ватан» (Азербайджан) Бекир Мамоев в ответ на слова представителя Грузии сказал: «было выслано не месхетинское население, а народ, имеющий конкретное имя – это турки, курды и хемшилы»²⁰⁷.

Как отмечали российские журналисты М.Лурье и П. Студеникин: «Долгое время, почти полвека, их называли азербайджанцами, грузинами, узбеками, армянами... Но они всегда считали себя турками. И все эти долгие годы мечтали о том дне, когда смогут вернуться на свою историческую родину – Месхетию, поклониться угасшим надолго очагам, заговорить на родном языке»²⁰⁸.

²⁰⁶ Цит. по: Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 3 (4). С. 14.

²⁰⁷ Там же. С. 16

²⁰⁸ Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989-го. М., 1990. С. 30

История появления турок в Месхетии уходит в глубину веков. Этноним месхи в разных лингвистических формах (меси, мосхи, мошки, мушки, мосохены, мосхены, месхены, месхенеи и т.д.) был известен многим античным авторам, в частности Иосифу Флавию, Страбону и т.д.²⁰⁹

С точки зрения античного исследователя Страбона (I в. до н.э.), Месхетия была территорией, разделенной на три части: одной владели карты (предки грузин), другой – иверы, третьей – армяне²¹⁰. Грузинское название Месхетии – Самцхе, и может быть интерпретировано в двух вариантах: во-первых как Самцхе, т.е. страна месхов²¹¹. Во-вторых – как усеченный вариант слов Сами-Цихе (т.е. три крепости). Последний вариант напрашивается потому, что на землях месхетинцев действительно исторически существуют три крепости: Ахалцих, Ахалкалаки, Адигени.²¹²

Российский этнолог Д.И. Еремеев полагает, что тюрки жили в Малой Азии уже в первые века нашей эры. Он отмечает: «Необходимо сразу оговориться, что в тезисе об автохтонности²¹³ тюркоязычного народа есть доля истины. Тюркоязычное население является в определенной степени потомками населения Месхетии»²¹⁴. Он также пишет, что «уже в III - IV веках многочисленные турецкие племена, бесспорно, представляли собой

²⁰⁹ См.: *Немировский А.А.* Каппадокия и каппадокийцы: к формированию этнополитической карты древней Анатолии// Восток. 1999. № 6. С. 5-15; *Гозалишвили Г.* Два этюда из истории Понта и Каппадокии. Тбилиси, 1967; *Церетели К.* Отношение истории термина «мосхи» и к анализу названий мушки-мосхи// Сообщения АН Грузии. 1954. Т. XVI. № 2. С. 111-118

²¹⁰ Страбон. География. XI. 2, 18

²¹¹ Источники грузинской летописи. Три хроники. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 28. С. 1-44.

²¹² *Алиев Б.* Месхетия и месхи (турки-месхетинцы): этнополитическая история народа// ЦАиК. 2002. № 1(19). С. 180

²¹³ Автохтонность того или иного этноса означает его происхождение в данном географическом ареале. Термин «автохтонное население» противоположен по смыслу термину «пришлые население».

²¹⁴ *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 21

многочисленных и постоянных соседей народов Малой Азии, Кавказа и Балкан. Они проникали в эти области все более и более активно»²¹⁵.

В начале XII века (в 1118 г.) Давид Строитель пригласил в Грузию 300 тыс. тюрок-кипчаков, с помощью которых он в 1121 г. смог отвоевать Тбилиси²¹⁶. Правда, часть тюрок со временем приняла христианство, но «христианизация ещё не является грузинизацией»²¹⁷. И при последующих царях: Георгии III, Тамаре, Давиде VIII и т.д. в Южной Грузии оседали десятки тысяч тюрок. Этот регион даже стали называть «Диди Туркоба», т.е. Великий Туркестан²¹⁸. Тюркизация и исламизация региона усилились в XIII-XV вв. благодаря походам монголо-татар, Амира Тимура, сельджуков и т.д. Даже принявшие ранее христианство тюрки начали массами возвращаться в лоно ислама²¹⁹. Уже с XIII в. местные правители носили тюркский титул «атабек». В 1469 г. атабек Саркис II объявил о независимости Месхетинского атабекства (Самцхе-Саатабаго) от Тбилиси²²⁰. В 1516 г. эту территорию захватили Сефевиды, в 1578 г. её отвоевали османы. Окончательное закрепление территории за Османской империей произошло в 1639 г., когда был образован Чилдырский (Ахалцихский) пашалык, полностью включенный в османскую политико-административную систему. В течение 200 лет Месхетия была частью Турции. Как отмечают исследователи: «Османский период в жизни населения этого региона Грузии имел решающее значение для консолидации и окончательного оформления разных тюркских племен и на-

²¹⁵ Там же. С. 23

²¹⁶ См. *Маклай О.П.* Рец. на кн. Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку, 2000// Восток. 2001. № 4. С. 202

²¹⁷ *Юнусов А.* Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку, 2000. С. 33

²¹⁸ *Юнусов А.* Ахыскинские (месхетинские) турки... С. 36

²¹⁹ *Zeki Velidi Togan A.* Umumi Turk tarihi'ne giriş. Cild 1. Istanbul, 1981. P. 172.

²²⁰ *Горгиджанидзе П.* История Грузии. Тбилиси, 1990. С. 54

родов в фактически единый этнос с общим турецким языком и культурой»²²¹.

Таким образом, история появления турок-месхетинцев уходит в глубину веков, и в нашу задачу не входит окончательный анализ выяснения их этногенеза.

В состав Российской империи исторические земли месхетинцев вошли после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Центр Месхетии - город Ахалцих (Ахыска) был взят российскими войсками 15 августа 1829 г., а затем стал центром Ахалцихского уезда Тифлисской губернии. Половина территории Месхетии (10 санджаков из 22) отошла Российской империи. Уже тогда чиновники империи обратили внимание на сложности с «этническим разграничением мусульман Грузии»²²². Среди них были как турки, так и представители других этносов: грузины (аджарцы, лазы, месхи, джавахи), армяне-хемшилы, греки-урумы, курды и т.д. Генерал И. Паскевич начал депортацию месхетинских мусульман уже в 1829 г. В соответствии со статьей 13 Адрианопольского мирного договора (сентябрь 1829 г.) был установлен срок – 18 месяцев, в течение которого месхетинцы должны были переселиться в Турцию²²³. Общее число депортированных превысило 100 тыс. чел.²²⁴ На их земли в 1829-1831 гг. было переселено из Турции более 30 тыс. армян²²⁵. И в дальнейшем периодически осуществлялся процесс заселения месхетинских земель преимущественно христианским (армяне, грузины, греки, русские и т.д.) и другим лояльным к Российской империи населением.

По данным Всероссийской переписи 1897 г. в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии проживало 141,5 тыс. чел., для 43, 3 тыс. (31 %) из которых родным являл-

²²¹ Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки... С. 37

²²² Юнусов А. Месхетинские турки... С. 51

²²³ Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб, 1869. С. 78-79.

²²⁴ Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы)... С. 184.

²²⁵ Ломсадзе Ш.В. Указ. соч. С. 29

ся турецкий язык. Грузин было 13%, армян – 48 %, остальные 8 % - греки, курды, русские и т.д. В Ахалкалакском уезде (Джавахетии) большинство составляли армяне (72 %), среди которых часть составляли мусульмане-хемшилы. Турки составляли большинство в Ахалцихском уезде (т.е. собственно Месхетии) – 53 % населения²²⁶.

К началу первой мировой войны этноконфессиональный состав Месхетии был следующим: 29 % - турки, 51 % - армяне, 8 % - грузины (христиане и мусульмане)²²⁷. Остальные 12 % составляли представители других этносов: курды, греки, русские и т.д.

Перед началом Первой мировой войны турецкое правительство очень рассчитывало на массовую поддержку со стороны мусульман Закавказья, и прежде всего – этнических турок. Однако очень скоро наступило разочарование. Кавказский наместник докладывал в столицу Российской империи накануне войны: «К нашему счастью, никаких сепаратистских идей в мусульманской... массе возникнуть не может, почему и отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма никакого успеха на Кавказе не имеют»²²⁸.

Это было подтверждено и российскими чиновниками более низкого ранга уже после начала войны: деятельность пантюркистов «с целью возбуждения интереса магометан Закавказья к Турции и поддержания её нравственно и материально, не имела никакого успеха»²²⁹.

Но может быть, царские чиновники лишь выдавали желаемое за действительное? Нет, их донесения подтверждает информация из Стамбула: «турецкие панисламисты жалуются

²²⁶ Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 года. СПб, 1905. Т. 69. С. 77-81

²²⁷ Юнусов А. Месхетинские турки... С. 54

²²⁸ Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1913. С. 9-10.

²²⁹ ЦГА Азербайджана. Ф. 498. Оп. 1. Д. 806. Л. 60.

на полное бездействие своих единомышленников на Кавказе и на полное отчуждение закавказских мусульман от интересов Турции. За исключением отдельных личностей, сочувствующих Турции, панисламистскому направлению и посылающих пожертвования, вся остальная масса начинает осознавать, что внутреннему настроению Турции и упадку материального состояния её сельского населения не предвидится конца, что заставляет ценить положение России»²³⁰.

И даже в обращении военного министра Турции Энвер-паша к солдатам и офицерам турецкой армии говорилось: «Наши единоверцы, на помощь которых вы имели право рассчитывать, оказались в большинстве недостойными имени мусульман, и проклятие пророка – над их головами»²³¹.

По сообщениям российской разведки, миссия турецкого резидента Тагир-бея с целью «приобрести агентов в Закавказье для ведения панисламистской пропаганды среди местных мусульман, а также и для освещения наших правительственных мероприятий потерпела полную неудачу»²³².

В донесении генерал-лейтенанта российской контрразведки Поршина от 17 ноября 1915 г. также отмечалось, что количество проосмански настроенных лиц среди мусульман Грузии невелико: «произошла частичная измена отдельных преступных лиц, число которых не превышает 200 человек»²³³. И это в то время, как в Грузии жили десятки тысяч этнических турок, не считая мусульман другой этнической принадлежности.

Многовековое совместное проживание месхетинцев с христианами (грузинами, армянами, греками и т.д.) выработало у них чувство глубокой межэтнической и межконфессиональной толерантности. Резко увеличилось количество армян в Месхе-

²³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 15. Д. 74. Л. 5-8

²³¹ ЦГА Грузии. Ф. 2с. Д. 3187. Л. 18

²³² ЦГА Грузии. Ф. 2с. Д. 3265. Л. 55

²³³ ЦГА Грузии. Ф. 2с. Оп. 1. Д. 3193. Л. 221-224

тии и Джавахетии во время Первой мировой войны²³⁴. Местные турки нередко укрывали армян от преступных действий банд башибузуков²³⁵. Английский писатель и журналист Г.А. Гиббонс отмечал: «личные отношения между турками и армянами были далеко не плохие. Турки по природе народ не фанатичный. Преследования и избиения армян... никоим образом нельзя рассматривать... как следствие вековой вражды этих двух народов на почве религии»²³⁶.

Это же отмечали и российские чиновники: «само турецкое население... относится к ним (армянам – Р.Н.) без вражды»²³⁷. Известны даже факты вооруженного сопротивления мусульман Грузии османской армии: «когда в ноябре (1914 г. – Р.Н.) турецкие полчища ворвались в Имерхеви и Шавшети... жители 18 селений – грузинские мусульмане названных округов – не только воспрепятствовали вторжению турецких аскеров в их селения, но и не допустили причинить вреда населению единственного армянского селения в округе Пхикур»²³⁸.

В 1916 г. в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах проживало 172 тыс. чел., в т.ч. турок – 59 тыс. (34 %), армян – 80 тыс. (46 %), грузин – 29 тыс. (17 %). Турки по прежнему составляли большинство в Ахалцихском уезде – 52 тыс. (72 %), а армяне – в Ахалкалакском уезде – 76 тыс. (76 %).²³⁹

В годы Первой мировой войны царское правительство активно использовало антитурецкие настроения в среде армян и грузин-христиан. Был сформирован Армянский корпус генерала Т. Назарбеяна. В Ахалцихе находился батальон этого

²³⁴ См. Кавказское слово. 31.12.1914, 01.01.1915, 28.03.1915 и т.д.

²³⁵ ЦГА Грузии. Ф. 2с. Оп. 1. Д. 3599. Л. 137

²³⁶ Гиббонс Г.А. Последние избиения в Армении. Факты и ответственность. Пг, 1916. С. 23

²³⁷ ЦГА Грузии. Ф. 2с. Д. 3187. Л. 162-163

²³⁸ Закавказская речь. 1915. 19 мая.

²³⁹ Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. Тбилиси, 1998. С. 8.

корпуса, в Ахалкалаки – ещё 2 батальона²⁴⁰. Кроме того, был сформирован Грузинский корпус генерала Габаева, один батальон которого находился в Ахалцихе²⁴¹. Иногда у армянских и грузинских солдат и офицеров возникали конфликты с местным турецким (и вообще мусульманским) населением, но до серьезных вооруженных столкновений дело не дошло.

События 1917 – начала 1918 гг. резко изменили всю ситуацию в Закавказье. 13 апреля 1918 г. 40 делегатов-мехетинцев выступили на Батумской мирной конференции с заявлением, на котором просили оградить их от армяно-грузинского произвола и требовали присоединить их земли к Турции. Они отмечали, что «при оставлении их в составе Грузии, они подвергнутся опасности потерять в недалеком будущем не только национальные связи с турками, но даже язык и религию, тем более в этом отношении грузинами с начала революции принимаются энергичные шаги»²⁴².

26 мая 1918 г. турецкий генерал Халил-бей выдвинул территориальный ультиматум национальным правительствам республик Закавказья. 4 июня 1918 г. в Батуме был заключен грузино-турецкий «Договор мира и дружбы», согласно которому границы были установлены по линии, существовавшей до Адрианопольского мирного договора 1829 года. Ахалцихский и Ахалкалакский уезды (т.е. земли мехетинцев – Р.Н.) официально вошли в состав Турции²⁴³. 14 июля 1918 г. был проведен референдум среди мусульман Южной Грузии, и большинство опрошенных высказались за вхождение их земель в состав Турции.²⁴⁴

²⁴⁰ Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962. С.337.

²⁴¹ Там же. С. 338

²⁴² Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 310-312

²⁴³ Саркисян Е.К. Экспансионистская политика... С. 364

²⁴⁴ Юнусов А. Ахыскинские (мехетинские) турки... С. 39

29 октября 1918 г. было образовано Временное правительство Ахыска (Ахыска хукумати-муваггатаси), во главе которого встал Омар Фаиг-бек. Столицей республики был объявлен г. Карс. Однако после Мудросского соглашения (30 октября 1918 г.) Турция начала вывод своих войск из Месхетии, хотя местное население этого не желало. Турки объединились с азербайджанцами Армении и Нахичевани и образовали Аразо-Турецкую республику (Араз-Турк Дждумхурийати)²⁴⁵.

Весной 1919 г. после ожесточенных боев правительственным войскам меньшевистской Грузии удалось захватить земли месхетинцев, правительство распущено, его лидер Омар Фаиг-бек получил политическое убежище в мусаватистском Азербайджане.²⁴⁶ В течении 1918-1920 гг. месхетинцы (равно как и другие меньшинства Грузии – абхазы, осетины, аджарцы и т.д.) подвергались гонениям, произволу, прямому геноциду со стороны меньшевистского правительства Грузии.

Был ещё один вариант решения проблемы месхетинцев: не прямое присоединение их земель к Турции, а включение их в состав зависимого от Турции Азербайджана. М. Расул-заде, один из лидеров азербайджанской партии «Мусават», отмечал в своей речи 8 апреля 1920 г.: «Турция ставит своей задачей создание юго-западного Азербайджана из частей территории Эриванской, части Тифлисской губернии (уезды Ахалцихский и Ахалкалакский) и Азербайджанской республики... должен быть создан великий Азербайджан под протекторатом Турции»²⁴⁷.

Установление советской власти в Закавказье открыло новый этап в истории многострадального месхетинского народа.

Трапезундская газета «Истикбаль» («Будущность»), выра-

²⁴⁵ Гаджылы А. На чужбине (этническая культура месхетинских турок). Баку, 1992. С. 17-18; Gokdemir A. Genubi-garbi Kafkas hukumati. Ankara, 1989. P. 39

²⁴⁶ Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки... С. 39

²⁴⁷ ЦГА Армении. Ф. 66. Д. 318. Л. 76

жавшая интересы общественного мнения Турции, в начале 1921 г. активно требовала присоединения Аджарии и Месхетии к Турции²⁴⁸. Однако 16 марта 1921 г. был заключен российско-турецкий договор в Москве, закреплявший Аджарию (Батумскую область) и Месхетию (Ахалцихский и Ахалкалакский уезды) за Грузией. Но в день подписания договора, 16 марта 1921 г. генерал Кязым Карабекир-паша (главнокомандующий турецкими войсками на Кавказе) обратился к командующему 11-ой красной армией А.И. Геккеру с требованием очистить Месхетию и Аджарию от советских войск. 17 марта 1921 г. бывший дипломатический представитель Турции в меньшевистской Грузии Кязым-бей, опираясь на турецкие войска, объявил себя губернатором южно-грузинских земель. В своем приказе № 1 он отметил: «в последнее время с согласия грузинского правительства Батумская область, Ахалкалакский и Ахалцихский уезды были оккупированы нашими войсками. По постановлению Правительства Великого Национального Собрания Турции, основанного на национальных правах наших, многократно подтвержденных разновременными договорами, эти области с сегодняшнего дня возвращаются в пределы матери-отчизны и в политическом и в административном отношении подчиняются Турецкому Национальному Правительству»²⁴⁹.

Однако реально земли месхетинцев остались в составе Грузии. Это, в конечном итоге, достаточно плачевно сказалось на судьбах месхетинцев.

Проведенная в 1926 г. первая Всесоюзная перепись населения показала, что только в Месхетии проживало 68,3 тыс. мусульман, около 40 % его населения.²⁵⁰ Часть из них (56,7 тыс.

²⁴⁸ Юст К. Анатолийская печать. Тифлис, 1922. С. 39

²⁴⁹ ЦГА Грузии. Ф. 13с. Д. 124. Л. 27

²⁵⁰ Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы): этнополитическая история народа// Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 1 (19). С. 184

чел.) была определена как «османские турки», другая часть – как грузины-мусульмане с родным турецким языком – 11,6 тыс.²⁵¹ Проблема определения точной численности месхетинцев была связана со многими проблемами. В частности, это было связано с тем, что и руководство Грузии, и руководство союзного центра не были заинтересованы в признании самого факта наличия на юге Грузии турецкого этнического анклава. Неоднократно предпринимались попытки лишить турок их этнической принадлежности, самосознания, идентичности: «До 1926 года в селах существовали начальные школы с обучением на турецком языке. Затем их перевели на азербайджанский язык, мотивируя тем, что нет учебников на турецком, нет учителей. А к 1937 году преподавание во всех учебных заведениях началось на грузинском... Уже тогда зрело решение о лишении мусульманской части населения Грузии своей национальной суверенности. Турок, как и других мусульман, заставляли брать грузинские фамилии, менять национальность. Таким вот образом Аббас Ульфан-оглы Хахут стал Хахутатдзе»²⁵². Объективности ради отметим, что наблюдалось и другое - по-грузински звучащие фамилии переделывали в турецкие, особенно после ссылки в Среднюю Азию: «Семью Хозреванидзе, высланную в Самаркандскую область, в тамошней спецкомендатуре превратили в Аслановых – по имени отца. Объясняли это так: «Мы грузин не высылали»²⁵³. Тогда же, «в 1937 году вышел сталинский “вердикт”, в котором росчерком пера “ликвидировался” целый народ: “турок в СССР нет, есть только азербайджанцы”». ²⁵⁴ По переписи 1939 в Месхетии проживало 200 тыс. мусульман: 75 тыс. – в Ахалцихском районе, 55 тыс. – в Ади-

²⁵¹ *Осинов А.Г.* Основные направления изменений в самосознании и культуре ахалцихских (месхетинских) турок. 20-ые гг. XIX – 90-ые гг. XX в. Автореф. дисс. к.и.н. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 10-11

²⁵² *Дурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 35

²⁵³ *Резник Б., Чантурия Т.* Указ. соч.

²⁵⁴ *Немцова Л.* Быть ли Родной чужбине?// Волга. № 100 (24021). 13.07.2001 г.

генском, 30 тыс. – в Аспиндзском, 25 тыс. – в Ахалкалакском, 15 тыс.- в Богдановском (ныне – Ниноцминдский район)²⁵⁵.

В период второй мировой войны 46 тыс. месхетинцев было призвано в армию, из них 26 тыс. (56,5 %) погибло²⁵⁶. Сотни были награждены орденами и медалями, 8 человек²⁵⁷ из числа турок (по другим сведениям – 12)²⁵⁸ стали Героями Советского Союза: Бекир Мустафаев, Бедир Мурадов, Ильяс Хмаладзе, Исрафил Джинчарадзе и т.д.²⁵⁹ Столь большие разночтения в цифрах характеризуются тем, что точного учета численности турок-месхетинцев не велось: даже в переписях они отмечались как турки, тюрки, курды, азербайджанцы, грузины и т.д.

В 1944 г. шовинистически настроенное руководство Грузии подняло вопрос о выселении из республики мусульман. Уже 12 апреля 1944 г. нарком внутренних дел Грузии Г. Капанадзе написал наркому внутренних дел СССР Л.П. Берия, что грузинские мусульмане (из числа курдов и азербайджанцев) покинули свои села и переместились в Тбилиси, чем создали определенную социальную напряженность²⁶⁰. Л.П. Берия 24 июля 1944 г. обратился к И.В. Сталину с письмом, в котором обосновывал необходимость выселения мусульман (16 700 семей турков и курдов) с грузино-турецкой границы, конкретно: из Месхетии (Ахалцихский, Аспиндзский, Адигенский районы), Джавахетии (Ахалкалакский и Богдановский районы), восточной части Аджарии. При этом Берия указывал, что данное предложение согласовано с руководством Грузии²⁶¹.

²⁵⁵ Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы): этнополитическая история народа. С. 184

²⁵⁶ Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ// Восток. 1999. № 6. С. 40

²⁵⁷ Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки... С. 40

²⁵⁸ Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы)... С. 185

²⁵⁹ См. Герои Советского Союза. М., 1987, 1988. Т. 1,2.

²⁶⁰ Юнусов А. Указ. соч. С. 40

²⁶¹ Турки-месхетинцы: долгий путь к реабилитации. Сб. документов. Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. С. 13.

К моменту выселения из Грузии турки-мехетинцы проживали в 212 селах южной Грузии²⁶². Вместе с турками были выселены также курды, хемшины (армяне-мусульмане), азербайджанцы (те же турки, в советское время записанные как азербайджанцы). Выселение не коснулось этнических грузин-мусульман: аджарцев, лазов, джавахов, ингилойцев. Основными регионами выселения грузинских мусульман были назначены Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан²⁶³. Депортация началась 15 ноября 1944 г. и продлилась до января 1945 г. Всего было выселено 115,5 тыс. человек²⁶⁴. В пути и в первые месяцы после высылки погибло 15432 чел. К началу 1953 г. в ссылке в Центральной Азии находилось 86663 переселенцев из Грузии, в т.ч. 66823 турка (77,1 %) ²⁶⁵.

Изначальная этнокультурная близость и длительное проживание совместно с узбеками привели турков к быстрому овладению узбекским языком. Как отмечал ещё в 70-ые годы XX в. социалингвист Ф.Ф. Алиев: «Узбекским свободно владеют турки Узбекистана, можно сказать, любого возраста. К нему нередко прибегают даже в семье, в домашнем кругу. Узбекским языком в той или иной степени пользуются и турки, проживающие в некоторых районах Чимкентской области Казахской ССР... Определенная часть сельской турецкой молодежи получает на узбекском, казахском и киргизском языках высшее и среднее специальное образование»²⁶⁶.

В 1989 г. в бывшем СССР проживало 207,5 тыс. турок-мехетинцев, причем основная масса была сосредоточена

²⁶² Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-мехетинцы (историко-этнографический анализ проблемы)// СЭ. 1990. № 1. С. 16

²⁶³ Хуриут А. Турки// Литературный Киргизстан. 1988. № 12. С. 102-111

²⁶⁴ Согласно подсчетам Комиссии при Временном организационном комитете (ВОК) по возвращению на родину мехетинских турок// См. Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Указ. соч. С. 16, 24

²⁶⁵ Турки-мехетинцы: долгий путь к реабилитации. Сб. документов. Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. С. 24, 38-45, 67

²⁶⁶ Алиев Ф.Ф. Очерки по лексике языка турок Казахстана. Алм., 1978. С. 7

в трех центрально-азиатских республиках: 106,3 тыс. (51,2 %) – в Узбекистане, 49,6 тыс. (23,9 %) – в Казахстане, 21,3 тыс. (10,3 %) – в Кыргызстане²⁶⁷. С учетом небольших групп в турок в Таджикистане (768 чел.) и Туркмении (227 чел.)²⁶⁸ можно суммировать, что в регионе проживало 86,2 % всего турецкого населения бывшего СССР. Турки-месхетинцы были достаточно хорошо интегрированы в этнокультурную панораму республик Центральной Азии, вплоть до конца 1980-ых гг. никаких серьезных инцидентов между ними и коренными этносами не возникало. Это же отмечалось и после трагедии: «языки народов схожи, подавляющее большинство турок-месхетинцев учились в узбекской школе»²⁶⁹.

Одним из серьезных факторов, повлиявших на рост напряженности в Ферганской долине явилось резкое ухудшение социально-экономического положения в регионе, в частности, рост безработицы. В 1980-ые гг. в среднем ежегодно трудовые ресурсы Ферганской области увеличивались на 22, 4 тыс. чел. К концу 1980-ых гг. основная масса незанятых была сосредоточена в Узбекистанском (27,3 тыс. чел.), Ферганском (26,5 тыс. чел.), Ахунбабаевском (15 тыс.), Ташлакском (14,2 тыс.) районах области²⁷⁰.

Характеризуя тот социальный фон, на котором произошли Ферганские события, следует помнить: «Диалектика истории такова, что скачкообразные изменения, крутые повороты в жизни народов подготавливаются внешне малозаметными, постепенными сдвигами. Такие сдвиги стали нарастать и в области межнациональных отношений. Накопившиеся проблемы в этой сфере требовали немедленного решения. Однако они его не получили и стали выливаться в межнациональные конфликты. В этих конфликтах было много спонтанного, стихийного,

²⁶⁷ Союз. 1990. № 32. С. 13

²⁶⁸ Там же

²⁶⁹ Ферганская правда. 1989. 17 июня.

²⁷⁰ Ферганская правда. 1989. 17 июня.

порожденного импульсивным поведением больших групп людей. Зачастую накопившиеся недовольство, ухудшение социально-экономического положения, формирующего почву для открытого конфликта, используется экстремистскими элементами. Такая ситуация сложилась в 1989 г. в Фергане, где этим воспользовались организованные группы и спровоцировали столкновение. Вспышки межнациональной напряженности, меньшие по масштабам, наблюдались и в других местах»²⁷¹.

Необходимо учитывать и общую социальную ситуацию в республике. Как отмечалось в Решении Ферганского облисполкома № 408/19 от 26.10.1989 г. «за последнее время в республике значительно усилилась социальная напряженность, возросла преступность, ослаблена общественная, государственная, трудовая дисциплина. Аналогичное положение отмечается и на территории Ферганской области. В структуре преступности увеличилось число умышленных убийств, посягательства на здоровье и личную неприкосновенность граждан, разбойные нападения, грабежи... Активизировали свою деятельность и пытаются оказывать активное воздействие на обстановку в области различного рода экстремистски настроенные лидеры неформальных объединений, которые нередко, прикрываясь маской “борцов” за права человека, присваивают себе право выступать от имени народа, организуют и проводят несанкционированные митинги и собрания, на которых пропагандируют антиобщественные идеи”²⁷², “толкают отдельные группы населения, особенно молодежь на антисоциальные поступки... Такие действия... дестабилизируют общественно-политическую обстановку, подрывают веру людей в способность органов государственной власти защитить интересы населения, порож-

²⁷¹ *Ата-Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент, 1998. С. 107-108.

²⁷² Государственный архив Ферганской области (далее – ГАФО). Ф. 1124. Оп. 15. Д. 367. Л. 186.

дают различные слухи, вызывают недовольство населения»²⁷³. Иными словами, искры межэтнического конфликта попали на уже подготовленную почву.

Как отмечают российские исследователи Э.А. Паин и А.А. Попов, «непосредственным толчком к открытым столкновениям... выступают некие определенным образом ориентированные, т.е. провоцирующие конфликт, психологические феномены. Иногда это просто ни на чем не основанные слухи (например, в Фергане – о якобы имевшем место разгроме месхетинскими турками детсада), чаще – сообщения о реальных событиях, которым, однако, в глазах возбужденного населения придается преувеличенный или искаженный смысл фактов национальной дискриминации»²⁷⁴. Было, в частности установлено, что «экстремисты пользовались для подстрекательских и провокационных целей фотофальшивками... чаще всего эти фотомонтажи выполнены грубо, примитивно, рассчитаны на подготовленную толпу. К примеру, демонстрировалась фотография убитого ребенка. Она сделана путем пересъёмки портрета девочки с предварительно проколотого снимка. На фотографии девочка улыбается, а её выдают за жертву»²⁷⁵.

Во многих материалах, посвященных Ферганским событиям неоднократно упоминалось о том, что среди бесчинствующих толп большинство молодчиков были в состоянии алкогольного или наркотического опьянения²⁷⁶, военнослужащие и милиция неоднократно изымали у задержанных экстремистов водку и анашу²⁷⁷.

²⁷³ Там же. Л. 187.

²⁷⁴ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению)// СЭ. 1990. № 1. С. 5

²⁷⁵ Из интервью эксперта Экспертно-криминального управления МВД СССР Б. Сегаля// Ферганская правда. 1989. 21 июня.

²⁷⁶ Ферганская правда. 1989. 21 июня, 22 июня; Правда.1989. 20 июня; Правда Востока.1989. 20 июня.

²⁷⁷ Ферганская правда. 1989. 14 июня.

Непосредственно в ходе конфликта и сразу после него был начат учет людских и материальных потерь.

По данным на 15 июня 1989 г. погибло 93 человека, в т.ч. 64 турка-месхетинца, 17 узбеков, 12 человек других национальностей. Свыше 1000 человек получили ранения и травмы. Сожжено более 700 строений, 168 транспортных средств. В процессе наведения порядка ранено 173 военнослужащих внутренних войск, 57 работников милиции, 1 из которых скончался.²⁷⁸ Характер ранений был самым различным. Так, рядовой В. Филин был обожжен горючей смесью, старший лейтенант Ю. Клебановский был ранен вилами, рядовой В. Швиндт получил ранения камнями и т.д.²⁷⁹

По данным на 16.06.1989 г. установлено, что сожжено и разгромлено 1051 здание, в т.ч. 750 домов, изъято 7718 единиц оружия²⁸⁰

По данным на 17.06.1989 г. было уже выявлено, что погибло 97 человек, сожжено и разгромлено 750 жилых домов, 27 административных зданий, 274 автомашины²⁸¹. Было изъято 8161 единица огнестрельного и холодного оружия, задержано за хулиганские действия 452 человека, за нарушение комендантского часа – 2886 человек.²⁸²

К 21.06.1989 г. было изъято уже 8970 единиц оружия, установлена гибель 98 человек²⁸³.

По данным бывшего члена Правительственной Комиссии Ш.З. Зиямова, в результате межэтнического конфликта в общем погибло 107 человек, свыше 1000 человек получили ранения разной степени тяжести, были сожжены сотни домов²⁸⁴.

²⁷⁸ Правда Востока. 1989. 16 июня.

²⁷⁹ Ферганская правда. 1989. 14 июня.

²⁸⁰ Правда. 1989. 16 июня.

²⁸¹ Ферганская правда. 1989. 17 июня.

²⁸² Ферганская правда. 1989. 17 июня.

²⁸³ Ферганская правда. 1989. 21 июня.

²⁸⁴ Зиямов Ш.З. Межнациональные отношения и межэтнические конфликты в

Существуют разные версии анализа причин конфликта. Достаточно однозначно формулирует свою точку зрения Ш.З. Зиямов. Он полагает: «О том, что события были глубоко и тщательно спланированы, а поджоги и убийства осуществлялись организованными уголовными, экстремистскими элементами, направляемыми из единого центра не вызывало сомнений уже в ходе самих событий в Ташлаке, Маргилане и Коканде. По нашему мнению, в Ферганских трагических событиях были замешаны спецслужбы бывшего Союза, разыгравшими “турецкую карту”. В условиях начавшегося развала тоталитарного государства, они стремились к тому, чтобы сильнее “привязать” Узбекистан к Центру»²⁸⁵.

На наш взгляд, прямое участие спецслужб СССР в организации данного конфликта – вопрос очень гипотетический. Скорее было бы логичнее обвинить их в попустительстве, преступной халатности, бездействии. Считать, что какая-либо спецслужба способна сама по себе, на пустом месте раздуть сколько-нибудь масштабный конфликт – по меньшей мере нерационально. Это все равно, что утверждать, будто длившееся в регионе полтора десятка лет басмаческое движение было всего лишь результатом действий английской разведки, как писали некоторые советские авторы. Тем более, что и сам Ш.З. Зиямов не отрицает наличия объективной основы возникновения конфликта: «для разжигания Ферганских трагических событий подстрекатели использовали тяжёлое экономическое положение населения Куvasая (почему только Куvasая? Оно везде было сложным. – Р.Н.) и в качестве основного виновника такого положения представили турков-месхетинцев»²⁸⁶.

Упомянутые Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермолова полагают, что Ферганский конфликт – результат действия националистов в

Центральной Азии// Central Asian Studies. 2003. № 8. С. 154

²⁸⁵ Там же С. 154

²⁸⁶ Там же. С. 156

отношении незащищенного населения: «В конечном счете именно нерешенность вопроса о репатриации советских турок, их реальное политическое неравноправие и юридическая незащищенность явились глубинными причинами того, что именно они стали жертвой националистических акций в Узбекистане летом 1989 г.»²⁸⁷.

Своя версия на этот счет у азербайджанского исследователя Арифа Юнусова. Он полагает, что данные события были реакцией на активность турецкого общества “Ватан” (“Родина”), которое было создано в Узбекистане в начале 1988 г. под руководством Юсуфа Сарварова. “Ответом узбекских властей на активность турок стали погромы в Узбекистане. В мае-июне 1989 г. в Ферганской области, а в феврале-марте в Букинском и Паркентском районах Узбекистана по официальным данным было убито 116 человек (из них турок – 66) и ранено до 2 тыс. человек. Другим следствием погромов стала новая депортация ахыскинцев: 74 тыс. турок покинули Узбекистан. При этом 17,5 тыс. осело в Казахстане, 16 тыс. – в России, а более 40 тыс. – в Азербайджане”²⁸⁸.

Несколько иные данные о причинах конфликта и о числе мигрантов приводит МОМ (Международная организация по миграции). По её данным: «Несмотря на культурную близость к узбекам, месхетинцы сохраняли на протяжении всех лет национальную самобытность, воздерживались от смешанных браков, селились компактно. В последние годы традиционная этническая конкуренция между узбеками и месхетинцами ужесточилась из-за нехватки земли и работы»²⁸⁹. В результате этнического конфликта погибло 90 человек, 1000 человек было ранено, разрушено около 600 домов, около 60 тыс. месхетин-

²⁸⁷ Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы)// СЭ. 1990. № 1. С. 17

²⁸⁸ Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ// Восток. 1999. № 6. С. 41

²⁸⁹ Миграция населения в странах СНГ. Женева: МОМ, 1996. С. 153.

цев покинуло Узбекистан²⁹⁰. По данным МОМ, из этого потока мигрантов основная масса - 48 тыс. человек переселилось в Азербайджан, где им была оказана определенная материальная поддержка, а в ноябре 1991 г. предоставлен официальный статус беженцев²⁹¹. Интересы месхетинцев в Азербайджане представляют две главные организации - Культурный центр “Ахыска” и Общество “Ватан”. Кроме того, ещё 5 тыс. месхетинцев переехали в Азербайджан из России, главным образом с Северного Кавказа, где они подвергаются гонениям со стороны шовинистически настроенных казаков²⁹².

Среди версий возникновения конфликта приходилось слышать и совсем невероятные. Например, есть “армянская” версия конфликта, высказанная лидерами азербайджанского национального движения. По их мнению, конфликт был спровоцирован некими “армянскими агентами” с целью переселения турок из Узбекистана в Азербайджан, что усугубило бы и без того сложное социально-экономическое и политическое положение в республике²⁹³.

Другая версия – прямо противоположная, т.е. “азербайджанская” была высказана активистами армянского национального движения. По этой версии, конфликт был спровоцирован некой “азербайджанской агентурой” с целью заставить руководство страны переселить турок на исторические земли – Месхетию и Джавахетию. Но каков же в таком случае интерес азербайджанской стороны? Объяснение заключается в следующем. Армения со всех сторон окружена землями мусульман (Азербайджан, Нахичевань, Иран, Турция), и только с одной стороны граничит с христианской Грузией, но именно с теми землями, на которых до 1944 г. проживали мусульмане (турки, курды,

²⁹⁰ Там же. *(На наш взгляд, данные МОМ – неполны. – Р.Н.)*

²⁹¹ Там же. С. 29.

²⁹² Там же.

²⁹³ Из беседы автора с активисткой Народного фронта Азербайджана И.Б. (1989 г.)

хемшилы). И возвращение мусульман на эти земли отрезало бы Армению от единственного христианского соседа, она бы оказалась замкнута в сплошное мусульманское кольцо²⁹⁴.

Обе версии – и “армянская”, и “азербайджанская” возникли, на наш взгляд, уже пост-фактум, когда конфликт угас. Обе версии исходят из того, что решение заключалось бы в том, что турок-месхетинцев непременно должны были бы куда либо выселить: в одном случае – в Азербайджан, в другом – в Месхетию и Джавахетию. Но дело в том, что заранее спрогнозировать подобный вариант решения конфликта никто не мог, это было почти спонтанное решение Центра. И тем более никто не предусматривал переселения турок в столь короткие сроки.

Получила распространение также версия «ложного этноконфликта». Как отмечает российский конфликтолог «При этом нередки случаи ложного этнического конфликта, когда реальные конфликты интересов между этническими группами отсутствуют, но тем не менее возникают самые тяжкие последствия. Так, например, ученые не смогли объяснить, почему летом 1989 г. погромам подверглись именно турки-месхетинцы, а не другие этнические меньшинства, населявшие Ферганскую долину»²⁹⁵.

Примерный масштаб событий можно увидеть также по тому, что Постановлением Ферганского обкома партии и Облисполкома № 225/11 от 16.06.1989 г. «О награждении Почетной грамотой Обкома партии и Облисполкома медицинских работников» было награждено 36 человек: министр здравоохранения Узбекистана С.М. Бахрамов, его заместитель Ш.Ш. Шавахабов, хирурги, врачи СЭС, фельдшеры, заведующие ап-

²⁹⁴ Из беседы автора с активистом Армянского национального движения А.А. (1989 г.)

²⁹⁵ Платонов Ю.П. Психология межэтнических конфликтов// <http://vtk.interro.ru/book/12/184/1.htm>

теками, медсестры, водители машин скорой помощи, летчики санитарной авиации и т.д. из Ферганы, Андижана, Ташлака, Маргилана, Коканда²⁹⁶. Формулировка звучала следующим образом: «За проявленную самоотверженность и четкие действия по оказанию помощи раненым и пострадавшим в дни трагических событий в Ферганской области»²⁹⁷.

События внесли свою корректировку и в деятельность органов государственной власти. Об этом красноречиво свидетельствует принятое в июне 1989 г. решение: в связи «со сложившимся чрезвычайным положением в области в эти дни в результате чего все ответственные работники, курируемые данной отраслью были привлечены для организации питания и обеспечения товарами первой необходимости турок-месхетинцев, а также военнослужащих внутренних войск МВД СССР, обсуждение планового вопроса “О ходе выполнения Ферганским горисполкомом решения Облисполкома от 15.11.1988 г. № 438/21 “О неотложных мерах по улучшению торгового обслуживания населения” - снять с повестки дня»²⁹⁸.

Интересным документом является Постановление Ферганского Обкома партии и Облисполкома «О награждении Почетными грамотами Областного комитета партии и Областного исполнительного комитета» от 10.08.1989 за № 282/15, из которого мы можем сделать определенные выводы о масштабах участия войск в решении межэтнического конфликта²⁹⁹. Данным Постановлением были награждены, как указано в тексте «за активное участие в поддержании общественного порядка, а также проведенную агитационно-пропагандистскую, политико-воспитательную работу в трудовых коллективах, учебных заведениях, по месту жительства населения» воинские коллек-

²⁹⁶ ГАФО. Ф. 1124. Оп. 15. Д. 387. Л. 44-46

²⁹⁷ ГАФО. Ф. 1124. Оп. 15. Д. 387. Там же. Л. 44

²⁹⁸ ГАФО. Ф. 1124. Оп. 15. Д. 388. Л. 2

²⁹⁹ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 387.

тивы двух военных училищ (Высшего политического училища МВД СССР им. Ленинского комсомола и Пермского высшего военного командного училища), пяти полков внутренних войск МВД СССР (в/ч 3186, 3641, 5425, 5429, 7574), а также почему-то Центрального музея внутренних войск МВД СССР (видимо, за хорошую агитационно-пропагандистскую работу)³⁰⁰.

Этим же Постановлением были награждены Почетными грамотами 32 военнослужащих внутренних войск МВД СССР: 2 генерала (командующий ВВ МВД СССР генерал-полковник Ю.В. Шаталин и его заместитель генерал-майор Г.А. Малюшкин), 4 полковника (Е.А. Нечаев, В.М. Опрощенко, Н.Н. Силкин, А.М. Фролов), 11 подполковников, 4 майора, 4 капитана, 3 старших лейтенанта, 1 прапорщик, 1 курсант, 2 рядовых³⁰¹. Наличие среди награжденных столь большого количества офицеров высокого ранга даёт приблизительное представление о масштабах конфликта и численности задействованных войск. Чуть позже были награждены аналогичными грамотами сотрудники Управления КГБ по Ферганской области С. Казаков, Р. Расулов, Ш.С. Юлчибаев – «за большую работу по укреплению государственной безопасности в области»³⁰².

После конфликта было принято решение об изъятии у населения, в учреждениях и организациях различного оружия. В течении года, к 1 августа 1990 г. было изъято 10123 единицы огнестрельного оружия, в т.ч. – в организациях и на предприятиях 5778 единиц, у населения – 4345 единиц³⁰³.

14 апреля 1990 г. было принято решение Облисполкома № 163/11 “О состоянии работы комиссий городских и районных исполкомов по определению и возмещению нанесенного материального ущерба туркам-месхетинцам”. Было определено,

³⁰⁰ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 387. Л. 25

³⁰¹ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 387. Л. 25-26

³⁰² ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 398. Л. 55

³⁰³ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 452. Л. 22

что во время конфликта по области было повреждено 1233 дома, принадлежавших туркам-месхетинцам, из них подлежит восстановлению 421 дом, ремонту – 812 домов. За 1989 г. было введено в строй 862 дома, осталось на 1.01.1990 г. 371 дом, из них 253 дома подлежали полному восстановлению, 118 требовали ремонта. В первом квартале 1990 г. восстанавливалось 13 домов, из них 2 – были сданы. На выплату единовременных пособий было израсходовано 5288,9 тыс. руб., на компенсацию за нанесение имущественного ущерба 9762,1 тыс. руб., на выплату за домостроения – 7764,9 тыс. руб.³⁰⁴ Таким образом, экстремисты, кроме всего прочего нанесли огромный прямой и косвенный ущерб республике, итак переживавший очень трудный в социально-экономическом отношении период своей истории.

Особая сложность социально-экономической ситуации в Фергане неоднократно подчеркивалась многими авторами: «Ферганская область занимает 1,5 % территории Узбекистана, где проживает 11 % населения республики. Здесь ресурсы – земельные, водные и т.д. – не дают обществу возможностей прежнего, «экстенсивного» развития. Все региональные проблемы подспудно должны включать в себя и учитывать демографический фактор, причем в его самой острой, «ферганской» форме»³⁰⁵

Одним из косвенных последствий Ферганского межэтнического конфликта явилось то, что было принято Постановление Совета Министров Узбекистана № 390 от 20.11.1989 г. “О разработке Государственной республиканской программы учета трудовых ресурсов с целью полной трудовой занятости”, или просто Программа “Занятость”. В соответствии с данным Постановлением было принято Решение Ферганского облисполкома № 509/25 от 23.12.1989

³⁰⁴ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 442. Л. 180

³⁰⁵ Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов. М., 1995. С. 17

г., в котором, в частности, было отмечено: «Сложившаяся демографическая ситуация в Ферганской области, требования совершенствования форм и методов хозяйствования, повышения уровня жизни населения выдвигают рациональное использование трудовых ресурсов в одну из наиболее актуальных проблем, имеющих острое социально-экономическое и политическое значение. В области принимаются определенные меры по обеспечению занятости быстрораствущих трудовых ресурсов, однако масштабы этой работы и её направленность ещё не полностью реализуют конституционное право на труд всех трудоспособных граждан, что отрицательно влияет на уровень благосостояния народа, обостряет морально-психологическую обстановку в городах, районах, поселках и кишлаках. Необходимы кардинальные меры, способные преломить негативные тенденции о занятости населения и использовании трудовых ресурсов»³⁰⁶.

Резюмируя различные версии причин конфликта, мы бы хотели выделить ряд моментов:

1. на 1989 год пришлось резкое обострение межэтнических отношений на всем пространстве бывшего СССР: обострился Карабахский конфликт, прошли конфликты в Абхазии, в Молдове (Приднестровье, Гагаузии), в Казахстане (Новоузенский конфликт), резко ухудшились межэтнические отношения в Прибалтике, Крыму и т.д. В этом смысле Ферганский конфликт отличался лишь масштабом жертв и разрушений;

2. к концу 1980-ых гг. социально-экономическое положение на всей территории СССР, а в Центральной Азии в особенности достигло своей кризисной отметки. Низкий жизненный уровень населения, массовая безработица, всеобщий дефицит – все это отнюдь не способствовало улучшению межэтнических отношений;

³⁰⁶ ГАФО. Ф-1124. Оп. 15. Д. 370. Л. 146

3. пик активной деятельности различных провокаторских националистических, экстремистских группировок приходится также на конец 1980-начало 1990-ых гг.

Окончательно последствия Ферганского межэтнического конфликта удалось преодолеть лишь после 1991 г., т.е. после провозглашения независимости Узбекистана.

К счастью, экстремистам, национал-шовинистам, провокаторам не удалось рассорить между собой узбекский и турко-месхетинский народы. Далеко не все турки-месхетинцы покинули Узбекистан, многие из них укоренились в республике. В настоящее время функционируют пять турецких культурных центров: Турецкий национальный культурный центр Узбекистана «Ахыска» (во главе с У.И. Салмановым), Бухарский областной турецкий НКЦ, Навоийский областной турецкий НКЦ, Самаркандское областное отделение Республиканского Турецкого НКЦ, Ташкентский городской Турецкий НКЦ.

В настоящее время можно выделить три основных направления в турко-месхетинском национальном движении. Первое из них: Международное общество «Ватан» (штаб-квартира в Москве), созданное покойным патриотом Юсуфом Сарваровым. Основная линия этого общества: возвращение всех турок-месхетинцев только в Месхетию, без всяких предварительных условий, выставляемых Грузией.

Второе направление: прогрузинское, обозначенное обществами «Хсна» (груз. «Спасение») и «Союз грузинских репатриантов». Эти организации признают месхетинцев отуреченными грузинами, согласны на смену национальности и фамилий, готовы поселиться в любом районе Грузии.

Третье направление: выступает за эмиграцию в Турцию. Оно обозначено прежде всего организациями «Умид» (Краснодарский край) и «Ас-турк» (Кыргызстан).

В июне 1992 г. парламент Турции принял Закон № 3835,

по которому разрешено расселить 500 месхетинских семей в восточной Анатолии, где уже проживали 15 тыс. месхетинцев. Всего в 1992-1995 гг. в Турцию переселилось 752 месхетинца³⁰⁷. После 2000 г. наблюдается ещё одно направление миграции – США. Все чаще об этом заявляет Государственный департамент США.

3.2. Предотвращение этнических конфликтов как фактор безопасности полиэтнического социума

Современные проблемы, противоречия и конфликты в сфере национальных отношений являются сложной и специфической частью социальной реальности. Недооценка их чревата серьёзными последствиями для общественного развития, безопасности социума, а это требует тщательного и всестороннего анализа и обобщения полученных данных: раскрытие причин, порождающих проблемы, противоречия и национальные конфликты, механизма протекания, поиски вариантов решения и возможностей управления ситуациями и их возможными социальными последствиями.

Как отмечает А.В. Брега: «Религиозные и этнические противоречия... к таковым можно отнести противоречия, вызванные доминированием во властных и военных институтах представителей одной религиозной (этнической) группы. В худшем варианте эта переменная принимает форму религиозного или этнонационального экстремизма, что влечет за собой замену гражданского законодательства нормами религиозной морали,

307 *Kirisci K. Refugees of Turkish origin: "Coerced Immigrant" to Turkey since 1945// International Migration. Vol. XXXIV. Geneva. N. 3. P. 400-401*

отменяет религиозное и идеологическое многообразие в социально-политическом процессе»³⁰⁸.

Противоречия в национальных отношениях могут иметь самый различный характер. Например, их можно разделить по сферам: политические и правовые (суверенитет, самоопределение, политическая автономия, права человека, права меньшинств, статус национальных движений и т.д.), социально-экономические (распределение доходов и бюджета, формы хозяйствования, занятость, миграции, демографические проблемы и т.д.), этнокультурные (язык, культурная автономия, образование, СМИ, религия, искусство и т.д.), универсальные.

К последним можно отнести следующие: противоречия между уровнем развития этноса и формой его национально-государственного устройства, противоречия между государственными органами, политическими партиями, НПО, общественными движениями и т.д. по поводу власти, противоречия между попытками создания новых и консервации старых моделей управления обществом в целом и национальными отношениями – в частности³⁰⁹.

Наложение противоречий из различных сфер друг на друга, их накопление (аккумуляция), углубление и развёртывание могут, в конечном счёте, привести к открытому конфликту. Понятие конфликта вообще, и национального конфликта в особенности, является одним из самых сложных и неоднозначных понятий в социальных науках (социологии, этнологии, политологии и т.д.), а сам конфликт всегда рассматривается как угроза безопасности и стабильности.

308 *Брега А.В.* Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления. Автореф. дисс. д.пол.н. - М., 2007. - С.27.

309 *Шумихин А.Ю., Шумихин А.Я.* Этносоциальные конфликты: генезис и пути решения. — М., 1992.

Существуют самые разные точки зрения на суть, происхождение, структуру, типологию конфликтов. Одни исследователи считают конфликт логическим концом, предельным случаем обострения противоречий³¹⁰, другие называют его особым видом социального взаимодействия³¹¹, третьи – социальной болезнью³¹², четвёртые – нормальным состоянием динамического общества³¹³. В принципе, любое из этих пониманий конфликта содержит в себе рациональное зерно, и не следует отбрасывать его с ходу. Однако необходимо помнить, что хотя чаще всего этнический конфликт рассматривается лишь как частный случай социального конфликта, он всё же обладает рядом специфических черт.

Не следует думать, что источником этноконфликтности и напряжённости выступает многонациональность (полиэтничность) населения как таковая. В мире достаточно много стран, населённых многими народами (иногда до десятков и сотен), национальные отношения внутри которых носят относительно стабильный характер. В Европе можно отметить Швейцарию, Нидерланды; в Азии – Сингапур, Непал, Малайзию, Таиланд, Лаос; в СНГ – Беларусь, Узбекистан; в Америке – Аргентину, Бразилию; в Африке – Марокко, Нигерию и т.д.

Однонациональность (моноэтничность) государства – также не абсолютный гарант стабильности. Если в многонациональном государстве противоречия и конфликты имеют характер межобщинных (межрегиональных, межгрупповых и т.д.), то для однонационального государства они нередко переносятся на межгосударственный уровень. Обычно это связано с ролью диаспоры, нарушения прав и свобод которой вызывает

³¹⁰ Краткий словарь по социологии. - М., 1988. - С. 125

³¹¹ Дикарёва А.А., Мирская М.И. Социология труда. - М., 1989. - С. 232

³¹² Бродаль Х. Девять ступеней вниз, или Ссоры – конфликты – войны// Знание – сила. 1991. № 11. - С. 60

³¹³ Платонов Ю.В. Социальные конфликты на производстве// Социс. 1991. № 11. - С. 20

нередко вмешательство со стороны исторической родины. Это вполне может служить базой для развёртывания национально-го конфликта на межгосударственном уровне. Примеров тому немало в истории и современности – защита Арменией прав карабахских армян, Албанией – прав косовских албанцев и т.д.

В мировой этнополитической науке считается - чтобы свести к минимуму этнические проблемы и противоречия в национальных отношениях, та или иная страна должна:

- во-первых, быть достаточно однородной в этническом отношении, т.е. национальные меньшинства в составе её населения должны составлять не более 5 %, если проживают компактно, и не более 10 %, если проживают дисперсно;

- во-вторых, нация, составляющая основное население страны, не должна иметь сколько-нибудь значительной диаспоры, особенно в сопредельных странах (т.е. не иметь ирреденты);

- в-третьих, органы власти и управления должны очень чутко реагировать на любые изменения в национальных отношениях и принимать своевременные и адекватные меры.

Первое условие позволяет свести к минимуму возможность внутригосударственных этнических проблем, второе – межгосударственных проблем на этнической почве, третье – быть готовыми к немедленным практическим действиям в случае необходимости.

Именно этим можно объяснить стремление многих государств: а) добиваться максимальной однородности национального состава населения своих территорий, б) пытаться объединить под своей юрисдикцией этнически родственные группы, в) развивать и укреплять систему социально-политического управления. Как отмечает В.Ф. Тишков: «...этничность... стала играть важнейшую роль... как орудие борьбы за власть и доступ к ресурсам»³¹⁴.

³¹⁴ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. - М., Наука. 2001. - С.41

Серьёзная проблема заключается в том, что правовым и демократическим путём сложно добиться этнической однородности территории или объединения этнически родственных групп в одном государстве. Тем более, что даже если удаётся осуществить нечто подобное, то результаты получаются нередко обратными задуманному. Например, объединение чешских и словацких земель в единое государство Чехословакию, а сербских, хорватских, словенских и т.д. – в Югославию преследовало целью создание единых государств. Однако в конце XX века образовались два отдельных государства на территории бывшей Чехословакии, и от Югославии осталась лишь Сербия, а остальные республики стали независимыми.

Пребывание Бессарабии в 1918-1940 гг. в составе этнически родственной Румынии не только не слило воедино, а, напротив, отдалило друг от друга румын и молдаван, вызвав огромный рост национального самосознания у последних. И в настоящее время идея «воссоединения» Молдовы с Румынией отнюдь не вызывает большого энтузиазма у основной массы молдаван.

Правда, в XX веке, в результате двух мировых войн, относительно успешно произошло слияние висленцев, поморян, галичан, мазовшан, силезцев, познанцев, кашубов и т.д. в «единую и неделимую польскую нацию». Однако, и Польше всё-таки не удалось объединить под своей юрисдикцией всех этнических поляков: значительная польская ирредента осталась в Белоруссии, на Украине, в России, в Прибалтике, Германии и т.д.

По нашим подсчётам, в настоящее время только 37 стран можно отнести к мононациональным (с долей национальных меньшинств в населении менее 5 %), и только единицы из них не имеют сколько-нибудь значительной диаспоры. Из крупных и развитых стран можно назвать лишь Японию: национальные меньшинства (китайцы, корейцы, айны, европейцы и т.д.) составляют 0,7 % населения, а японская диаспора составляет

лишь 1,3 % всей японской нации. Но этническая однородность – ещё не свидетельство абсолютной национальной консолидации. Роль дискриминируемых меньшинств в Японии переносится на локальные группы (например, рюкюсцев и т.п.), на потомков бывших низших каст (буракуминов), на конфессиональные меньшинства и т.д.³¹⁵ Это, по всей видимости, любопытный феномен этносоциального развития – отсутствие национально-этнических проблем, противоречий и конфликтов приводит нередко к их замещению иными. Таким образом, мы можем констатировать отсутствие абсолютно бесконфликтных обществ: есть лишь общества со стремлениями к острым формам разрешения конфликтов, и общества с тягой к консенсусным формам выхода из конфликтов.

Говоря о конфликтах в области национальных отношений, мы предпочитаем употреблять понятие «национальный конфликт», хотя есть и другие варианты: «этнический»³¹⁶, «межэтнический»³¹⁷, «межнациональный»³¹⁸, «национально-этнический»³¹⁹, «межнационально-этнический»³²⁰, «этнополитический»³²¹ и т.д. По мнению Р.Г. Абдулатипова национальный фактор действительно «оказался наиболее эффективным и доступным для мобилизации больших групп людей на действия»³²²

³¹⁵ Тисвольд Д., Сасаки Ш. Управление конфликтами в Гонконге и Японии: поможет ли теория навести мосты? // Социальный конфликт. - 1998. № 3. С. 18 - 32.

³¹⁶ Этнические конфликты в СССР. - М., 1991

³¹⁷ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. - М., 1991

³¹⁸ Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в России и странах СНГ. - М., 1997

³¹⁹ Этингер Я.Я. Межгосударственные объединения развивающихся стран и национально-этнические конфликты// Расы и народы. - М., 1985.

³²⁰ Взаимодействие политических и межнационально-этнических конфликтов. Ч. 1, 2. М., 1994.

³²¹ Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. – М., 2005.

³²² Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. - М.: Славянский диалог. 2000. - С.48.

Несмотря на близость логического смысла, каждое из этих понятий вполне самостоятельно. Понятие «этнический конфликт» – шире понятия «национальный конфликт», поскольку к числу субъектов конфликта относит не только нации, но и любой тип этноса (племя, народность и т.д.).

Понятие «межнациональный конфликт» – напротив, более узкое, поскольку акцентирует внимание только на одной стороне национального конфликта – внешней, в то же время не включает рассмотрение внутринациональных конфликтов³²³.

Понятие «межэтнический конфликт» подразумевает внешний аспект этнического конфликта³²⁴. Наконец, понятия «национально-этнический» и «межнационально-этнический» представляет одну из сторон национального конфликта, а именно – этническую сторону³²⁵. Но национальный конфликт может быть не только национально-этническим, но и национально-политическим, национально-конфессиональным и т.д.

Национальный конфликт в целом можно определить как особую разновидность социального межгруппового конфликта, когда группы с противоположными интересами (или с интересами, которые осознаются как противоположные) поляризуются друг против друга по национальному признаку³²⁶.

Корни национальных конфликтов находятся, как правило, в области экономических, политических, правовых, социальных противоречий, однако национальные конфликты имеют и свою определённую внутреннюю логику развития. Нельзя не

³²³ См.: Брусина О.И. О некоторых причинах межнационального конфликта в Ошской области. М., 1990; Амелин В.Н. Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии. М., 1993; Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Отв. ред. Здравомыслов А.Г. М., 1994

³²⁴ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. - М., 1991

³²⁵ См.: Этингер Я.Я. Межгосударственные объединения развивающихся стран и национально-этнические конфликты// Расы и народы. Вып. 15. - М., 1985; Взаимодействие политических и межнационально-этнических конфликтов. Ч. 1,2. М., 1994.

³²⁶ Назаров Р.Р. Национальный конфликт как форма социального отчуждения// Человек и проблема отчуждения. Семипалатинск: СГМИ, 1991. С. 37-38.

учитывать влияния психологических факторов, мощь эмоционального потенциала национального самосознания. Мы против упрощённых формулировок конфликтов, таких, например, как: «межнациональные конфликты представляют собой борьбу агрессивных кругов двух или более конфликтующих наций, стремящихся вовлечь в неё практически всю национальную или этническую общность»³²⁷. Подобного рода определения ничего не дают для понимания сути конфликтов и являются теоретическими пережитками заидеологизированного и узкоклассового подхода к анализу социальных явлений.

Национальный конфликт всегда формируется в определённой ситуации, содержащей проблему (или проблемы), т. е. такие противоречия, которые представляются данным национальным группам (этническим общностям) как значимые для них противоречия между сущим и должным. Конфликтная ситуация есть «совокупность факторов и предпосылок (включая определённое состояние массового сознания) конфликта, выступающего как форма межэтнических отношений»³²⁸.

Конфликтная ситуация порождается обычно резко противоположными позициями сторон по существенным вопросам, или коренным несовпадением интересов сторон, или разнонаправленными целями, или взаимно неприемлемыми средствами достижения поставленных целей.

Развитие конфликтной ситуации начинается обычно с роста этноцентризма, который имеет место в большей или меньшей степени у всех этнических общностей, особенно при достаточно развитом национальном самосознании. Этноцентризм есть такая позиция, при которой «своё национальное рассматривается как средоточие всего позитивного, а всё иномациональ-

³²⁷ Махлина Л.А. Политология. - Ташкент, 1992. - С. 32.

³²⁸ Осипов А.Г. К вопросу о генезисе межэтнических конфликтов// Этнические конфликты в СССР: Причины, особенности, проблемы изучения. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 33.

ное – как отклонение от нормы»³²⁹. Нарастанию напряжённости конфликтной ситуации способствует усиление негативных этнических стереотипов, т.е. оценочных суждений представителей одних народов о представителях других. Эти суждения отражают прошлый и настоящий опыт контактов между народами и могут носить как положительную, так и отрицательную эмоциональную окраску. В последнем случае наступает межнациональное отчуждение, усиливается напряжённость во взаимоотношениях, которая может прорваться самым неожиданным образом (как, например, в Фергане в 1989 г. или Оше в 1990 или 2010 г.).

Непосредственным источником этнического конфликта является столкновение национальных интересов, т.е. экономических, политических, социальных и т.д. интересов, но под углом зрения гипертрофированного национального самосознания³³⁰. На практике, как правило, «общие национальные интересы», принимая самодовлеющую форму, оказываются оторванными от действительных индивидуальных и групповых интересов, а подчас и противостоят им. Однако, благодаря значительному эмоциональному потенциалу национального самосознания возможна ускоренная консолидация большей части нации для защиты своих национальных интересов (подлинных или фиктивных) в ситуациях угрозы (реальной или мнимой) этим интересам.

Структура национального конфликта включает в себя такие составляющие как: объект конфликта (противоречия, порождающие конфликтную ситуацию), субъекты конфликта (стороны, оппоненты), основу конфликта (конфликтную ситуацию).

Однако чтобы ситуация переросла в конфликт, необходим импульс – инцидент. В случае национального конфликта таким инцидентом выступают обычно действия со стороны оппонентов (как правило, сначала одного из них), направленные на

³²⁹ Джунусов М.С. Национализм в различных измерениях. - Алма-Ата, 1990. - С. 40
³³⁰ Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

осуществление своих интересов путём ущемления и ограничения интересов другой стороны (экономических, политико-правовых, культурно-языковых, конфессиональных и т.д.). Если в результате этого оппонент отвечает защитными действиями, то инцидент можно считать состоявшимся и национальный конфликт из потенциального становится реальным³³¹.

Имеются различные точки зрения относительно схем выделения стадий разворачивания и развития конфликта. Наиболее типичной из этих схем является следующая: а) стадия конфликтной ситуации (или потенциального конфликта), б) переходная стадия (стадия перехода, перерастания потенциального конфликта в реальный), в) стадия непосредственно самого конфликта (стадия конфликтной активности, конфликтных действий), г) стадия разрешения или снятия конфликта³³².

Шведский социолог Х. Бродаль выделил три фазы в развитии любого конфликта, которые он назвал следующим образом: от надежды – к страху, от страха – к потере облика, от потери воли – к насилию³³³.

Для западной конфликтологии в целом характерен большой интерес к психологическим аспектам конфликтов³³⁴.

Можно выделить две крайние точки на конфликт: первая – считать конфликт нормальным социальным феноменом, частным случаем проявления общественных противоречий³³⁵, вторая – считать конфликт социальной аномалией, своего рода социальной болезнью³³⁶.

³³¹ Амелин В.Н. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.

³³² Социально-политические конфликты в сфере межнациональных отношений и пути их разрешения. - М., 1990. - С. 41

³³³ Бродаль Х. Девять ступеней вниз... С. 61-65

³³⁴ Пономарев И. Б. Проблема конфликта в зарубежной литературе по психологии. — М., 1983.

³³⁵ Лебедева М. Конфликт? Это нормально// Диалог. 1991. № 9. С. 56-61 и т.д.,

³³⁶ Бродаль Х. Указ. раб.

Разница в оценках обуславливает разницу в подходах: в первом случае главным считается управление и овладение конфликтной ситуацией, во втором – основной упор делается на коренное излечение, профилактику и недопущение рецидивов.

Для выработки практических рекомендаций по управлению национальными отношениями и урегулированию национальных конфликтов необходимо чёткое научно-теоретическое представление о специфике тех или иных видов конфликта. По мнению американского этносоциолога М. Хейслера, национальные конфликты есть исключительное явление только в двух группах стран: в промышленно развитых странах с устойчивой демократией и в странах с авторитарными режимами³³⁷.

Другие группы стран – недостаточно развитые, или с неустоявшейся демократией, или только освободившиеся от наследия авторитарных или колониальных режимов и т.п. – сталкиваются с конфликтами довольно часто. В Азии к странам с повышенной конфликтностью относятся Индия, Шри-Ланка, Филиппины, Афганистан, Ливан, Кипр, Израиль, Бирма и т.д., в Африке – ЮАР, Ангола, Сомали, Эфиопия, Чад и т.д., в Европе – бывшие соцстраны, особенно республики бывшей Югославии (Хорватия, Босния и т.д.), прибалтийские государства. В СНГ национальные проблемы, противоречия и конфликты в той или иной мере затронули почти все республики, но наиболее острый характер приняли в Закавказье, Молдове, Таджикистане, Украине, на Северном Кавказе.

Из развитых стран достаточно остро национальные проблемы затронули Великобританию, Канаду, Бельгию, Германию и т.д. Таким образом, большинство государств мира познало, что такое национальные конфликты и связанная с ними нестабильность.

Даже поверхностный анализ показывает, что первопричины основной массы конфликтов кроются в дисгармонизации

³³⁷ Этнический конфликт в современном мире.// Национальный вопрос в развитых капиталистических странах. - Вып. 2. М.,1980. - С. 69

национальных интересов. Следовательно, эффективное урегулирование возможно только путём выработки норм мирного сосуществования различных народов в рамках единой социальной, политической, экономической системы. Гармонизация национальных интересов возможна лишь в условиях бесконфликтного сосуществования (бесконфликтного – не значит беспроблемного).

Понятие «национальный конфликт» – далеко не однозначно, и включает в себя целую группу явлений, различных по глубине, генезису, характеру, механизму протекания, методам решения и т.д.

Генезис национального конфликта зависит от тех проблем и противоречий, которые реально существуют в обществе, и в определённый момент всплывают на поверхность в виде конфликта. В своей развитой форме конфликт является проявлением тех или иных тенденций в развитии национальных движений. Эти движения можно расклассифицировать следующим образом: сепаратистские, ирредентистские (воссоединительные), автономистские, этнолингвистические, этноконфессиональные, этноэгалитаристские (уравнительные), антимиграционные³³⁸.

Деление на вышеперечисленные типы достаточно условно, тем более что одно национальное движение может нести в себе признаки сразу нескольких типов, иметь в себе различные тенденции. Например, ирландское национальное движение в Ольстере можно квалифицировать одновременно и как сепаратистское (стремление к отделению от Великобритании), и как ирредентистское (желание воссоединиться с Ирландией), и как этноконфессиональное (католическое движение против засилья протестантизма).

Нередко этнолингвистические и этноконфессиональные движения бывают взаимосвязаны, особенно если религиозное

³³⁸ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. - М., 1991. - С. 11.

меньшинство одновременно является и языковым. Национальные движения могут также трансформироваться в ходе исторического развития, например, автономистские движения по достижении своих целей (получение национальной автономии) могут перерастать в сепаратистские или ирредентистские и т.д.³³⁹

Характер национального конфликта зависит не только от генезиса, но и от целей. По этому признаку выделяют конфликты: реалистические, нереалистические, смешанные.

Реалистические конфликты предполагают, что субъекты конфликта имеют чётко осознанные цели, а конфликтные действия выступают только средством их достижения. Это подразумевает поиск альтернативных способов решения конфликтов при постоянстве целей сторон.

Нереалистические конфликты имеют место тогда, когда субъекты конфликта не очень отчётливо осознают цели и мотивы конфликта, а сам он является лишь средством агрессивной эмоциональной разрядки. Для нереалистических конфликтов свойственна альтернативность не способов решения, а объектов конфликта. Нереалистические конфликты более непредсказуемы, стихийны, иррациональны, менее подвластны контролю и управлению.

«Смешанные конфликты» - наиболее тяжёлый случай, когда субъекты совершенно поляризованы в целях, способах и функциях конфликта. Это происходит, как правило, когда для одного из субъектов конфликт выступает как реалистический, а для другого – как нереалистический. Примерами реалистических конфликтов могут служить армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, молдавско-приднестровский и т.д. Нереалистические конфликты – осетино-ингушский, ошский, ферганский и т.д. Смешанные конфликты – таджикский, грузино-мингрельский, чеченский и т.д.

По длительности протекания национальные конфликты

³³⁹ Фельдман Д. М. Политология конфликта. — М., 1998.

можно разделить на кратковременные (ферганский, ошские, новоузенский и т.д.), долговременные (большинство конфликтов на Кавказе, на Балканах, на Ближнем Востоке и т.д.) и промежуточные.

С длительностью связана, как правило, ещё одна характеристика конфликта – острота. Кратковременные конфликты бывают обычно острыми, долговременные – хроническими. Однако возможны и острые долговременные конфликты (ближневосточный, южноафриканский, афганский, кашмирский и т.д.).

Ещё одним основанием деления конфликтов на группы является интенсивность протекания конфликта, т.е. роль насилия в ходе происхождения и развития конфликта. В западной конфликтологии выделяют следующие типы: насильственные конфликты (сопровождаемые реальными актами насилия и плохо управляемые), чреватые насилием (готовые в любой момент обернуться реальными насильственными действиями), насильственные, но управляемые, потенциально насильственные (в глубине имеющие предпосылки к насилию, но пока не проявляющие себя), ненасильственные, управляемые³⁴⁰. Следует отметить, что чем больше роль насилия в конфликте, тем менее он подвержен управлению.

На интенсивность протекания национальных конфликтов оказывает влияние целый ряд факторов: эмоциональный накал конфликта, численность и организованность задействованных в конфликте групп, характер целей и средств и т.д. Субъекты конфликта могут быть одного уровня – группы, общины, партии, организации, государства, а могут быть и разного уровня, например, с одной стороны может выступать организация или партия, как выразитель интересов одного субъекта конфликта (например, Курдская рабочая партия), а с другой стороны – го-

³⁴⁰ Маченов Д.В. Западные политологи о межнациональных отношениях в СССР// МЭиМО. 1991. № 9. – С. 103.

сударство (Турецкая Республика), как выразитель интересов другого субъекта. Одной из самых больших проблем многонациональных государств является то, что государство воспринимает себя и воспринимается многими не как выразитель интересов всего населения, всего общества, а лишь основного этноса страны. Именно поэтому многие многонациональные государства не могут стать nation-state, а остаются этническими государствами титульного этноса.

Как считает британский исследователь (финского происхождения) Р.Вайрунен: «Множество теорий конфликта рассматривают проблемы, вокруг которых возник конфликт, акторов конфликта и их интересы как данность, и, исходя из этого, пытаются найти решение, которое устраняло бы или ослабляло противоречия между ними. Однако они не учитывают, что проблемы и интересы постоянно меняются в зависимости от социальных, экономических и политических изменений в обществе»³⁴¹.

Анализ конфликтных ситуаций только в пределах бывшего Союза даёт нам широкий спектр разнообразных национальных конфликтов: конфликты реальные и потенциальные, острые и хронические, межнациональные и внутринациональные, локальные и глобальные, длительные и кратковременные, более насильственные и менее насильственные, вооружённые и невооружённые, внутригосударственные и межгосударственные...

Нередко один конфликт представляет собой совокупность различных конфликтов. Например, один из самых старых конфликтов – армяно-азербайджанский – представляет собой сплетение самых разных проблем: социально-экономическая отсталость карабахского региона, стремление армянского населения к воссоединению с исторической родиной, религиозные противоречия, большая историческая память, межгосудар-

³⁴¹ Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. London, 1991. - P.17.

ственные противоречия двух суверенных республик, попытки отвлечь военным конфликтом население от внутренних проблем обоих государств и т.д.

Волею судеб одним из самых кровавых постсоветских конфликтов оказался таджикский (даже за две чеченские войны погибло меньше людей, чем за одну таджикскую). В этом конфликте межнациональные противоречия играют отнюдь не самую главную роль. Краеугольный камень данного конфликта – внутринациональные, внутритаджикские противоречия. В Таджикистане разделение на лагеря происходило не только и не столько по национальному признаку, сколько по территориально-клановому, религиозному, политическому. По одну сторону баррикад оказались религиозные фанатики, крайние националисты, выходцы из наиболее отсталых (большей частью – горных) районов, сторонники фундаменталистского изоляционизма, противники сотрудничества с государствами СНГ, сторонники сближения с наиболее консервативными кругами Афганистана и Ирана. По другую сторону оказались сторонники светского пути развития таджикского государства, интернационалисты, выходцы из более развитых регионов, ориентирующиеся на сотрудничество и взаимопомощь в рамках СНГ. Этим, в частности, был обусловлен интернациональный состав антифундаменталистских отрядов³⁴².

Из всех регионов бывшего Союза наиболее конфликтоопасным был и остаётся Кавказ³⁴³. Достаточно перечислить только зоны состоявшихся реальных конфликтов: Карабах и примыкающая к нему территория Азербайджана, Армения, армяно-азербайджанская граница, Северная и Южная Осетия, Абхазия, Ингушетия, Чечня, значительная часть Грузии (Мингрелия).

³⁴² Хайдаров Г., Иномов М. Таджикистан: трагедия и боль народа. - Ташкент, 1993.

³⁴³ Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. - М., 1997.

Кроме этого, существуют зоны потенциальных конфликтов: Дагестан (проблема чеченцев-аккинцев, противоречия между горными и равнинными районами, конфессиональные проблемы и т.д.), Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, ряд районов Грузии (Аджария, территории проживания армян, азербайджанцев и т.д.), север Азербайджана (районы проживания лезгин и других народов Дагестана), юг Азербайджана (районы проживания талышей) и т.д. Каждая из этих зон в любой момент может стать зоной открытого конфликта, что подтверждают известные события в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Аджарии.

Как показывает практика, эффективное урегулирование конфликтных ситуаций возможно на самых ранних стадиях. Опыт решения таких ситуаций имеется. Множество инцидентов не переросло в глобальные конфликты благодаря быстрым, чётким, слаженным действиям. Примером могут служить ситуации, имевшие место в Казахстане (Алматы, 1986 г., Новый Узень 1989 г.), в Узбекистане (Фергана, 1989 г., Бука и Паркент, 1990 г.), в

Кыргызстане (Ош, 1990 г.), в Республике Тува, в Якутии, Карачаево-Черкесии и т.д. Мы согласны с Е. Агеевой, что «межэтнические взаимоотношения могут быть легко переведены из области культурного взаимодействия в область такой политики, где начинается борьба в защиту якобы ущемленных прав. И здесь чрезвычайно важна скорейшая, результативная работа по гармонизации межэтнических отношений и созданию условий для сохранения политической стабильности»³⁴⁴.

Основной проблемой в решении любых конфликтных ситуаций является проблема выявления предмета конфликта, т.е.

³⁴⁴ Агеева Е. Конструктивные межэтнические отношения как путь к политической стабилизации российского общества // Государственная служба (РАГС). № 6 (20). 2002.

ответ на вопрос – из-за чего произошёл конфликт?³⁴⁵ У каждой из сторон, как правило, своя версия, и согласование позиций сторон невозможно без наличия посредника. В международной практике посредников в конфликтах называют медиаторами. В их задачи входит: привлечение сторон к переговорам, осуществление контактов между сторонами, снятие эмоционального напряжения сторон, выдвижение новых предложений и альтернативных решений, стремление к поиску взаимоприемлемых вариантов и т.д.

Для того, чтобы посредник-медиатор мог осуществлять свои функции, он должен отвечать ряду требований: быть объективным, пользоваться уважением и доверием сторон, пробуждать у сторон волю к диалогу, быть сильным и независимым, строго соблюдать нейтралитет и т.д. Неудачи в посреднической деятельности нередко связаны с пристрастностью и необъективностью. Например, неудачи миротворческой миссии НАТО в бывшей Югославии связаны с предубеждением Запада против сербов. Участие России в этом процессе смогло несколько уравновесить ситуацию.

Однако сколь угодно хорошие посредники не в состоянии сами по себе решить какой бы то ни было конфликт. Без политической и гражданской воли лидеров конфликтующих сторон решение конфликта невозможно. Самым лучшим и радикальным средством против конфликтов является одно – не допускать, чтобы проблемы и противоречия в национальных отношениях вырастали до размеров открытых конфликтов.

³⁴⁵ Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. — Минск, 1996.

Глава 4 . Конфессиональный фактор в этнополитических процессах и межэтнических отношениях

4.1. Конфессиональная политика и межконфессиональные отношения в современном Узбекистане

Важнейшим определением формирования основ демократического правового государства и гражданского общества является отношение к религии. Неоднократно отмеченная практикой готовность конфессий, существующих в Узбекистане, к совместным действиям в решении вопросов духовно-нравственного развития многонационального народа является показателем оптимальной политики в данном вопросе³⁴⁶.

В Узбекистане проживает представители более 130 национальностей, которые традиционно идентифицируются с различными вероисповеданиями (русские – православные, армяне – григориане, немцы - лютеране, поляки – католики, евреи – иудеи и т.д.)³⁴⁷. Всех их объединяет не только территория, государство, экономические и социальные интересы, но и множество общих черт в происхождении, языке, культуре, традициях и обычаях. Кроме того, много общего в их религиозных учениях и ценностях³⁴⁸.

На 1 января 2015 г. в республике мирно сосуществуют между собой 2225 религиозных организаций 16 конфессий. К немусульманским конфессиям принадлежат 175 религиозных организаций, из которых 159 христианских организаций:

³⁴⁶ Мустакил Ўзбекистонда элатлараро ва конфессиялараро муносабатлари. – Межэтнические и межконфессиональные отношения граждан в суверенном Узбекистане. Отв. ред. Р.А. Убайдуллаева. Ташкент: ЦИОМ, НЦПЧ, 1999.

³⁴⁷ По данным Республиканского интернационального культурного центра Узбекистана// <http://www.icc.uz/rus/>

³⁴⁸ Ўзбекистон халқининг дини, маданияти ва урф-одатлари: тарих ва ҳозирги ҳолат. Тошкент: ТИУ, 2011.

Корейская протестантская церковь – 52 организации, Русская православная церковь – 38, баптисты – 22, христиане «полного Евангелия» (пятидесятники) – 21, адвентисты 7-го дня – 10, Римско-католическая церковь – 5, Новоапостольская церковь – 4, Лютеране – 2, Армянская апостольская церковь – 2, Свидетели Иеговы – 1, церковь «Глас Господа» - 1. Кроме того функционирует иудейских организаций – 8, бахаистских - 6, кришнаитских – 1, Буддийский храм – 1, межконфессиональное Библейское общество – 1 ³⁴⁹.

Большинство населения составляют узбеки и другие народы, традиционной религией которых является ислам. В Узбекистане функционируют 2050 официально зарегистрированных мусульманских организаций (включая 6 шиитских мечетей)³⁵⁰. На территории Узбекистана расположено более 160 известных мусульманских святынь, что позволяет говорить об особом значении Узбекистана для всего мусульманского мира³⁵¹.

Функционируют также Управление мусульман Узбекистана, Казият мусульман Каракалпакстана, Ташкентский Исламский институт, 10 медресе, Среднеазиатский митрополичий округ (который объединяет Ташкентскую, Бишкекскую и Душанбинскую епархии) Русской Православной церкви, 1 православная и 1 протестантская семинарии.³⁵² В 2014 г. свыше 5 000 паломников из Узбекистана совершили «хадж» в Мекку и Медину. Им оказывали услуги 30 человек рабочей группы, 30 врачей, 10 поваров³⁵³.

Для развития культуры межконфессионального общения при Комитете по делам религий Узбекистана образован обществен-

³⁴⁹ По данным Комитета по делам религий Республики Узбекистана.

³⁵⁰ По данным Комитета по делам религий Республики Узбекистана.

³⁵¹ Ртвеладзе Э., Ртвеладзе Л. Мусульманские святыни Узбекистана. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1996; Святыни Узбекистана. Махачкала, 2007.

³⁵² Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом. Т., 2011.

³⁵³ По данным Комитета по делам религий Республики Узбекистана.

ный Совет по делам конфессий, в состав которого входят лидеры наиболее представительных конфессий. В ответ на просьбы многих религиозных организаций, действующих в Узбекистане, Кабинетом министров Республики Узбекистан было принято постановление N 196 от 23 апреля 2004 г. об образовании при Комитете по делам религий общественного Совета по делам конфессий. 5 мая состоялось учредительное собрание Совета. В состав органа вошли, кроме его председателя – государственного советника Президента Республики Узбекистан - и трех сотрудников Комитета по делам религий, еще 7 представителей наиболее значительных конфессий в Узбекистане: мусульманской, православной, католической, евангелическо-лютеранской, баптистской, христиан полного Евангелия и иудейской религиозной общины. В задачи Совета входит координация совместной деятельности традиционных религиозных организаций в деле укрепления и развития их диалога, разработка и реализация совместных мер по предотвращению проникновения идей религиозного экстремизма и фанатизма на территорию Республики Узбекистан, выработка рекомендаций, направленных на обеспечение постоянной связи Совета с органами государственной власти на местах, и др. Совет по делам конфессий планирует обеспечивать со стороны религиозных конфессий представление правдивой информации в СМИ об истории религий, о религиозных праздниках и о роли религии в жизни общества³⁵⁴. Для освещения духовной и религиозной жизни населения в Республике печатаются религиозные газеты и журналы. Управление мусульман Узбекистана дважды в месяц печатает газету «Ислом нури» и журнал «Хидоят», Православная епархия - газету «Слово жизни» и журнал «Восток свыше».

В республике признается умеренная суннитская ветвь исламской религии (ханифизм), доминирующая в стране³⁵⁵. Ислам стал фактором объединения племен и родов, оказал глубоко-

³⁵⁴ http://religions.uz/rus/o_komitete/polojenie_o_komitete/

³⁵⁵ См. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, 2 изд., М., 1966, С. 103-108.

кое воздействие на культуру узбекского народа еще в процессе его становления, всесторонне отразившись в языке, психологии, менталитете и жизненных представлениях и за многие века стал неотъемлемой частью жизни узбекской нации³⁵⁶.

Земля Узбекистана стала местом соприкосновения и творческого сосуществования тюркских, иранских, славянских и иных языков и культур. Это выработало уникальную культуру народов Узбекистана, основными характерными чертами которой являются национальная и религиозная толерантность и терпимость³⁵⁷.

Изначально осуществляя курс на широкое развертывание процессов этнонациональной консолидации, одним из факторов укрепления которой является ислам, руководство уже в то время инициировало правительственные акции, ориентированные на возвращение духовных истоков узбекского народа – древнего и вечно юного Навруза, религиозных праздников – Руза-хайит и Курбан-хайит. Одновременно на правительственном уровне стал поощряться интерес к исламу, через средства массовой информации распространяется информация о его ценностях и нормах, стимулируется открытие новых мечетей. Вместе с тем создаются необходимые условия для свободного функционирования других религиозных общин. Так, в 1990 г. в Узбекистане на базе ряда конфессий, исповедующих Библию, было создано Библейское общество³⁵⁸.

В Узбекистане изначально политическое руководство стало осуществлять курс на обеспечение мира и спокойствия в республике, сохранения межнационального и межконфессионального согласия. Была выдвинута одна из базисных идей современной идеологии национальной независимости – идеи

³⁵⁶ Мусаев Б. Ислам в современном Узбекистане: созидательный потенциал и проявление угроз// Центральная Азия и Кавказ. 2002, № 3.

³⁵⁷ Хусниддинов З. Ўзбекистонда диний бағрикенглик. Тошкент, 2006.

³⁵⁸ Доклад о человеческом развитии. Узбекистан. 1998. Ташкент, 1999.

общественной солидарности и равноправного партнерства разнообразных социальных слоев, полноправного отражения интересов представителей различных национальностей, религий и социальных групп многонационального народа Узбекистана³⁵⁹.

Еще до провозглашения государственного суверенитета стали разрабатываться и практически претворяться в жизнь принципы собственного пути развития. Изданные Указы, принятые Верховным Советом и правительством законы и постановления на рубеже 1980-1990-х гг. непосредственно были направлены на обеспечение политического суверенитета и экономической самостоятельности, национально-этническое возрождение. Конкретным выражением этих процессов стало придание узбекскому языку в октябре 1989 г. статуса государственного, комплекс мер, нацеленных на самостоятельное решение важнейших народнохозяйственных и духовно-восстановительных задач³⁶⁰.

В то же время в обстановке изменяющейся парадигмы религиозной политики, на гребне бурно нарастающего освободительного потока стали появляться радикализированные мусульманские религиозные организации. В частности, в 1990-начале 1991 гг. в Наманганской и Андижанской областях Ферганской долины были созданы неформальные экстремистские организации «Адолат» («Справедливость»)³⁶¹, «Товба» («Покаяние»), «Ислом уйганиш хизби» («Партия исламского возрождения»), «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») и др. Играя на религиозных чувствах мусульман, руководители этих организаций стремились использовать тягу народа к восста-

³⁵⁹ Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Ташкент: НЦПЧ, 2000; Рахманкулов Х.Р., Рахманов А.Р. Права человека: История и современность. Ташкент, 1998.

³⁶⁰ Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Ташкент, 1995, № 12, Ст. 257.

³⁶¹ Не путать с современной политической Социал-демократической партией с одноименным названием «Адолат».

новлению исконной исламской духовности в целях создания в Узбекистане исламского государства. Члены этих организаций проповедывали идеи фундаментализма, призывали к установлению монополии ислама, противопоставляя тем самым население республики по религиозному признаку³⁶².

Учитывая, что одним из основных факторов цивилизованного общественного развития является согласие и дружба между титульной нацией и проживающими в стране представителями других наций и народностей, что в республике действуют разнообразные конфессии, руководством республики стало уделяться особое внимание блокировке сил и социально-политических факторов, способных запустить механизм губительного пожара межрелигиозных конфликтов, вызвать кровопролитие и социальные потрясения³⁶³.

Прежде всего обдуманно и последовательно была развернута работа по нейтрализации зарождающегося религиозного экстремизма. Удалось предотвратить сценарий узбекского «Шахидона» (площадь в Душанбе, где начался разгул кровавого фундаментализма и агрессивного национализма в Таджикистане)³⁶⁴.

Поворотным в многовековой летописи узбекского народа стало провозглашение 31 августа 1991 г. государственной независимости Узбекистана. Достижение политического суверенитета ознаменовало начало новой исторической эпохи – эпохи свободного развития. Но открыв широкие перспективы национального возрождения независимость возложила и огромную

³⁶² Мусаев Б. Ислам в современном Узбекистане: созидательный потенциал и проявление угроз// Центральная Азия и Кавказ. 2002, № 3.; Бабаджанов Б. Ферганская долина: источник или жертва исламского фундаментализма // Центральная Азия и Кавказ. 1999, № 4.

³⁶³ Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Ташкент, 2000.

³⁶⁴ Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане. Изд. 2. М., 1997; Хайдаров Г., Иномов М. Таджикистан: трагедия и боль народа. СПб, 1993.

ответственность. Будущее молодого узбекского государства напрямую зависело от того способно ли оно реализовать открывшиеся возможности, успешно решить сложнейшие задачи кардинального обновления, в том числе в духовно-религиозной сфере.

Мировой опыт убеждает, что переход от одной системы общественных отношений к другой неизбежно сопровождается болезненной ломкой ценностных ориентаций, кризисными явлениями в духовной жизни. Узбекистану удалось смягчить эти процессы. Духовное возрождение в республике стало осуществляться в новых исторических реалиях как на путях возврата к духовным истокам, так и освоения ценностей мировой цивилизации, а также разработки собственной идеологии³⁶⁵.

В соответствии с таким концептуальным видением с первых дней независимости на уровень государственной политики в Узбекистане была поставлена задача возрождения тысячелетнего духовно-культурного наследия народа, в том числе усиления роли религиозного фактора в жизни общества. При этом особое значение придавалось установлению цивилизованных взаимоотношений между государством и религией³⁶⁶.

Придерживаясь курса на построение светского, демократического государства, политическое руководство Узбекистана изначально стало исходить из принципа секуляризации. Республика Узбекистан - это страна со светским характером, в которой религиозные объединения отделены от государства. Нынешняя секуляризация представляет базисную черту узбекского общества. В новом Узбекистане фундаментальным принципом жизнедеятельности общества выступает свобода совести.

³⁶⁵ Идеология независимости: истоки, проблемы и пути реализации. Т., 1994.

³⁶⁶ Мунавабаров З.И. Ислам в Узбекистане: прошлое, настоящее, будущее// Wostok. 1999, № 1, С. 68-72.

Согласно статье 31 Конституции РУз «свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов»³⁶⁷. В этой связи уместно заметить, что принцип свободы совести был закреплён ещё в Конституции Туркестанской АССР, принятой в 1920 г. (ст. 15) и в Конституциях Узбекской ССР (1937, 1978 г.) Однако Узбекистан, как и многие другие республики бывшего советского государства, не имел правовых актов, обобщающих и регламентирующих взаимоотношения между государством и религий. В данном плане важным событием для народа Узбекистана стала первая редакция Закона «О свободе совести и религиозных организациях», принятая Верховным Советом республики ещё в преддверии независимости – 14 июня 1991 г.³⁶⁸

После достижения независимости в молодом узбекском государстве религиозный вопрос, с учетом поликонфессионального состава населения, приобрел приоритетный характер. В частности, для целенаправленного осуществления современной религиозной политики, Указом Президента от 7 марта 1992 г. при Кабинете Министров был создан специальный Комитет по делам религий³⁶⁹.

Пристальное внимание уделило правительство обновляющегося Узбекистана формированию действенной нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы свободы совести и деятельности религиозных организаций. При этом содержание и законодательные основы конфессиональной политики с первых шагов суверенного развития стали опираться на международные принципы гуманитарного права.

К настоящему времени Узбекистаном ратифицировано более 70 международно-правовых актов гуманитарного характе-

³⁶⁷ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. С. 15.

³⁶⁸ Правда Востока. 1991. 15 июня.

³⁶⁹ Правда Востока. 1992. 9 марта.

ра. Среди них Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 г) и др., в которых нормы, касающиеся свободы граждан исповедовать религию, а также прав религиозных организаций, изложены наиболее подробно. Узбекистан, ратифицировавший эти международно-правовые акции, принял на себя обязательства по их неукоснительному соблюдению.

Правовые основы современной конфессиональной политики Республики Узбекистан нашли конкретное отражение в Конституции, в Законе «О свободе совести и религиозных организаций» (1991, 1998 гг.), «О гражданстве», «О собственности», «Об альтернативной службе», «Об образовании», в Гражданском, Семейном, Трудовом кодексах и других законодательных документах. В них в соответствии с международными правовыми стандартами определяется, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; регламентируется механизм реализации этого права; сформированы принципы взаимоотношений светского государства с религиозными объединениями³⁷⁰.

Философия конфессиональной политики независимого Узбекистана включает следующие идейные императивы:

- уважительное отношение к религиозным чувствам верующих,
- признание религиозных убеждений частным делом гражданина или объединений,
- равенство граждан независимо от отношения их к религии, равноправие всех конфессий,
- недопустимость использования религии в деструктивных целях, отделение системы образования от религии.

³⁷⁰ Юнусова А. Проблемы применения законодательства о свободе совести и религиозных организаций // Общественное мнение. Права человека. 2000, № 2.

Важной отличительной чертой религиозной жизни современного Узбекистана выступает недопустимость установления преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по отношению к другим³⁷¹.

Предпринимая активные усилия по ее практическому претворению, правительство Республики сразу же после достижения политического суверенитета уделило первостепенное значение не только возрождению ислама, который исповедуется большинством населения страны, но и различных конфессий. Так, вслед за введением закона «О собственности» (1990 г.; новая редакция – май 1993 и сентябрь 1994 г.) всем религиозным организациям страны было обеспечено равное право на собственность. На основании этого закона они приобрели возможность владеть зданиями, предметами культа, объектами социального, производственного значения, иным имуществом, необходимым для обеспечения их деятельности, а также денежными средствами³⁷².

Активные меры осуществлялись руководством Узбекистана по содействию в открытии новых религиозных обществ, конфессиональных учебных заведений, мест совместного исповедания веры, совершения служения, обрядов и ритуалов религиозными организациями.

Среди крупнейших конфессий, действующих в независимом Узбекистане, наряду с исламом, выделяется Русская Православная церковь. В республике на сегодняшний день насчитывается более 30 ее приходов, которые располагаются во всех регионах страны. Показательно при этом, что количество православных приходов заметно превысило их численность даже в досоветский период.

³⁷¹ Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Т., 2000.

³⁷² Юнусова А. Проблемы применения законодательства о свободе совести и религиозных организаций // Общественное мнение. Права человека. 2000, № 2.

Указывая на столь разительные перемены, бывший Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким) неоднократно отмечал, что в суверенном Узбекистане «оказались возможными свершения, казавшиеся несбыточными даже во время Российской империи»³⁷³. И это действительно так. В частности, к 125-летию православной епархии в крае ей была выделена территория и оказана существенная помощь в создании православного Духовно-административного центра в Ташкенте, призванного стать средоточием духовной жизни православных общин как Узбекистана, так и среднеазиатского региона в целом. Архитектурный ансамбль Духовного центра дополнил панораму столицы, уже имеющей множество прекрасных зданий, еще великолепным произведением православного зодчества³⁷⁴.

В независимом Узбекистане в 1998 г. было открыто высшее православное учебное заведение – Ташкентская духовная семинария, которая готовит духовников для церковных общин всего Среднеазиатского митрополичьего округа. Наряду с этим во всех приходах стали восстанавливаться прежние, уцелевшие от большевистского террора храмы. Одновременно строились новые. Например, воссоздан крупнейший во всей Средней Азии православный храм – Самаркандский Свято-Алексиевский собор. В Ташкенте стал действовать женский монастырь, в г. Чирчике открылся мужской.

Оценивая характер изменений, обозначившихся в развитии Русской Православной церкви за годы независимости, бывший Архиепископ Владимир (Иким) особо подчеркивал: «Оказы-

³⁷³ Владимир (Иким). *Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский*. Цветение духовности. // Правда Востока. 1999, 24 ноября.

³⁷⁴ Владимир (митрополит Среднеазиатский и Ташкентский). ...А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество? – Т.: Изд-во Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2000.

ваемые нам благодеяния вызывают в сердцах православных верующих горячую благодарность, готовности всеми силами служить родному Узбекистану»³⁷⁵.

Говоря о полифоничности религиозной жизни современно-го Узбекистана, важно вместе с тем подчеркнуть, что стержнем возрождающихся духовно-религиозных основ общества выступают процессы восстановления мусульманской веры и культуры ислама, аккумулировавшие тысячелетний опыт нравственного становления узбекского народа, его национальной и религиозной самоидентификации.

Надо сказать, что пропагандируемая в советское время малозначимость исламского фактора в жизни народов Центральной Азии, в том числе Узбекистана, оказалась иллюзией. Религиозность, казалось бы навсегда переведенная в разряд «пережитков прошлого» интенсивной советской секуляризацией, в 1970-1980-е годы неожиданно обрела новое дыхание. А с обретением независимости рельефно обозначились процессы религиозного исламского возрождения, совпавшего со своеобразным исламским ренессансом во всем мусульманском мире³⁷⁶.

Ислам является второй по численности приверженцев религией в мире после христианства. Общее число лиц, исповедующих ислам, по данным Организации исламская конференция (ОИК), на рубеже XX-XXI веков составляло более 800 млн. в странах Азии, Африки, Европы, Америки, Океании³⁷⁷, а сегодня перевалило за 1 млрд.

Причины активизации роли ислама в жизни узбекистанского общества носят многообразный характер.

³⁷⁵ Владимир (Иким). *Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский*. Цветение духовности. // Правда Востока. 1999, 24 ноября.

³⁷⁶ Устойчивое развитие: значение института семьи, религии, образования и гражданского общества. Алматы, 2007.

³⁷⁷ Доклад о человеческом развитии. Узбекистан 1999. Т., 2000. С. 65.

Во-первых, исламская духовность в Азиатском регионе имеет тысячелетние исторические корни. Так, с древних времен Узбекистан славился исламскими святынями. Только в Ташкентской области их более 20, в Самарканде – более 40, Бухаре - 13, Кашкадарье - 26. Города Самарканд и Бухара являются мировыми исламскими центрами, здесь были расположены сотни учебных заведений, святых мест, медресе, мечетей, гробниц, ханаков (общежитие суфиев). Особое значение имеют такие святыни, как некрополь Шахи-Зинда, мечети Биби-Ханум, Имама Бухари, медресе Улугбека (Самарканд), мавзолей Саманидов, мечеть Бахоутдина Накшбанда (Бухара), усыпальница Хазрата Али (Ферганская долина), медресе Кукельдаш (Ташкент)³⁷⁸.

Узбекистан, как и Центральная Азия в целом, в течение многих столетий был также животворным очагом исламской философии, науки и теологии. Ученые-богословы региона, в том числе выдающиеся сыны узбекского народа, внесли огромный вклад в развитие исламской духовности, в научное обоснование учения ислама. Все это обусловило особое положение Узбекистана во всем мусульманском мире и исламской цивилизации. Данный фактор объективно служит росту авторитета страны и народа, укреплению чувства национальной гордости, осознанию широкими массами духовной самобытности центральноазиатского ислама³⁷⁹.

Во-вторых, как и в досоветское время, исламский фактор имеет для государства важное внешнеполитическое измерение. Восстановление религиозной духовности способствовало интеграции республики в мировое исламское сообщество. В частности, Узбекистан вступил в ОИС (Организация исламско-

³⁷⁸ Ташкент – столица исламской культуры. Т., 2007; Ташкент – жемчужина исламской цивилизации. Ташкент, 2007; Ртвеладзе Э., Ртвеладзе Л. Мусульманские святыни Узбекистана. Т., 1996.

³⁷⁹ Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент - Самарканд: изд-во РНПЦ им. Бухари, 2007.

го сотрудничества, до 2011 г. называлась ОИК -Организация исламская конференция), установил отношения с арабским миром и другими исламскими государствами (Иран, Пакистан, Индонезия, Малайзия и т.д.)³⁸⁰, поддержал Каирскую декларацию прав человека³⁸¹.

В-третьих, несмотря на идеологическое давление и гонения, которым подвергались верующие в течение многих десятилетий тоталитарного прошлого, приверженность религии, исламским ценностям сохранилась. Ведь ислам издревле вошел в строй образа жизни и мышления местных народов. Режим воинствующего атеизма, поставив полностью религию под контроль государства, разрушил ее целостную организацию. Ее элементы сохранились преимущественно лишь на индивидуальном или локальном уровне, в отдельных обычаях и бытовых церемониях. Тем не менее, исламская религия обрела своеобразную «невидимую» форму. Подавляющая часть населения Узбекистана, включая партийно-советских работников, продолжала скрыто соблюдать религиозные ритуалы, связанные с шариатом. С обретением же независимости, когда были сняты прежние препоны и ограничения, людям была представлена реальная свобода вероисповедания и другие права, исламская религия стала активно оживляться, особенно в сельской местности³⁸².

В-четвертых, в активном возрождении религиозных принципов и положений в сознании людей заметную роль сыграли, особенно в первые годы сложного переходного периода независимого развития, трудности социально-экономического

³⁸⁰ Хасанов Р. Организация исламская конференция и мусульманские государства СНГ // Центральная Азия и Кавказ. 1997, № 11.

³⁸¹ Каирская декларация прав человека в исламе // Документ А/45/421 Генеральной Ассамблеи ООН.

³⁸² Абашин С.Н. Социальные корни среднеазиатского ислама (на примере одного селения)// Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. – С. 454-461

характера, экологическая деградация, обесценивание многих этических норм, напряженность межэтнических отношений, утрата идейных ориентиров.

В-пятых, в значительной мере сказалось то, что политическое руководство суверенного Узбекистана с первых дней независимости поставило на уровень государственной политики задачу возрождения тысячелетнего духовно-культурного наследия народа, усиления роли религиозного фактора в жизни общества. При этом ислам был официально провозглашен частью культурно-исторического наследия страны³⁸³.

Опыт последних лет убедительно показывает, что нередко в современном мире такие понятия как «возрожденчество», «исламский ренессанс» и прочие термины применительно к религиозному подъему толкуются весьма широко. Силами возрождения оказываются как те, кто ратует за экономические и культурные преобразования, так и представители крайних религиозных проявлений, различных религиозных течений, сторонники возвращения к средневековью, которые стремятся вернуться к ценностям и традиционному укладу прошлого воспринимают, прежде всего, сквозь призму неприятия современности и отрицания необходимости модернизации общества.

Понимание связанных с таким видением негативных последствий стало причиной обращения в республике к «глубоко продуманному подходу, разработки реализации комплекса политических, экономических и культурных программ, направленных на увеличение позитивного, созидательного характера духовного возрождения, ... дифференцированного подхода к возрождаемому наследию, выбора, прежде всего, наиболее важных, этически значимых традиций и обычаев, обогащаю-

³⁸³ Назаров Р.Р., Юнусова Д.М., Алиева В.Р. Этноконфессиональные процессы в современном Узбекистане// Мир ислама: история, общество, культура – The World of Islam: History, Society, Culture. М.: РУДН, 2010. – С. 134-136.

щих общечеловеческие ценности и отвечающие требованиям демократии и обновления общества»³⁸⁴.

Среди приоритетных показателей исламского ренессанса в Узбекистане и Центральной Азии в целом следует, прежде всего, выделить стремительное увеличение числа мечетей и возобновление хаджа - паломничества к святым местам. К примеру, уже к началу 1992 г. в республике было восстановлено или построено заново около 3 тыс. мечетей³⁸⁵. Одновременно в 1991 г. из Узбекистана при финансовой поддержке правительства совершили паломничество в Мекку 1500 человек, тогда как в 1980-е годы такую возможность имели по всему СССР не более 30 человек в год.³⁸⁶ К концу 1990-х годов хадж из республики предприняли более 30 тыс. граждан, а умру (малый хадж) – свыше 50 тыс.

За первые 10 лет независимости в республике было построено более 2 тыс. мечетей, расположенных во всех регионах республики³⁸⁷. К примеру, в Андижанской области до провозглашения государственного суверенитета действовало всего 12 мечетей, а в 2003 г. уже 180, из которых 120 соборных³⁸⁸.

С обеспечением возможностей для вероисповедания духовенство приступило к выполнению задачи широкого мусульманского просвещения, чтобы каждый верующий не только исполнял обряды, но и знал основы вероучения. В этом отношении мечети восстановили свои функции своеобразных центров по развитию религиозных знаний, повышения уровня духовности и просветительства. В республике на узбекском

³⁸⁴ Аббасова А. К вопросу о религиозном факторе в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. 2001, № 1.

³⁸⁵ Жураев У., Саиджонов П. Дуне динлари тарихи. – Ташкент, 1998. С. 13; Доклад о человеческом развитии. 1999. С. 65.

³⁸⁶ Республика Узбекистан. Энциклопедический справочник. Ташкент, 2001. С. 367.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Шерхан М. На каждый роток не накинешь платок // Народное слово. 2003. 5 сентября.

языке были изданы Коран, собрания Хадисов, популярная мусульманская литература, стали выходить в свет исламские периодические издания.

Наряду с этим широкий размах получил в Узбекистане процесс возрождения национальной духовной школы. Уже в первые годы независимости в республике открылись 9 новых медресе, хотя во всей Центральной Азии советского времени их насчитывалось только 2. Набор в мусульманские учебные заведения страны увеличился в 1992 г. в 10 раз³⁸⁹. В настоящее время в Узбекистане действуют 10 средних специальных учебных исламских заведений. В их числе «Хадичаи Кубро», в Ташкенте, «Мир араб» и «Жубойри Калон» в Бухаре, «Сайид Мухиддин Махдум» в Андижане, «Фахриддин Ар-Розий» в Ургенче, «Хожа Бухорий» в Кашкадарьинской области, «Мулла Киргиз» в Намангане, Мухаммад ибн Ахмад ал-Беруний» в Нукусе и др. Будучи религиозными организациями, они согласно законодательным нормам в своей образовательной деятельности подотчетны Духовному управлению мусульман Узбекистана, в составе которого имеется специальный отдел образования. Эти учебные заведения готовят специалистов среднего звена для нужд исламских религиозных организаций. Они оснащены современным учебным оборудованием, обладают всем необходимым для осуществления эффективной учебно-воспитательной работой.

В ведении Духовного управления мусульман республики был отнесен также, действующий с 1971 г. Исламский институт в Ташкенте. Ныне он принимает студентов не только из Узбекистана, но и со всего мира. Институт имеет возможность издавать свои учебные пособия и другие печатные материалы, взятые из традиционных исламских источников. Все преподаватели – граждане Узбекистана, и все они получили высшее об-

³⁸⁹ Аббасова А. К вопросу о религиозном факторе в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. 2001, № 1.

разование в пределах страны или достигли учебных степеней в таких известных высших учебных заведениях, как Аль-Азхар (Египет), а также в других исламских учебных заведениях. По программе института около 10 студентов ежегодно проходят обучение, чтобы стать «хафизами» Корана (люди, которые заучивают наизусть все суры Корана). Студенты этого института получают дипломы после завершения четырехлетней программы и освоения всех языков, по которым они обучались – арабский, персидский, турецкий, узбекский языки.

В 1999 г. открыт Ташкентский исламский университет, который готовит светских специалистов в области исламоведения³⁹⁰. В этом высшем учебном заведении студенты изучают все аспекты ислама, включая фикх (юриспруденцию), коранический арабский язык, тафсир (толкование Корана), хадисы и их толкование, современный арабский язык. После его окончания студенты получают диплом с присвоением званий «бакалавр» и «магистр». Девушки также учатся в университете. В 2003 г. состоялся первый выпуск бакалавров, а в 2005 г. – магистров. При университете функционируют Академический лицей³⁹¹.

Оба указанных учебных заведений финансируются государством, а также дополнительными фондами и пожертвованиями. Руководство Узбекистана в то же время содействует направлению одаренных студентов исламских религиозных учебных заведений на обучение и стажировку за рубежом.

Яркой приметой исламского возрождения стали широко отмечаемые религиозные праздники, которые в советском прошлом оказались запрещенными. В частности, указом от 27 марта 1997 г. Руза-хайит был объявлен выходным днем³⁹². Все-

³⁹⁰ Абдуллаев Р.В. Наша задача донести до молодежи миротворческую сущность ислама // <http://www.islamsng.com/uzb/interviews/5835>

³⁹¹ Официальный сайт Ташкентского исламского университета// <http://www.tiu.uz/>

³⁹² См.: Тюриков В., Шагулямов Р. По пути независимости. Республика Узбекистан. Люди. События. Факты. 1991-2000. Т., 2000.

народно с участием представителей разных конфессий и национальностей стали отмечаться в республике праздники Навруз и Курбан-хайит. В 2007 г. Ташкент был провозглашен столицей исламской культуры³⁹³.

23 октября 1998 г. в Самарканде состоялись торжества, посвященные 1225-летию великого мыслителя имама Аль-Бухари, в которых приняли участие гости почти из 40 стран мира, представители таких авторитетных организаций, как ЮНЕСКО, ОИК, фонд «Аль-Бабтийн» и др. В зале заседаний гостиницы «Афросиаб» прошла международная конференция на тему «Имам аль-Бухари и его роль в мировой культуре». В тот же день в кишлаке Хартанг Самаркандской области состоялось открытие памятного комплекса Аль-Бухари³⁹⁴.

Особое значение придается в современном Узбекистане в контексте реализации масштабной программы возрождения духовно-религиозных основ общества, культуры ислама восстановлению мусульманских святынь и светлой памяти о выдающихся исламских религиозных деятелей прошлого. В частности, широкий характер приняло в стране празднование юбилеев выдающихся теологов, хадисоведов, основоположников суфизма в Средней Азии Аль-Бухари, Ат-Термизи, Махмуда Аз-Замахшари, Ходжи Ахрара Вали, Наджмиддина Кубро, Имама аль-Матуриди, Бурхониддина Маргилони, Бахоуддина Накшбанда, Ахмада Яссави и других корифеев исламского учения³⁹⁵.

6 марта 2012 г. в Национальном Пресс-центре РУз была организована пресс-конференция «Религиозная толерантность – фактор прогресса», посвященная 20-летию образования Комитета по делам религий при Кабмине РУз.

³⁹³ Ташкент – столица исламской культуры. Т., 2007; Ташкент – жемчужина исламской цивилизации. Т., 2007.

³⁹⁴ См.: *Тюриков В., Шагулямов Р.* Указ. соч... С. 300.

³⁹⁵ http://www.jartour.ru/info/uz_celebs.html

23 августа 2012 г. в Комитете по делам религий был принят глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской Апостольской церкви епископ Езрас. Целью визита было ознакомление с религиозной обстановкой в Узбекистане, а также, с паствой армянской церкви в Республике. 24 августа 2012 г. епископ Езрас посетил Самарканд, где проживает значительное число представителей армянской диаспоры.

2 октября 2012 г. пресс-секретарь Комитета по делам религий Азиз Абидов распространил заявление, в котором говорится, что обвинения в адрес Узбекистана в Докладе о соблюдении свободы религии в мире, опубликованном накануне Госдепом США, являются абсолютно безосновательными. «На наш взгляд было бы целесообразным призвать ответственных сотрудников американского посольства в г. Ташкенте руководствоваться не услышанными фактами от отдельных лиц, а увиденными. Уверены, что наглядное ознакомление с реальным положением дел в республике в этой сфере достаточно кардинально изменило бы мнение Госдепартамента США о ситуации в Узбекистане», - заключил официальный представитель Комитета по делам религий³⁹⁶.

4 октября 2012 г. в Ташкентском исламском университете прошел Республиканский семинар религиозных деятелей (имамов) «Мир и спокойствие – бесценный дар». В рамках семинара были обсуждены актуальные темы, такие как, духовность и нравственность, межрелигиозная и межнациональная толерантность, причины возникновения противостояний в арабском мире под названием «арабская весна». 16 ноября 2012 г. Комитетом по делам религий Узбекистана совместно с Ташкентским исламским университетом была проведена научно-практическая конференция «Религиозная толерантность – фактор развития». В работе конференции приняли участие руководители Управления мусульман Узбекистана, Ташкент-

³⁹⁶ www.religions.uz

ской и Узбекистанской епархии Русской Православной церкви, Римско-католической церкви и других религиозных организаций. На конференции говорилось об особом внимании к обеспечению гражданам Узбекистана их конституционных прав в области свободы совести и вероисповедания, укреплению идей межрелигиозной дружбы, согласия и межрелигиозной толерантности в обществе.

Важную роль в поддержании межконфессиональной толерантности играет международное сотрудничество в духовно-гуманитарной сфере. Так, только в 2013 г. Узбекистан посетили делегация Омана во главе с Саидом Бадр бин Хамад аль-Бусаиди (март), президент Исламского банка развития (ИБР) Ахмад Мухаммад Али (апрель), помощник Генсека ООН по вопросам прав человека И.Симонович (май), государственный министр по делам религии и общин Великобритании С. Варси (июнь), делегация Конгресса бухарских евреев США и Канады во главе с президентом Б.Кандовым (август) и т.д. В декабре 2013 г. состоялся Международный круглый стол по обсуждению рекомендаций Совета ООН по правам человека и международных органов по итогам рассмотрения национальных докладов Узбекистана в сфере прав и свобод человека в 2013–2014 гг. Организаторами данного круглого стола выступили Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека совместно с Представительством ООН в Узбекистане³⁹⁷.

В заключении необходимо отметить следующее:

- вопрос межконфессиональных отношений во многом предопределяет стабильность общества и устойчивость его развития, т.к. внедрение в жизнь политики государства во многом зависит от ее поддержки различными конфессиями;

- благодаря своему географическому расположению, Узбекистан всегда занимал особое место в Центрально-азиатском регионе. Находясь на плодородной земле между двух основ-

³⁹⁷ Сайт ЦИОМ «Ижтимоий фикр» <http://ijtimoiy-fikr.uz/?cat=4>

ных рек региона, Узбекистан был объективно предрасположен к возникновению и развитию на его территории одного из древнейших и могучих очагов цивилизации. Здесь возникали и развивались государства, народы и религии;

- вступление Узбекистана на магистраль свободного развития породило необходимость определения приоритетов духовного обновления, поиска новых идейных ориентиров;

- новая национальная идеология суверенного Узбекистана призвана служить идейной основой независимости, содействовать укреплению национального самосознания и духовно-нравственного возвышения народа, быть прочным связующим мостом между прошлым, настоящим и будущим;

- руководство страны неизменно учитывает, что большинство населения республики является мусульманами и связывают свою принадлежность к исламской цивилизации;

- национальная и конфессиональная идентичность признаётся в Узбекистане в качестве единого целого как на уровне массового сознания, так и официальной идеологии. Вследствие чего возрождение исламской духовности в совокупности с гарантиями свободы вероисповедания в целом рассматривается не только в контексте обеспечения морального благополучия народа, но и как одно из необходимых условий строительства демократического государства, важного компонента либерализации общественной жизни;

- с другой стороны, усиление влияния ислама, активное использование его духовного потенциала тесно увязывается в Узбекистане с ростом национального самосознания, возвращением исторической памяти народа, консолидацией нации, с духовно-нравственным возвышением общества.

4.2. Межэтническая и межконфессиональная толерантность в Узбекистане: исторические традиции и современность

Развитие межэтнической и межконфессиональной толерантности является актуальной проблемой для глубокого и всестороннего анализа. Само положение Узбекистана - в Центральной Азии (ЦА), на стыке великих мировых цивилизаций – предопределило ее роль в межкультурном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих обществ, народов, государств. Эта роль принадлежала региону веками, в его истории нашло свое отражение все многообразие межэтнических и межконфессиональных процессов. Открытая и обширная зона ЦА диктовала взаимодействие и пересечение различных культур, племен, этносов, конфессий, кочевого и оседлого населения. На современной территории Узбекистана пересекались представители различных этнических групп (тюрки, иранцы, арабы, монголы, индийцы, китайцы, славяне и т.д.) и конфессий (зороастризм, буддизм, иудаизм, христианство, ислам и т.д.). Народы региона унаследовали разнообразие культур, традиций, конфессий. Проживающие на ее территории представители почти полутора десятков этнических групп и сегодня образуют уникальную культурную мозаику, сочетающую азиатские и европейские компоненты. История Узбекистана полна примеров интенсивного и продуктивного межконфессионального межкультурного диалога, взаимодействия, социокультурного взаимопроникновения, межэтнической и межконфессиональной толерантности. Территория Узбекистана в различные периоды своей истории входила в состав многих полиэтнических и поликонфессиональных государств: Ахеменидской державы, Греко-Македонского царства, Кушанской империи, Тюркского каганата, Арабского халифата, государств Саманидов, Караханидов, Каракитаев,

Чингизидских государств, державы Амира Темура, Темуридских государств, Российской империи, СССР, представлявшие собой различные модели синтеза, включавшего в себя разные этносы, культуры, религии.

В условиях нарастания процессов глобализации зачастую невозможно найти решение этих проблем в рамках и силами одного государства, необходимо участие всего мирового сообщества. Только совместными усилиями всех субъектов международных отношений, только через диалог, открытый разговор, толерантное отношение можно найти нужное решение. «Одним из основных факторов стабильного общественного развития и улучшения благосостояния всех народов является мирный межконфессиональный диалог. Достижение межконфессионального мира является важным условием существования современного общества»³⁹⁸.

В развитии межэтнической и межконфессиональной толерантности необходимо руководствоваться следующими принципами³⁹⁹:

- принцип толерантности, терпимого отношения к иным религиям, национальностям, расам, языкам, культурам, политическим или иным убеждениям;
- предотвращение любой деятельности, направленной на разжигание межэтнической и межконфессиональной розни;
- верховенство международно-правовых документов, равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, политике и т.д.

В истории человечества именно религиозно-этнические противоречия часто способствовали широкому распростране-

³⁹⁸ Югай И.С. Толерантность в межконфессиональном взаимодействии в Республике Казахстан на современном этапе// Христианско-мусульманский диалог в эпоху глобализации. Минск, 2007. <http://churchby.info/rus/162/>

³⁹⁹ Абуов А.П. На пути к диалогу// <http://www.embkaztm.info/article/139>

нию и углублению таких негативных явлений, как шовинизм, фундаментализм, международный терроризм, экстремизм. В истории человечества было достаточно много конфликтов, причиной которых выступали этническая неприязнь, религиозная непримиримость, нетолерантность к иному мнению. Хотя надо отметить, что «причина активизации террористической деятельности под исламскими знаменами заключена не в какой-то специальной религиозно-мотивированной злобной нацеленности ислама на все «неисламское», но есть проявление общего кризиса мировой системы власти»⁴⁰⁰.

Только продвигаясь в направлении к лучшему взаимопониманию представителей разных этносов и конфессий, человечество сможет избежать того недоверия, которое используется как почва для разжигания неприязни, ненависти, призывов к насилию. Тем более социально значимыми выступают инициативы по стимулированию представителей разных этносов и конфессий к толерантности, диалогу, к совместному обсуждению проблем, с которыми мир сталкивается сегодня.

Узбекистан смог выстоять в истории благодаря многообразию культур, толерантности, богатому разнообразию этносов, традиций, конфессий. Многовековой опыт истории дает возможность Узбекистану позиционировать себя как наиболее подходящий регион для проведения подобного диалога. «Сегодня созданы новые условия для гуманитарно-культурного сотрудничества, которое является частью цивилизационного диалога. В Центральной Азии строятся новые коммуникации, расширяется экономическое сотрудничество, углубляются как двусторонние политические контакты, так и контакты в рамках региональных и всемирных организаций. Диалог цивилизаций продолжается в новых исторических условиях регионализма и

⁴⁰⁰ Шевченко М. Кто сталкивает Россию с Исламом?// «Росбалт», 20 октября 2004 г.// <http://www.archipelag.ru/geopolitics/piryadok/terror/who>

глобализма»⁴⁰¹. Это обусловлено целым рядом факторов: традиционной полиэтничностью и поликультурностью Узбекистана, привычкой жить в мире и согласии с соседями, устойчивостью политического руководства, всей совокупностью экономических, политических, исторических, духовных, социальных особенностей.

Будучи единым в стремлении преодолевать разногласия, человечество совместно движется к целям взаимопонимания, доброжелательности, мира, совместного благополучия. Народы нуждаются друг в друге на пути познания истины, справедливости и толерантности. Экономическая нестабильность, социокультурный кризис и иные проблемы преодолимы для того сообщества, деятельность которого основана на непреходящих ценностях. Как отмечает азербайджанский исследователь А. Али-Заде: «Одной из серьезных проблем современного мира остается проблема религиозной и национальной ксенофобии, которая имеет тенденцию к развитию, что является серьезным препятствием для процессов глобализации и может привести к серьезным политическим, экономическим и цивилизационным конфликтам. Для решения этой проблемы необходимо строить и развивать диалог между представителями различных цивилизаций»⁴⁰².

Велика та роль, которую сыграли различные этносы и конфессии Узбекистана в развитии культур и традиций, в закреплении восприятия человечества и общества в контексте того, что является поистине непреходящим. Несмотря на различия в мировоззрениях, люди желают жить в атмосфере взаимоуважения и искренности. Более того, разные культуры и конфессии предлагают цели, стремясь к которым можно применить

⁴⁰¹ Хафизова К. Восточная и Центральная Азия в диалоге цивилизаций // Новый миропорядок. 2007. № 5. http://www.inesnet.kz/new_miroпорядок/154-klara-khafizova-vostochnaja-i.html

⁴⁰² Али-заде А. Исламо-христианский диалог: на пути преодоления национальной и религиозной ксенофобии// <http://www.islam.ru/pressclub/vslux/dialogishr>

формы и методы жизнедеятельности, способствующие искоренению несправедливости, бедности, конфликтности. Понимая традиционный характер религии как особой формы общественного сознания, важно также иметь в виду те стремления, которые совершаются от имени религии для утверждения человеческих прав и демократических свобод, ценность которых признана в современном мире. Поэтому необходимо целостно смотреть на мир, глубже мыслить, быть более толерантным. Этническая и религиозная толерантность является одним из наиболее сложных социальных феноменов. Луи Дж.Хэммени (США) считает религиозную толерантность «добродетелью особого вида. ... Желание понять другого может породить неожиданные трудности и оказаться серьезной проблемой»⁴⁰³.

Этническая и религиозная сфера в сложном современном социуме становится сферой особенного влияния. Только основанные на разуме и гуманизме совместные действия представителей государства и религиозных лидеров смогут способствовать сохранению социальной стабильности. В такой тонкой области, как межэтнические и межконфессиональные отношения решающее слово принадлежит руководителям общественных, религиозных организаций, поскольку люди с особым вниманием, уважением и доверием относятся к их мнению. Межэтнический и межконфессиональный диалог является необходимым условием укрепления духовной основы мирового развития и мирного сосуществования. В связи с этим в качестве приоритетных направлений необходима деятельность, предусматривающая пропаганду уникального исторического опыта Узбекистана по межэтническому и межконфессиональному согласию, изучение и анализ международного опыта гармонизации общественных отношений в области культуры и религии. Диалог между этносами и религиями дол-

⁴⁰³ Хэммени Л.Дж. Религиозная традиция и границы толерантности // Человек: образ и сущность. Толерантность и архитектура эмоций. М.: ИНИОН, 1996. С.90.

жен носить активный познавательный характер, а также иметь определенные практические результаты, необходимые для социального развития.

Диалог культур был и остается одним из главных аспектов в развитии человеческой цивилизации в целом. На протяжении веков и тысячелетий в Узбекистане происходило взаимообогащение культур, из которых складывалась уникальная мозаика региональной цивилизации. Как отмечают известные российские востоковеды Р. Ланда и С. Прозоров: «Территории с мусульманским населением, входившие в состав Российской империи, а затем – в СССР, в течение длительного времени развивались в диалектической связи друг с другом, населявшие их народы имели много общего, как в плане материальных условий, так и в сфере духовной жизни. В рамках единого геополитического пространства шли интеграционные процессы в области общественного уклада, быта, культуры, духовных ценностей»⁴⁰⁴.

Подлинное развитие этносов связано не столько с социально-экономическим ростом и процессом модернизации, сколько с совокупностью культурных национальных ценностей, детерминирующих и мотивирующих различные эффективные модели решения социально-исторических и культурных задач. Все большее внимание в настоящее время уделяется внеэкономическим факторам развития общества – культурным, социальным, геополитическим, этническим, религиозным. И социальная практика показывает, что ценности ислама отнюдь не противоречат модернизации. Одним из образцов единства европейских и мусульманских ценностей показывает пример Турции, поскольку «эволюция политического ислама в Турции в либерально-демократическом направлении, в направлении поиска компромисса говорит, что возможность совместимости ис-

⁴⁰⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 4.

ламской культурно-религиозной традиции с политической принадлежностью Европе существует»⁴⁰⁵.

Неудивительно поэтому, что наиболее дальновидные этнические лидеры и религиозные деятели настоятельно поднимают вопрос о необходимости организации постоянного диалога между различными этносами и конфессиями, как на региональном, так и на международном уровнях. Они с полным основанием рассматривают такой диалог не только как способ обмена информацией, но и как средство формирования цивилизованных межконфессиональных взаимоотношений, которые открывают путь для успешного сотрудничества по проблемам, волнующим общество. «Мусульманско-христианский диалог на современном этапе является наиболее актуальным, так как в последние десятилетия в связи с развитием коммуникаций и средств информации представители этих двух крупнейших цивилизаций стали больше контактировать друг с другом. Кроме того, появилась проблема международного терроризма, который, к сожалению, пытаются окрасить в религиозные краски»⁴⁰⁶.

Всесторонняя политическая выгода от толерантности, от стабильно развивающегося диалога между конфессиями может быть весьма значительной. Во-первых, такой диалог может способствовать ликвидации (или ослаблению) межэтнических и межконфессиональных противоречий, поможет ввести идеологическую конкуренцию между религиями в цивилизованные рамки, что позитивно скажется на этнонациональных отношениях и общей социально-политической стабильности.

Во-вторых, межэтнический и межконфессиональный диалог поможет объединению усилий людей разных вероиспове-

⁴⁰⁵ Разливаев А.А. Исламский фактор в Турции и его влияние на вступление в Европейский Союз (политологический анализ). Автореф. дисс. канд. полит. наук. М.: Дипакадемия, 2009. С. 21.

⁴⁰⁶ Али-заде А. Исламо-христианский диалог: на пути преодоления национальной и религиозной ксенофобии// <http://www.islam.ru/pressclub/vslux/dialogishr>

даний и национальностей на борьбу против глобальных угроз человечеству.

В-третьих, диалог между представителями различных этнических и конфессиональных групп поможет обществу осознать тот факт, что реальные причины, лежащие в основе религиозно-политического экстремизма и международного терроризма бесперспективно искать в основах религиозных учений. Тем самым будет облегчен поиск реальных причин таких явлений, а, следовательно, средств и методов эффективной борьбы с ними.

В-четвертых, подобный диалог дает серьезные стимулы для налаживания постоянной работы с молодежью, направленной на предупреждение подобных асоциальных деяний в будущем⁴⁰⁷.

Важным элементом межэтнического и межконфессионального диалога выступают его принципы, т.е. те основополагающие положения, принимаемые всеми субъектами диалога, не придерживаясь которых невозможно приступить и вести сам процесс диалога. Термин «принцип» обычно трактуется как «научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают»⁴⁰⁸.

Главным из данных принципов выступает принцип толерантности. В данном контексте толерантность есть терпимое отношение последователей одной конфессиональной общности к последователям других аналогичных общностей. Каждый имеет право придерживаться своих религиозных убеждений и признает такое же право за другими. Как отмечает узбекский социолог М.Х. Ганиева: «Поскольку в своей основе толерантность предполагает внутреннее преодоление нетерпимости, она в свою очередь является необходимой основой существования этнического раз-

⁴⁰⁷ Абуов А.П. Межконфессиональный диалог как основа социального согласия// <http://www.embkaztm.info/article/142>

⁴⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1980. С. 431

нообразия и подразумевает разрешение возникающих межэтнических противоречий через готовность к диалогу, компромиссу, равноправию»⁴⁰⁹. За долгие века противостояния этносов и конфессий сформировалась конфронтационная психология. Сила стереотипов конфликтного мышления столь велика, что для ее преодоления нужна большая и упорная работа. Терпимость во взаимоотношениях между представителями этнических и религиозных общностей является необходимым условием организации диалога между конфессиями.

Важное значение для организации межэтнического и межрелигиозного диалога имеет принцип равноправия его участников. Добровольно могут договариваться лишь те, кто равноправны. Попытка поставить любого из участников диалога в привилегированное положение является реальным препятствием для нормального осуществления диалога. Более того, попытка выделить ту или иную этническую или конфессиональную общность, сделать ее «равнее других» может привести просто к срыву диалога. Например, представители православия в России часто ведут «диалог» с другими конфессиями с позиции «равнее других»⁴¹⁰, а это неверный подход.

Еще одним существенным принципом межэтнического и межрелигиозного диалога является открытость, т.е. нескрываемое от других участников искреннее выражение своих позиций, сочетающееся со стремлением внимательно слушать и слышать других, непредвзято воспринимая и оценивая их точку зрения. Открытость не является синонимом отказа субъектов диалога от своих взглядов или уступки чужим убеждениям. Ее ценность в том, что она помогает субъектам диалога лучше уяснить взгляды друг друга, благоприятствует сопоставлению

⁴⁰⁹ Ганиева М.Х. Этносоциология. Ташкент: НУУз, 2006. С. 100.

⁴¹⁰ Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России СПб.: РХГИ, 1998.// http://lib.ru/POLITOLOG/SHIPKOW/religion.txt_Ascii.txt

различных мнений, выявлению общих интересов и выработке согласованных мер по их реализации. Как отмечает Талгат Таджутдин: «За многие столетия совместной жизни с христианами в России мусульмане выработали уникальную религиозную культуру - открытую, терпимую и динамичную»⁴¹¹.

Конструктивность как четкая ориентированность на получение положительных результатов является еще одним из главных принципов межконфессионального диалога. Конфессиональный плюрализм, идеологическое «соревнование» религий предполагают изначальное несовпадение позиций участников диалога. Настроенные на конструктивную дискуссию участники диалога приходят при обсуждении общих проблем к принятию взаимоприемлемых решений на основе здорового компромисса, а любые разногласия устраняются путем согласований. Компромисс возможен и необходим в вопросах, касающихся земного бытия, социально-политических установок, культурного разнообразия. Что касается различного подхода к проблемам вероучения, разного понимания проблем спасения, то в этих вопросах рассчитывать на компромисс в обозримом будущем наверное не приходится.

Последним по счету (но не по значимости!) является такой принцип межэтнического и межрелигиозного диалога как отказ от критического рассмотрения вопросов учения. Открытие дискуссии о недостатках или преимуществах любого учения означает конец диалога, перевод его в неконструктивное русло. Любой диалог, а тем более межэтнический и межконфессиональный, должен быть хорошо организован. Создание специальных координирующих органов и разработанных процедур усиливают вероятность стабильности диалога и его результативности.

⁴¹¹ Цит. по: Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России СПб.: РХГИ, 1998.// http://lib.ru/POLITOLOG/SHIPKOW/religion.txt_Ascii.txt

Залогом успеха диалога является также постоянное изучение мирового опыта развития и взаимодействия культур, религий, особенностей государственной политики различных полиэтнических и поликонфессиональных государств по укреплению межконфессионального согласия и межэтнического единства. Необходимо постоянно налаживать контакты между учеными разных стран, развивать международное сотрудничество в целях предотвращения угроз религиозного экстремизма и терроризма. «Мирное сосуществование религий, недопущение распространения религиозного экстремизма является одной из актуальных проблем современного мира. Конфликты на религиозной основе, ограничение культурных, социальных, политических прав, дискриминация по конфессиональному признаку стали одними из основных факторов нестабильности национально-государственных систем и роста напряженности международных отношений»⁴¹².

Необходимо создание международных центров, дискуссионных «площадок» межкультурного и межконфессионального диалога. Одной из таких «площадок» сотрудничества государств ЦА (которые активно сотрудничают в рамках различных международных форматов), является Шанхайская организация сотрудничества. Как было отмечено в Екатеринбургской декларации глав государств-членов ШОС (16.06.2009 г.): «Государства-члены ШОС, подтверждая свою приверженность диалогу цивилизаций, ценностям мира, толерантности, взаимного уважения и согласия в межнациональных и межконфессиональных отношениях независимо от этнической принадлежности, религиозных и иных воззрений, выступают за то, чтобы борьба с международным терроризмом не отождествлялась с противостоянием какой-либо религии»⁴¹³.

⁴¹² Югай И.С. Толерантность в межконфессиональном взаимодействии в Республике Казахстан на современном этапе// Христианско-мусульманский диалог в эпоху глобализации. Минск, 2007. <http://churchby.info/rus/162/>

⁴¹³ Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС// <http://www.uzbekistan.org.ua/ru/shos/814.html>

В основе международной работы должны лежать базовые принципы дальнейшего укрепления культурной, религиозной, цивилизационной идентичности, всемерного развития диалога конфессий.

Эффективным стимулом для активизации межэтнического и межрелигиозного диалога могут быть встречи представителей различных этносов, культур, мировых и традиционных религий, форумы по инициированию и координации межэтнического и межрелигиозного диалога на самых различных уровнях, что может способствовать существенному увеличению вклада культур и религий в дело укрепления мира, международной безопасности, дружбы между народами.

Принцип толерантности может использоваться как механизм межэтнического и межконфессионального сотрудничества, основа социального согласия. Как отмечает казахстанский политолог И.Б. Цепкова: «религиозная толерантность есть признание права на свободу религиозного самоопределения, уважительное отношение граждан к этому праву, к культурно-религиозному плюрализму общества, утвержденных как исходные положения и демократические нормы государства. При этом необходимо различать «внутреннюю» и «внешнюю» («светскую») трактовки религиозной толерантности. Каждая из них, рассматривая факт достижения религиозной толерантности в рамках плюралистической религиозной конкуренции, состязательности и соперничества, ставит свои вопросы: 1) «внутренняя» - о возможности и границах признания другой религии как подлинной и легитимной встречи со священным. Разрешение данного вопроса касается макроуровня, где рассматривается вопрос об отношении одной религии к другой, т. е. проблема межрелигиозных и межконфессиональных взаимоотношений; 2) «внешняя» - о действенности «западноевропейской» модели толерантности, при которой

религия рассматривается как личное (частное) дело каждого человека, а государство проводит политику невмешательства в дела совести своих граждан, если только, конечно, те или иные религиозные убеждения не угрожают свободе других членов общества. Здесь речь идет о мегауровне, на котором осуществляются принципы свободы совести»⁴¹⁴.

Институциональному обеспечению этнополитики посвящена деятельность национально-культурных центров Узбекистана. Демократическая этнополитика — миротворческая и созидательная деятельность, нацеленная на взаимопонимание людей разных национальностей и достижение межэтнического согласия. Государство поддерживает деятельность региональных национально-культурных центров (их в Узбекистане сегодня более 140)⁴¹⁵, республиканских и региональных национальных газет («Нурлы жол», «Овози тожик», «Еркин Каракалпакстан» и т.д.), радио- и телепрограмм, национальных театров. Резкое усложнение жизненных процессов во всем мире, вызванное экономическим кризисом, ростом преступности, действиями террористов, природными и технологическими катаклизмами и другими факторами, налагает еще большую ответственность на государства. Только оно способно через свои специализированные структуры отслеживать, анализировать и прогнозировать возникающие внешние и внутренние угрозы. Только государство в состоянии осуществлять сложные программы предупреждения и ликвидации опасностей различного характера — природного, техногенного, экономического, военно-политического и т.п.

Только государство может выступить гарантом безопасности и сохранения этносов, защищать их коренные интересы

⁴¹⁴ Цепкова И.Б. Межконфессиональные отношения в Казахстане на современном этапе// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227131520>

⁴¹⁵ По данным Республиканского интернационального культурного центра Узбекистана.

в сложных условиях глобализации, обеспечить их будущее. «В качестве одного из основных механизмов регулирования межэтнических и межконфессиональных коммуникаций в исламском мире называют доминирующую роль государства, которое подчиняет этноконфессиональные общности, существующие в его границах, интересам более высокого порядка и расширяет рамки сотрудничества отдельных сообществ. Помимо этого, в качестве одного из стабилизирующих элементов социума восточных, в частности исламских государственных образований, ряд специалистов выделяет традиционные социальные институты, основанные на локальной и клановой идентичности и регулирующие общественные отношения в соответствии с нормами обычного права и сложившимися этнокультурными стереотипами»⁴¹⁶.

Глобализация бросает вызовы этносам, культурам, конфессиям, цивилизациям. Чтобы в этих условиях не только выжить, но и успешно развиваться, этносы должны вписаться в программу непрерывного обновления и решать задачи национальной модернизации в русле стратегии и тактики устойчивого развития. Только оно может достойно противостоять вызовам и угрозам новой эпохи. Одним из таких моментов является проблема миграции. «Отдельным аспектом в проблеме иммиграции является «проблема ислама», поскольку во многих европейских странах именно этнические мусульмане составляют большинство иммигрантов. По мере того, как мусульмане вступают во все более тесный контакт с коренными европейцами, набирает остроту вопрос культурных и религиозных различий, и возникает образ мусульманина как образ иммигранта в целом. Почвой для подобной конфронтации служит то, что

⁴¹⁶ Корнилов А.А., Балашов Ю.А., Никитин А.Г., Давтян С.Э. Этнические и конфессиональные меньшинства в мусульманских странах: проблемы развития и взаимодействия с доминирующим населением// <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=728>

ислам являет собой стойкую религию, с непоколебимым желанием быть признанной в новой обстановке. Проблема уже вышла за экономические и религиозные рамки, и сегодня это, прежде всего, предмет политических и культурных споров»⁴¹⁷.

Есть мнение, что человеческое сообщество будто бы выработало общий для всех народов, государств, культур путь к благосостоянию. Это так и в то же время не совсем так. Человеческое сообщество определилось с общими контурами собственного развития как целостного образования. Но это не исключает многообразия форм, моделей, вариантов развития в границах этой целостности. И их выбор – это незыблемое право каждого народа, который он должен сделать самостоятельно и пройти его, не утрачивая своей целостности и самобытности. «Особое место в этом процессе занимает межрелигиозный диалог, так как несмотря на развитие секулярных тенденций в современном мире, религия продолжает играть большую роль в деле формирования мировоззрения людей. Достижение взаимопонимания между представителями различных религиозных мировоззрений возможно хотя бы потому, что все их базовые постулаты базируются на общечеловеческих ценностях, признаваемых всеми цивилизациями. Это в первую очередь относится к религиям авраамической традиции, самыми многочисленными представителями которой являются мусульмане и христиане»⁴¹⁸.

Существуют разные позиции по поводу межконфессионального (в частности, исламо-христианского) диалога. Так, Гейдар Джемаль полагает: «Мусульмане смотрят на ... христиан как на людей, которые причастны к Откровению, но должны

⁴¹⁷ Ларионов И.С. Проблема иммиграции в общественном мнении Западной Европы (1990-2000-е годы). // Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности. Самара: СамНЦ РАН, 2008. - С. 128.

⁴¹⁸ Али-заде А. Исламо-христианский диалог: на пути преодоления национальной и религиозной ксенофобии// <http://www.islam.ru/pressclub/vslux/dialogishr>

признать превосходство мусульман, после чего могут попасть под защиту исламских законов»⁴¹⁹. В то же время Талгат Таджутдин полагает, что возможна модель «исламского экуменизма», если делать акцент не на вероисповедных различиях, а на единстве общечеловеческих ценностей во всех монотеистических религиях, включая православие и ислам⁴²⁰.

Одной из форм диалога являются попытки найти компромиссы между конфессиональными доктринами. «Многие... увлекаются... квазирелигиозными течениями, но наиболее показателен отток в бахаи, рерихианство и ахмадию. Эти религиозные учения дают возможность в какой-то форме принять некоторые духовные и культурные ценности христианства, не отрекаясь от ислама»⁴²¹.

Узбекистан обрел путь собственного развития. И не просто обрел, а сформировал способность следовать ему, сохраняя свою идентичность и целостность. Любая модель межкультурного согласия имеет свою специфику и предназначение. Узбекистанская модель строится на принципах дружбы, согласия, толерантности, совместного достижения стратегических целей. Задаёт правила в этой конструкции правовая база, создающая условия и определяющая нормы и правила поведения граждан. При этом государство отказывается от любых идеологических форм давления на культуросозидательные процессы. Не политизация имеющихся проблем в межнациональной и межконфессиональной сфере, а конкретная целенаправленная работа по развитию этнокультур, языков, национальных традиций, соединение в этом деле усилий государства и общества, обеспечивает полноправное развитие всех этносов Узбекистана.

⁴¹⁹ Джемаль Г. Освобождение ислама. М., 2004. С. 196.

⁴²⁰ Ислам в России: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 80.

⁴²¹ Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России СПб.: РХГИ, 1998.// http://lib.ru/POLITOLOG/SHIPKOW/religion.txt_Ascii.txt

Именно культурной составляющей определяется качество моделей межэтнического и межконфессионального согласия. Культура, приоритетная роль которой предопределена исторической задачей ее полномасштабного возрождения и в первую очередь, возрождения и полномасштабного функционирования государственного языка, является стержнем, интегрирующим звеном. основополагающая идея – формирование единой общности на основе межэтнической интеграции и духовно-культурного единения – обеспечивает единство народов, культур, конфессий Узбекистана. В 1995 г. на Ташкентской межконфессиональной конференции делегат Всемирного Совета Церквей Терек Митри назвал существующее в Узбекистане содружество ислама и православия «образцовым для всего мира»⁴²². Можно даже говорить о модели «центрально-азиатского христианства». А. Ярков отмечал: «Есть острая необходимость в изучении феномена «местного» христианства в культурологическом плане. ...изучение феномена «островка» христианства в глубине Центральной Азии дает шанс выявить и проанализировать многие культурные механизмы изменений, в том числе феномена сосуществования в одном социуме христианской культурной модели с ценностями азиатского традиционного общества»⁴²³.

На пространстве Узбекистана Запад и Восток выступали и выступают как субъекты сотрудничающих, взаимодополняющих цивилизаций. Узбекистан дает модель перспективного сотрудничества сообщества культур, этносов, конфессий, основанной на ценностях межконфессиональной и межэтнической толерантности. Так, в Узбекистане в 1995 г. прошла мусульманско-христианская международная конференция «Совместно жить под одним небом». В 1996 г. отмечалось

⁴²² Центральная Азия и культура мира (Бишкек).. 2002. № 1-2. С. 36.

⁴²³ Ярков А. Христианство в Центральной Азии: поиск своего места (культурологический аспект)// <http://www.asiajournal.to.kg/ru/issues/1999/01/yarkov.html>

125-летие Ташкентского и Среднеазиатского Епархиального управления Русской православной церкви, в 2001 г. - 130-летие, в 2006 г. - 135-летие, в 2011 г. - 140-летие. Были отмечены также 100-летний юбилей первой в Центрально-азиатском регионе лютеранской церкви Евангелическо-лютеранской общины Узбекистана, 100-летие начала строительства Ташкентского католического костела, 100-летие Армяно-григорианского храма в Самарканде и т.д. В нынешних условиях востребован именно объемный взгляд на национальные истории, их совместное прочтение профессиональными сообществами специалистов различных общественных наук (историками, философами, этнологами, культурологами, социологами, политологами и т.д.), выявление в них предпосылок позитивного сосуществования народов, их совместного движения к диалогу и добрососедству. Актуальность обсуждения стремительно возрастает в историческом контексте развития идентичности в условиях глобализации и в целях предотвращения конфликтных толкований событий прошлого.

История развития цивилизации – это история диалога, этнокультурных и конфессиональных контактов на региональном, государственном, групповом, индивидуальном уровнях. Из самой возможности пересадки элементов культуры (религии, языка, обычаев, особенностей хозяйства и быта и т.д.) с одной этнической почвы на другую, из реальной возможности органического синтеза элементов различных этнических культур можно сделать выводы о наличии глубоких общечеловеческих основ в культуре любого этноса. Наличие элементов единой общечеловеческой культуры в каждой этнической культуре – это реальная основа для диалога, и возможно – последующей межэтнической культурной интеграции, которая всегда способствует обогащению духовной сферы общества. Мы имеем дело с сочетанием двух основных тенденций в развитии эт-

нических культур: тенденции к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденции к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

Заключение

К настоящему времени заложены необходимые основы исследования многогранного опыта Республики Узбекистан по гармонизации межнациональных отношений как важнейшего направления национальной политики суверенного Узбекистана, приоритетного условия обеспечения социально-политической стабильности общества. Вместе с тем в объемном изучении глобальной темы сделаны только первые шаги. Существует широкий диапазон вопросов, которые ещё практически не рассматривались. Накопленные по данному направлению обществоведческой мысли знания носят преимущественно фрагментарный характер, отличаются аморфностью и внесистемностью. Отечественная историография до последнего времени не обладает ни одной обобщающей работой, в которой был бы комплексно рассмотрен новаторский опыт гармонизации межнациональных отношений, аккумулированный за годы независимости в Республике Узбекистан. Поэтому, учитывая актуальность и высокую общественную значимость проблемы, её следует рассматривать в качестве перспективного объекта специального изучения.

Демократическая этнополитика Республики Узбекистан опирается на следующие принципы:

- равноправие этнических групп,
- межнациональное, межэтническое согласие и толерантность,
- сочетание этнонациональных и общегосударственных интересов,
- запрет недемократического решения национального вопроса (национализм, расизм, фашизм, апартеид, сегрегация, депортации, насильственные миграции, насильственная ассимиляция и т.д.),
- поддержка прав меньшинств на сохранение этнической самобытности и своеобразия;

Этнический состав населения Узбекистана на протяжении длительного времени менялся в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов. Многонациональная культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития. Существуют две основные тенденции в развитии этнических культур: тенденция к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденция к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание – тем сильнее тяга к взаимодействию.

В Узбекистане, как полиэтническом государстве, велики роль и значение диаспор, с чем приходится постоянно считаться, создавая соответствующие координирующие органы. В Узбекистане таким органом является Республиканский интернациональный культурный центр (РИКЦ). Руководством государства активно используются ресурсы, которые дает этническая близость между диаспорами и зарубежными государствами. Так, стало распространенной практикой включать в состав официальных делегаций при визитах в ту или иную страну руководителей соответствующих национально-культурных центров и обществ (корейских центров - при визитах в Корею, немецких - при визитах в Германию, русских центров – при визитах в Россию и т.д.). С другой стороны, наличие узбекских диаспор в различных странах (нами был рассмотрен вопрос диаспоры в России) также способствует укреплению связей.

Современные проблемы, противоречия и конфликты в сфере национальных отношений являются сложной и специфической частью социальной реальности. Недооценка их чревата серьезными последствиями для общественного развития, безо-

пасности социума, а это требует тщательного и всестороннего анализа и обобщения полученных данных: раскрытие причин, порождающих проблемы, противоречия и национальные конфликты, механизма протекания, поиски вариантов решения и возможностей управления ситуациями и их возможными социальными последствиями.

Узбекистан является не только полиэтническим, но и поликонфессиональным государством. Вопрос межконфессиональных отношений во многом предопределяет стабильность общества и устойчивость его развития, т.к. внедрение в жизнь политики государства во многом зависит от ее поддержки различными конфессиями.

На основе научных обобщений и теоретических выводов нам бы хотелось выдвинуть ряд практических рекомендаций, осуществление которых, на наш взгляд, могло бы способствовать совершенствованию межэтнических отношений и этнической политики:

1.Республике Узбекистан необходима «Концепция этнической политики и межэтнических отношений» на основе лучших достижений отечественного и зарубежного опыта. Фундамент этой концепции могли бы составить следующие принципы, в той или иной степени уже реализуемые на практике:

- равенство всех граждан независимо от их национальности, расы, языка, вероисповедания и т.д.;

- полное и категорическое отрицание всех видов антигуманной и антидемократической этнополитики: национализм, шовинизм, расизм, геноцид, апартеид, дискриминация, депортация и принудительная миграция, насильственная ассимиляция и т.д.;

- соблюдение социальной справедливости в отношении представителей всех национальностей и этнических групп;

- приложение максимума усилий для сохранения нацио-

нально-культурного многообразия общества, т.е. сохранение национального своеобразия всех этнических групп;

- гарантии защиты прав и интересов этнических и конфессиональных меньшинств, обеспечение сохранения и развития их языков, культур, традиций, полноценного участия в политической, экономической, социальной, культурной жизни республики;

- признание за государством права на вмешательство в развитие межэтнических отношений лишь в случаях прямой угрозы серьезного этнического конфликта;

- утверждение в Республике Узбекистан в полном объеме принципов и норм Всеобщей Декларации прав человека, всей системы международно-правовых норм в этнополитической сфере.

2. Целесообразно продолжать практику создания и развития национально-культурных центров для различных национальностей, проживающих в Республике. На 1.01.2015 г. их насчитывалось свыше 140. Следовало бы, исходя из имеющихся возможностей, рекомендовать всестороннее расширение развития национальных культур всех этнических групп, и особенно – малочисленных. Целесообразно, в этой связи, продолжать развитие прессы на различных языках, радиопередач, телепрограмм, кинофильмов, литературных публикаций, в особенности на таких языках как каракалпакский, таджикский, казахский, кыргызский, туркменский, уйгурский, корейский, татарский, русский и т.д. Желательно увеличивать возможности получения общего, среднего специального, профессионального и высшего образования на родных языках, причем как в республике, так и за её пределами – на межгосударственной договорной основе.

3. Национально-культурным центрам полезно было бы продолжать и развивать ценный опыт ознакомления многонационального населения республики с культурой своих националь-

ностей – с обычаями, традициями, обрядами, праздниками, кулинарией, фольклором и т.д.

4. Областным, городским, районным хокимиятам, махалинским комитетам желательно иметь чёткое представление об этнической структуре населения подведомственных им территорий, а также быть в достаточной мере информированными о нуждах, запросах, интересах всех национальностей и этнических групп. Для этой цели желательно в областных и крупных городских хокимиятах иметь отделы (подотделы) по вопросам этнических групп, в районных и немногочисленных (по населению) городских хокимиятах – должность ответственного по работе с этническими группами, желательно в ранге заместителя хокима.

5. В Законодательной палате Олий Мажлиса желательно создать специальный комитет – по этнической политике (по межэтническим отношениям), а в комитетах по законодательству, по правам человека, по культуре и т.д. – создать подкомитеты (комиссии) по данному вопросу.

6. Республиканскому интернациональному культурному центру целесообразно представить право законодательной инициативы. Национально-культурным центрам наиболее значительных этнических групп населения (таджиков, казахов, русских, корейцев и т.д.) желательно обеспечить депутатскую квоту. Было бы полезно разработать механизм пропорционального представительства в законодательных органах республики всех наиболее значительных этнических групп населения.

7. Во всех типах учебных заведений было бы целесообразно включать в курсы общественно-гуманитарных дисциплин (прежде – исторических) темы по тем или иным аспектам межэтнических отношений и этнополитических процессов, например, по этнической структуре Узбекистана, по истории национального вопроса в республике, по развитию культуры

межэтнического общения и т.д. При наличии возможностей желательно было бы вводить специальные курсы по данным вопросам. Кроме того, мы считаем полезным проведение во внеучебное время мероприятий, связанных с формированием у учащихся высокой культуры межэтнического общения.

8. Стабильность и дружелюбность в межэтнических отношениях можно обеспечить лишь в том случае, если люди различных национальностей могут непосредственно общаться друг с другом, знакомиться с достижениями друг друга. Поэтому было бы целесообразно восстановить добрые традиции Дней, Декад, Месячников культуры.

9. С целью ознакомления с передовым опытом решения проблем этнополитических процессов и межэтнических отношений целесообразно развивать практику созыва в республике регулярных республиканских и международных научно-теоретических и научно-практических конференций, симпозиумов, круглых столов, семинаров с приглашением ведущих теоретиков и практиков в данной сфере. Определенный опыт такого рода уже накоплен, за последние годы прошло довольно много мероприятий⁴²⁴.

В целом этнополитика Республики Узбекистан имеет достаточные теоретические, историко-демографические, правовые, культурные основания для своего дальнейшего развития и совершенствования в условиях системной трансформации социума, демократизации, модернизации и обновления, развития правового государства и гражданского общества.

⁴²⁴ Были проведены конференции на темы: «Развитие межнациональных отношений в независимом Узбекистане» (Ташкент, 2012), «Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы» (Ташкент, 2012), «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества: социальные и духовные аспекты» (Ташкент, 2013), «Теоретико-методологические проблемы этнологии Узбекистана» (Ташкент, 2014), «Межнациональное и гражданское согласие – важный фактор в обеспечении процветания страны» (Ташкент, 2014) и т.д.

Перечень сокращений и аббревиатур

Автореф. - автореферат

Акад. – академик

АН – Академия наук

АН РУз - Академия наук Республики Узбекистан

БГУ – Белорусский государственный университет

БухГУ – Бухарский государственный университет

В. – век

Вв. – века

Воен. – военный (ая, ое)

Вып. - выпуск

Г. – год (город) в зависимости от контекста

Гг. – года

ГАФО – Государственный архив Ферганской области

Гл. - глава

ГУ – ВШЭ – Государственный университет – высшая школа
экономики

Дисс. - диссертация

Д.и.н. - доктор исторических наук

Д.п.н. - доктор политических наук

Д.с.н. - доктор социологических наук

Д.филос.н. - доктор философских наук

Доц. – доцент

Зав. - заведующий

Зам. - заместитель

ИВ АН РУз - Институт востоковедения им. Беруни Академии наук Республики Узбекистан

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

ИИ – Институт истории

ИИ АН РУз - Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

ИИНСА - Институт истории народов Средней Азии

Ин-т – институт

ИФП АН РУз – Институт философии и права им. И.М. Му-
минова Академии наук Республики Узбекистан

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Россий-
ской академии наук

К.и.н. – кандидат исторических наук

К.п.н. – кандидат политических наук

К.с.н. – кандидат социологических наук

К.филос.н. – кандидат философских наук

КазГПУ – Казахский государственный педагогический уни-
верситет

ККО АН РУз – Каракалпакское отделение Академии наук
Республики Узбекистан

КМЦНИ – Координационно-методический центр по новей-
шей истории при Минвузе РУз

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии

Л. – Ленинград

ЛОИЭ – Ленинградское отделение Института этнологии

М. – Москва

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МВД – Министерство внутренних дел

МГУ – Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова

МИД – Министерство иностранных дел

Минвуз РУз – Министерство высшего и среднего специаль-
ного образования Республики Узбекистан

МКВК – Межгосударственная координационная водохозяй-
ственная комиссия

МККК – Международный комитет Красного Креста

Мн. – Минск

МОН РК – Министерство образования и науки Республики
Казахстан

МЭиМО – Мировая экономика и международные отноше-
ния (журнал, Москва)

НАН РБ – Национальная академия наук Республики Беларусь
НС – Народное слово (газета, Ташкент)
НУУз – Национальный университет Узбекистана
НЦПЧ - Национальный центр по правам человека
ОМПЧ – Общественное мнение. Права человека (журнал, Ташкент)
ОНС – Общественные науки и современность (журнал, Москва)
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане (журнал, Ташкент)
ООН - Организация Объединенных Наций
Отв. ред. – ответственный редактор
ПВ – Правда Востока (газета, Ташкент)
Полис – Политические исследования (журнал, Москва)
Пред. – председатель
ПРООН – Программа развития ООН
Проф. - профессор
РАН - Российская академия наук
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
Ред. - редактор
РУз – Республика Узбекистан
С. - страница
СамГУ– Самаркандский государственный университет
Сб. – сборник
Сб.ст. – сборник статей
Социс - Социологические исследования (журнал, Москва)
СПб – Санкт-Петербург
СЭ – Советская этнография (журнал, Москва)
т. – том
ТашГУ – Ташкентский государственный университет
ТашПИ - Ташкентский политехнический институт им. Беруни
ТГИВ – Ташкентский государственный институт востоковедения

ТГПИ – Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами

ТГПУ – Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами

ТГТУ – Ташкентский государственный технический университет им. Беруни

ТИИМСХ – Ташкентский институт инженеров ирригации и мелиорации сельского хозяйства

ТИИМ - Ташкентский институт ирригации и мелиорации

Тт. - тома

УМЭД – Университет мировой экономики и дипломатии

Ун-т – университет

УТ – Узбекистон тарихи (журнал, Ташкент)

Уч. зап. – ученые записки

ФГУ – Ферганский государственный университет

ФП – Ферганская правда (газета, Фергана)

ЦА - Центральная Азия

ЦАиК - Центральная Азия и Кавказ (журнал, Швеция)

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ЦИОМ – Центр изучения общественного мнения

Ч. - часть

Член-корр. – член-корреспондент

ЭО – Этнографическое обозрение (журнал, Москва)

ЮНЕСКО – Организация объединенных наций по образованию, науке и культуре

Литература:

Официально-документальные материалы, источники:

1. Каримов И.А. Постановление Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «О подготовке и проведении празднования 24-летия Независимости Республики Узбекистан» от 17.07.2015 г.
2. Абдумажидов Г. «Узбекистон Республикасининг давлат тили хақида»ги конунга шарҳлар. – Комментарий к Закону «О государственном языке Республики Узбекистан». Ташкент: Адолат, 1999. – 62 с.
3. Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. Сборник документов. М., 1994.
4. Бугай Н.Ф., Гонов А.И. Кавказ: Народы в эшелонах (20-60-ые гг.) М.: ИНСАН, 1998 – 363 с.
5. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Ташкент, 1995, № 12, Ст. 257.
6. Всеобщая декларация прав человека. Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М., 1998. - 753 с.
7. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том XV. М., 1928.
9. Гаспринский И. Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского. Казань, 1894.
10. Гинзбург А.И. Узбекистан: Этнополитическая панорама. Очерки, документы, материалы. Национальные культурные общества. М.: ИЭА РАН, 1995.
11. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам// Действующее международное право. Т. 2. М., 1999.

12. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между РФ и РУз// Действующее международное право. Т. 1. М., 1999. С. 115-116.
13. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб, 1869.
14. Доклад о человеческом развитии. Узбекистан. 1998. Ташкент: ПРООН, 1999.
15. Доклад о человеческом развитии. Узбекистан 1999. Ташкент: ПРООН, 2000.
16. Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.
17. Ежегодный доклад 2006 Сети этнологического мониторинга. Под ред. В.А. Тишкова и Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2007.
18. Ежегодный доклад 2007 Сети этнологического мониторинга. Под ред. В.А. Тишкова и В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2008.
19. Ежегодный доклад 2008 Сети этнологического мониторинга. Под ред. В.А. Тишкова и В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2009.
20. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., МККК, 1997. - 319 с.
21. Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан»// Конституционное право Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. Т. 1.
22. История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI–первой половины XIX в. Сост. Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1988. – 256 с.
23. История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20-80-е годы XIX в.) Сост. Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1990. – 194 с.
24. Источники грузинской летописи. Три хроники. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа.

Тифлис, 1900. Вып. 28.

25. Источниковедение истории Узбекистана. Хрестоматия. Ташкент: ИИНСА, 2008. – 343 с.

26. Каирская декларация прав человека в исламе // Документ A/45/421 Генеральной Ассамблеи ООН.

27. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: Адолат, 2015.

28. Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни с пояснительными примечаниями. // Человек и право. № 3 (5), Алматы, 2000. С. 6-23

29. Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986.

30. Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Под ред. акад. Б.А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 2003. – 218 с.

31. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 21 декабря 1965 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1999.

32. Миграция населения в странах СНГ. Доклад МОМ. Женева: МОМ, 1996.

33. Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению основных положений конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации». Отв. ред. А.Х. Саидов. Т., НЦПЧ, 1999. – 56 с.

34. Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению положений «Международного пакта о гражданских и политических правах». Отв. ред. А.Х. Саидов. Т.: НЦПЧ, 1999. – 104 с.

35. Национальный центр РУз по правам человека. VIII-IX Национальный Доклад по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Ташкент: НЦПЧ, 2012.

36. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 года. СПб, 1905. Т. 69.

37. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25.

38. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчёт Хельсинкской группы по правам человека. 1991. Сентябрь.

39. Русско-индийские отношения в XVII веке. Сб. док. М., 1958.

40. Сборник международно-правовых документов и национальных законодательных актов по вопросам беженцев. Мн.: Тесей, 2000. - 464 с.

41. Страны и народы Востока. СПб., 1998. Вып. 30.

42. Тайны национальной политики ЦК РКП. (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь, 1923 г.). - М.: ИНСАН, 1992. - 296 с.

43. Трудовой Кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1999.

44. Труды АН Таджикской ССР, т. 25. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 2, Сталинабад, 1954.

45. Турки-месхетинцы: долгий путь к реабилитации. Сб. документов. Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994.

46. Тюриков В., Шагулямов Р. По пути независимости. Республика Узбекистан. Люди. События. Факты. 1991-2000. Ташкент: Узбекистан, 2000.

47. Этническая психология. Хрестоматия. СПб.: Речь, 2003. - 320 с.

48. Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / Под ред. В.А.

Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2007. 440 с.

49. Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2007 / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2008. - 532 с.

50. Этнологический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 552 с.

51. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад 2009 Сети этнологического мониторинга. Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010. – 585 с.

52. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 513 с.

53. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 641 с.

54. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2013. - 676 с.

55. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Отв. ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. - 643 с.

Документы архивов:

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ЦГА Азербайджана

ЦГА Армении

ЦГА Грузии

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАФО – Государственный архив Ферганской области

Книги:

1. VIII-я Международная научная конференция «Сорокинские чтения». Социальное неравенство как глобальная проблема современности. М.: Макс-Пресс, 2013. – 320 с.

2. X Конгресс этнографов и антропологов России: Современный город и социально-культурная модернизация России. Сб-к материалов. М.: ИЭА РАН, 2013. – 302 с.

3. XI Конгресс антропологов и этнологов России: Контакты и взаимодействие культур. Сб-к материалов. М. – Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – 504 с.

4. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». — М.: Мысль, 1991. — 171 с.

5. Абдулатипов Р.Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. М.: Слаянский диалог. – 1999. – 228 с.

6. Абдулатипов Р.Г. Заговор против нации: национальное и националистическое в судьбах народов. СПб.: Лениздат. 1992. - 193 с.

7. Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М.: Слав. диалог, 1997. - 32 с.

8. Абдуллаев У.С. Фаргона водийсида этнослараро жараёнлар. Ташкент: Янги аср авлоди, 2005. – 215 с.

9. Абдуллаев Ш.М. Современные этносоциальные и

этнополитические процессы в Ферганской долине. Фергана: ФГУ, 1992.

10. Абдуллаев Ш.М., Рахимов М.Р. Социально-экономические и социально-психологические проблемы узбекского кишлака. Фергана: ФГУ, 1992.

11. Аббаров С.А. Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 – июнь 1941 гг. Ташкент: Фан, 1995. – 214 с.

12. Абсаттаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. Алматы: Гылым, 1995. – 245 с.

13. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. Ставрополь: СГПУ, 1993. — 222 с.

14. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. Ставрополь: СГУ, 1996. – в 2 ч.

15. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. - 268 с.

16. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. – М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.

17. Авксентьев В.А. Демократия: конфликтность и толерантность. - Воронеж: ВГУ, 2002. - 402 с.

18. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990

19. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – 472 с.

20. Алиев Ф.Ф. Очерки по лексике языка турок Казахстана. Алма-Ата, 1978.

21. Амелин В.Н. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.

22. Амелин В.Н. Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии. М., 1993.

23. Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. М., 1994
24. Андреев В.И. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов. - Казань: СКАМ, 1992. - 142 с.
25. Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск: Наука, 1987. – 243 с.
26. Антропология насилия. Отв. ред. Бочаров В.В., Тишков В.А. СПб, 2001.
27. Анчабадзе Ю.Д. Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998.
28. Арифханова З. Современная жизнь традиционной махалли Ташкента. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. - 29 с.
29. Арифханова З.Х., Зунунова Г.Ш. Обрядово-ритуальная жизнь узбеков Ташкента в условиях независимости./ Отв. ред. Назаров Р.Р. Ташкент: ИИ АН РУз, 2006. – 93 с.
30. Артыкбаев Ж. Этнология и этнография. Астана: Фолиант, 2001. - 304 с.
31. Арутюнов С.А. В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М., 1999.
32. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. - М.: ИНФРА-М, 2012. - 416 с.
33. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М.: Наука, 2003. - 207 с.
34. Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке. Ташкент: Фан, 1991. – 123 с.
35. Ата-Мирзаев О.Б., Гентшке В.Л., Муртазаева Р.Х. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Ибн Сино, 1998. – 160 с.
36. Аудиовизуальная антропология: теория и практика. М.: ТЭИС, 2008. - 358 с.
37. Ахунова М.А., Лунин Б.В. История исторической науки

в Узбекистане: Краткий очерк. - Ташкент, 1970.

38. Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. Тошкент: А.Навоий номидаги Ўзб-н Миллий кутубхона, 2007. – 275 б.

39. Балашов Ю.А. Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. Нижний Новгород: изд-во «Медина», 2008. – 219 с.

40. Баранов А.В. Взаимодействие акторов региональных политических процессов в постсоветской России. – М.: изд-во «Социально-политическая мысль», 2007.

41. Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. Тбилиси, 1998.

42. Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала философской антропологии. — М.: «Онега», 1994.— 252 с.

43. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.: МПСИ; Воронеж: НПО, 2000. - 208 с.

44. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, 2 изд., М., 1966.

45. Бизаков С. Ветви одного могучего дерева (Тюркские народы). Историко-этнографические очерки. Алматы: Билим, 2002. – 324 с.

46. Бозоров О. 1989 йилдаги Фарғона фожиаси: унинг сабаб ва оқибатлари. Ташкент: Фан, 2010. – 85 с.

47. Блохин И.Н. Журналистика в мире национальных отношений: политическое функционирование и профессиональное участие. СПб.: изд-во СПбГУ, 2008.

48. Бочарников И.В. Сепаратизм: истоки, тенденции и опыт преодоления. М.: Воентехиздат, 2007.

49. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. – 334 с.

50. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Человечество – это народы. М., 1990.
51. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. – 418 с.
52. Бруси́на О.И. О некоторых причинах межнационального конфликта в Ошской области. М., 1990. -
53. Бруси́на О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы . Конец XIX – начало XX вв. М., 2001.
54. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане. Изд. 2-е. М., 1997.
55. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992.
56. Введение в этническую психологию. СПб, 1995
57. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
58. Взаимодействие культур Запада и Востока. — М: Наука, 1991, — 168 с.
59. Взаимодействие политических и межнационально-этнических конфликтов. Ч. 1,2. М., 1994.
60. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.
61. Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент - Самарканд: изд-во РНПЦ им. Бухари, 2007.
62. Владимир (митрополит Среднеазиатский и Ташкентский). ...А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество? – Ташкент, 2000.
63. Гаджылы А. На чужбине (этническая культура месхетинских турок). Баку, 1992.
64. Ганиева М.Х. Общественное мнение как фактор развития межнациональных отношений в Узбекистане. Ташкент: Университет, 2006. – 168 с.

65. Ганиева М.Х. Этносоциология. Ташкент: НУУз, 2006. – 118 с.
66. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и образ врага. М., 1994.
67. Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М.: Старый сад, 2008. - 387 с.
68. Гендер и религия / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: ИЭА РАН, 2009. - 328 с.
69. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
70. Гозалишвили Г. Два этюда из истории Понта и Каппадокии. Тбилиси, 1967.
71. Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.: «Издательство ИКАР», 2011. - 266 с.
72. Губаева С.С. Население Ферганской долины в кон. XIX – нач. XX вв. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991. – 127 с.
73. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. — М.: Наука, 2003. - 764 с.
74. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М., 1998. - 816 с.
75. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.
76. Джаббаров И. Древний Хорезм — страна высокой культуры и уникальной духовности (Этно-исторические очерки). М.: ИЭА РАН, 2014. - 304 с.
77. Джелилова И.К., Сухарев В.А. Социальные конфликты. М.: МГУП, 2001. - 58 с.
78. Джемаль Г. Освобождение ислама. М., 2004.
79. Джунусов М.С. Национализм в различных измерениях. Алма-Ата, 1990.

80. Дониёров А. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке. Ташкент: Янги аср авлоди, 2005. - 332 с.
81. Дониш А. Путешествие из Бухары в Петербург. Душанбе: Ирфон, 1960.
82. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
83. Духовность на рубеже тысячелетий. Ташкент: РИКЦ, 2000. – 77 с.
84. Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.
85. Жураев У., Саиджонов П. Дунё динлари тарихи. – Ташкент, 1998.
86. Здравомыслов А.Г. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н.Новгород, 1993. - 145 с.
87. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. - М.: Аспект- Пресс, 1997.
88. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996
89. Земля у нас одна. Сб. Ташкент: Узбекистан, 1991. – 168 с.
90. Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (2-я половина XVI — XIX вв.). Ташкент, 1964.
91. Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) / ИПНЭ. Вып. 222. - М: ИЭА РАН, 2010. - 28 с.
92. Зубкова Е.Ю. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
93. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
94. Идеология независимости: истоки, проблемы и пути реализации. Ташкент: ТашГУ, 1994.
95. Изучение общественного мнения: теория и практика. Ташкент: Ижт. фикр, 1999.
96. Искандаров Б.И. Бухара (1918-1920). Душанбе, 1970.

97. Ислам в России: Традиции и перспективы. М., 1998.
98. Историко-культурное наследие и современная этнология. М.:ИЭА РАН, 2011. - 219 с.
99. Историко-культурное наследие Центрально-Азиатского региона. Ред. В.М. Викторин. Вып. 1. Уральск: Евразия, 2000. – 88 с.
100. Историко-культурные взаимосвязи России и Узбекистана. Материалы международных научных чтений памяти Алишера Навои. Отв. ред. А.В. Сызранов. Астрахань: Color, 2013. – 146 с.
101. История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2006. – 390 с.
102. История и самосознание-2: Узбекистан и Германия в XX веке. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2007. – 242 с.
103. История и самосознание-3: изложение истории в Узбекистане и Германии. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2008. – 238 с.
104. История Казахстана и Центральной Азии. Отв. ред. М.Х. Абусейтова, Н.Э. Масанов, А.М. Хазанов. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 616 с.
105. История ментальностей. Историческая антропология. М., 1996
106. Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. – М.: изд-во «Экзамен», 2005.
107. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972.
108. Конституция Республики Узбекистан – образование и воспитание молодёжи. Ч. 3. Том 1. Ташкент: Филиал МГУ, 2014. – 328 с.
109. Конфликты в социальной сфере. Материалы V-й Всероссийской научно-практической конференции. Казань: КНИТУ, 2012.
110. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества: социальные и духовные аспекты. Ташкент: НУУз, 2013.

111. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 140 с.

112. Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги. М.: Наталис, 2006. – 597 с.

113. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. - 400 с.

114. Кузнецова С.И. Этносоциальные проблемы государств Центральной Азии. М.: ИНИОН, 1995. – 64 с.

115. Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: ИФ МН-АН РК, 1997. – 160 с.

116. Культурные границы и границы в культуре. М.: ИЭА РАН, 2013. – 280 с.

117. Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов. М., 1995.

118. Кушербаев Е.К. Основы этнополитологии. Алматы: ИРК, 1996. – 56 с.

119. Кушкумбаев С.К. Центральная Азия на путях интеграции: геополитика, этничность, безопасность. Алматы: Казакстан, 2002. – 200 с.

120. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию, М., 1999.

121. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2007. - 527 с.

122. Лиманов О., Кадыров Б. Межнациональные и межконфессиональные отношения. Ташкент, 2006.

123. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917) (по архивным материалам). – Елец, 1998.

124. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. - 555 с.

125. Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989-го. М.: Книга, 1990. – 110 с.

126. Макатов И.А. Отождествление религии и национальной культуры: за и против. Ташкент, 1989.

127. Малькова В.К. Мобилизация этнических сообществ в современной России: По материалам этнических СМИ. М.: ИЭА РАН, 2011. - 209 с.

128. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Изд-во РУДН, 2004. - 348 с.

129. Махкамова Н. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. - 30-е годы XX в.). Ташкент: Aloqachi, 2009. – 236 с.

130. Международный опыт урегулирования этнополитических конфликтов. Под ред. Р. Хакимова. Казань: Панорама-Форум, 1996. – 156 с.

131. Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности. Самара: СамНЦ РАН, 2008.

132. Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. М.: РАГС, 2008. – 848 с.

133. Межкультурный диалог: воспитание толерантности и противодействие экстремизму. Под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2009. - 280 с.

134. Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика (социально-экономическая и духовная интеграция различных этнических групп в современное узбекистанское общество). Ташкент: РИКЦ, 2004. – 92 с.

Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. — СПб., 1994.

Межнациональные отношения современности. Ташкент: Фан, 1991.

Межэтническая интеграция: история, современность, перспективы. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 23–25 ноября 2006 г. М.: ИЭА РАН, 2008. - 348 с.

Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. - М.: ИЭА РАН, 2011.

Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.

Методология изучения общественного мнения в Узбекистане. Ташкент: ЦИОМ «Ижт. Фикр», 2004. - 197 с.

Миграции в историко-антропологической перспективе. Материалы IX Конгресса этнографов и антропологов России. М.: ИЭА РАН, 2012. - 139 с.

Миллатлараро ва фуқаролараро тотувлик – юрт ободлигини таъминлашнинг муҳим омили. - Межнациональное и гражданское согласие – важный фактор в обеспечении процветания страны. Ташкент: Узбекистон, 2014. – 456 с.

Миллатлараро ҳамжихатлик – барқарорлик омили. - Межнациональное согласие – гарантия стабильности. Ташкент: РИҚЦ, 1999. – 265 с.

Миллий гоё – бизнинг гоё. Ташкент: РИҚЦ, 2001. – 139 с.

Мир ислама: история, общество, культура – The World of Islam: History, Society, Culture. М.: РУДН, 2010.

Мнацаканян М.О. Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). - М.: Анкил, 1999.

Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

Мультикультуральная современность: Урал – Россия – Мир. Мат-лы 12-ой Всероссийской научно-практической конф. Екатеринбург: Гум. Университет, 2009. Т. 1. – 776 с.

Мустақил Ўзбекистон ва миллатлараро муносабатлардаги барқарорлик. Отв. ред. Р.Х. Муртазаева. Т.: ТошДУ, 1995. – 203 с.

Мустақил Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар маданияти. - Культура межнациональных отношений в независимом Узбекистане. Отв. ред. К.Р. Расулов. Ташкент: Мехнат, 1995. – 180 с.

Мустақил Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар ривож. - Развитие межнациональных отношений в независимом Узбекистане. Ташкент: Узбекистон, 2012.

Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ

государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864-1917). – Ташкент: Бактрия-пресс, 2013. – 256 с.

Назаров Р.Р. Полиэтнический социум Узбекистана (историко-социологический аспект). Ташкент: Ижтимоий фикр, 2013. – 144 с.

Национализм в мировой истории / Отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2007. - 601 с.

Национализм: идеология и политика. - Казань, 1996.

Национально-этнические процессы в региональном политическом пространстве. Саратов: СГЮА, 2014. – 448 с.

Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. статей под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. - М.: ИРИ РАН, 2001.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. – 446 с.

Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик. Отв. ред. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. – 349 с.

Национальный вопрос в развитых капиталистических странах. - Вып. 2. М.: ИНИОН, 1980.

Новейшая история Узбекистана: теоретико-методологические основы, опыт изучения, источники и методы. Ташкент: УМЭД, 2013. – 231 с.

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. 2-е изд. / Под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М.: Росинформротех, 2009. - 400 с.

Образ человека будущего: *Кого и Как* воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография. Киев: Кондор, 2011. – Т.1. – 328 с.

Образование и наука на пороге третьего тысячелетия. Конгресс ЮНЕСКО. Новосибирск: СО РАН, 1995.

Общее и особенное в трансформации социальной сферы общества в странах СНГ. Уфа: АН РБ, 2000.

Овчинников В.В. Внутренние вооруженные конфликты на территории постсоветской России: предупреждение, урегулирование. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.

Ольшанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург - М., 2002.

Отамуротов С. Миллий муносабатларнинг сиёсий жихатлари. Т., 1996.

Очерки новейшей истории Узбекистана. Ташкент: Адабиёт учкунлари, 2015. – 352 с.

Очерки новейшей истории Узбекистана: вопросы методологии, историографии и источниковедения. Ташкент: КМЦНИ, 2014. – 227 с.

Очилдиев А.С. Миллий гоё ва миллатлараро муносабатлар. Ташкент: Узбекистон, 2004. – 133 с.

Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. М.: Звенья, 1999. – 221 с.

Перспективы социальных преобразований в Республике Узбекистан в контексте устойчивого развития. Ташкент: Фан ва технология, 2014. – 274 с.

Платонов Ю.П., Почебут Л.Г. Этническая социальная психология. СПб, 1993

Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривополитические и международные проблемы. М., 2000.

Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: МГУ, 1980. – 168 с.

Пономарев И. Б. Проблема конфликта в зарубежной литературе по психологии. — М., 1983.

Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003.

Постсоветское пространство как языковой проект: медиа, политика, культура. М.: НИУ ВШЭ, 2013.

Права этнических и религиозных групп Республики Узбекистан: проблемы и решения. Ташкент: НЦПЧ, 2000.

Практические аспекты профилактики экстремизма и противодействия распространению его идеологии в молодежной среде. М.: МГОГИ, 2013. – 172 с.

Проблемы отчуждения в общественном развитии. Караганда: КГУ, 1992

Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов). — Саратов: Изд-во ПАГС, 1998. - 260 с.

Проблемы формирования толерантного сознания и профилактики терроризма, экстремизма в молодежной среде. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. – 288 с.

Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М.: ИЭА, 1991. – 130 с.

Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). – М.: ООО «Издательство ГНОМ и Д», 2002.

Психология национальной нетерпимости. Мн.: Харвест, 1998

Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: Аспект-Пресс, 1997. – 447 с.

Рафатов М.Р. Месхетия и месхи. Бишкек, 1996.

Рахманкулов Х.Р., Рахманов А.Р. Права человека: История и современность. Ташкент: МЭП, 1998. – 262 с.

Религия и медиа. М.: МГУ, 2010.

Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Великий Новгород. М.: Научный эксперт, 2013. — 992 с.

Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Ташкент: Навруз, 2013. – 544 с.

Россия и современный мир: проблемы политического развития. Под ред. Д.В. Васильева, Н.В. Кузнецовой. М.: ИБП, 2008.

Ртвеладзе Э., Ртвеладзе Л. Мусульманские святыни Узбекистана. Ташкент: 1996.

Русская Православная Церковь в Средней Азии: 140 лет добрососедства с Исламом. Ташкент: ТиУЕУ РПЦ, 2011.

Сагитов Р.Р. Ферганские события 1989 года (по материалам периодической печати). Ташкент, 2008. – 54 с.

Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962.

Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). Алматы, 1996.

Свидетели репрессий тоталитарного режима в Бухаре: архитектура и люди. Ташкент: Фан ва технология, 2015. – 95 с.

Сикевич З.В. Расколотое сознание: Этносоциологические очерки. СПб, 1996

Сикевич З.В. Этносоциология. Национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб, 1994.

Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. - М.: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.

Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Отв. ред. А.И. Жилина, С.В. Чешко. М.: ИЭА РАН, 1992. Ч. 1. - 190 с., Ч. 2. – 226 с.

Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента. Отв. ред. Ш.М. Абдуллаев. Ташкент: Фан, 2005. – 176 с.

Содружество ради свободы и победы. Узбекистан в 1941-1945 годах. Москва: ИАЦ МГУ, 2015. – 96 с.

Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции. Ташкент, 2009. -167 с.

Социально-политические конфликты в сфере межнациональных отношений и пути их разрешения. - М., 1990.

Средства массовой информации в условиях демократизации общества. Отв. ред. М.Х. Рахманкулов. Ташкент: ИСМИ, 1997. – 94 с.

Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов. Ташкент: Навруз, 2014 . – 274 с.

135. Сухарева О.А. Бухара XIX – начала XX вв. М., 1966.

136. Тарихнинг номаълум сахифалари. Вып. 2. Ташкент: Укитувчи, 2011. – 306 с.

137. Тарихнинг номаълум сахифалари. Вып. 3. Ташкент: Узбекистон, 2012. – 280 с.

138. Тарихнинг номаълум сахифалари. Вып. 4. Ташкент: изд. Г. Гуляма, 2013. – 278 с.

139. Ташкент – жемчужина исламской цивилизации. Ташкент: 2007.

140. Ташкент – столица исламской культуры. Ташкент: 2007.

141. Тен М.Д. Современная этнокультурная идентичность корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования).. Ташкент: Экстремум-пресс, 2013. – 123 с.

142. Тимошинов В.И. Культурология: Казахстан – Евразия – Восток – Запад. Алматы: Ниса, 1997 – 336 с.

143. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. – 532 с.

144. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по

социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. — 544 с.

145. Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. -М.: ИЭА РАН, 1996. - 40 с.

146. Толерантность как фактор социальной стабильности общества. Ташкент: НУУз, 2004.

147. Томилов Н.А. От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск, 1995.

148. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

149. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. — М.: РОССПЭН, 2003. - 432 с.

150. Традиционная культура в современном информационном пространстве. М.: ИЭА РАН, 2012. — 107 с.

151. Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицero», 2011. — 270 с.

152. Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова ; ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т истории АН РУз. - М. : Наука, 2011. - 688 с.

153. Узбекистан через пространство и время. Социокультурный альманах. Ташкент: Согдиана, Оптимал лайт, 2010.

154. Ўзбекистон ёшлари ижтимоий-маданий ислохотлар жараёнида. Ташкент: Тафаккур, 2014. — 222 с.

155. Ўзбекистон – кўпмиллатли аҳил оила. - Узбекистан – многонациональная дружная семья. Ташкент: Узбекистон, 2014. — 480 с.

156. Ўзбекистон - умумий уйимиз. — Узбекистан – наш общий дом. Сост. М. Нурматова. Ташкент: Узбекистон, 2001. — 238 с.

157. Ўзбекистон миллатларо хамжихатлик йулида. - Узбекистан на пути межнационального согласия. Ташкент: Университет, 1996. — 167 с.

158. Ўзбекистон мустақиллиги: глобализация ва миллий тараққиёт Навои: НГПИ, 2010.

159. Ўзбекистон халкининг дини, маданияти ва урф-одатлари: тарих ва ҳозирги ҳолат. Тошкент: ТИУ, 2011.

160. Ўзбекистон хотин-қизлари: кеча ва бугун. Ташкент: Ин-т истории АН РУз, 2005.

161. Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Ташкент: ИИ АН РУз, 2004. – 254 с.

162. Ўзбекистон этнологиясининг назарий-методологик муаммолари. Ташкент: Навруз, 2014. – 274 с.

163. Ўзбекистон: юксалиш сари 23 одим (Ўзбекистан: 23 ступени в развитии). Ташкент: Фан ва технологиялар, 2014. – 165 с.

164. Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар ва тарихий жараёнлар. Отв. ред. Р.Х. Муртазаева. Ташкент: НУУз, 2006. – 186 с.

165. Ўзбекистонда миллий давлатчилик назариясининг тарихий-фалсафий ва ҳуқуқий асослари. Ташкент: ИФП, 2005.

166. Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. – Ethnodemographic processes in Uzbekistan. Отв. ред. Р.Х. Муртазаева. Ташкент: НУУз, 2005. Ч. 1. – 286 с.; Ч. 2. – 206 с.

167. Уманский Я.С., Арапов А.В. Диалоги об этнической политике: Узбекистан и Центральная Азия. Ташкент: 1994.

168. Уразаев Ш.З. Государственно-правовые аспекты национальных отношений Ташкент, 1989.

169. Устная история – oral history: теория, методология, практика. Ташкент: ИИ АН РУз, 2011.

170. Устойчивое развитие: значение института семьи, религии, образования и гражданского общества. Алматы, 2007.

171. Ўзбекистон ёшлари ижтимоий-маданий ислохотлар жараёнида. Ташкент: Тафаккур, 2014. – 222 с.

172. Ўзбекистон макон ва замонлар оша. Социомаданий альманах. Тошкент, 2011.

173. Ўзбекистон мустақиллиги: давлат, жамият, шахс. Навои: НГПИ, 2013. – 143 с.
174. Ўзбекистон пойтахти Тошкент 2200 ёшда. Тошкент: Фан, 2009. - 384 б.
175. Ўзбекистон халқининг дини, маданияти ва урф-одатлари: тарих ва ҳозирги ҳолат. Ташкент: ТИУ, 2011.
176. Ўзбекистон этнологиясининг назарий-методологик муаммолари. Ташкент: Навруз, 2014. – 274 с.
177. Ўзбекистон: юксалиш сари 23 одим (Ўзбекистан: 23 ступени в развитии). Ташкент: Фан ва технологиялар, 2014. – 165 с.
178. Фазылов Э.И., Чечулина Л.Г. Русские тюркологи и узбекское языкознание. - Ташкент, 1979. - 216 с.
179. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов – М.: ИА РАН, 2011. – 382 с.
180. Фельдман Д. М. Политология конфликта. — М., 1998.
181. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова. - М.: Наука, 2011. - 670 с.
182. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. – 224 с.
183. Фозилхужаева И.К. Миллатлараро муносабатларни тартибга солиш (давлат-хукукий аспектлари асосида). Ташкент, 1991.
184. Хайдаров Г., Иномов М. Таджикистан: трагедия и боль народа. СПб: Линко, 1993. – 118 с.
185. Ҳайитов Ш. Ўзбек муҳожирлиги тарихи (1917–1991 йиллар). Тошкент: ABU Matbuot-Konsalt, 2008. – 208 б.
186. Ҳайитов Ш., Собиров Н., Легай А. Хориждаги ўзбеклар. – Тошкент: Фан, 1992. – 107 б.
187. Ҳамжихатлик ва бағрикенглик – тараққиёт омили.

Ташкент: РИКЦ, 2001. – 139 с.

188. Хидоятов Г.А. Национальный вопрос в СССР. Вып. 1. Ташкент: Узбекистон, 1991. – 304 с.

189. Художественная культура: интеграция и локализация. Ташкент: Ин-т искусствознания, 1992. – 28 с.

190. Хусниддинов З. Ўзбекистонда диний бағрикенглик. Ташкент: ТИУ, 2006. – 162 с.

191. Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке. Алматы: Дайк-пресс, 2003. – 362 с.

192. Центральная Азия: Человек – общество - государство. Москва: ИВИ РАН, 2013. – 313 с.

193. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2010. -

194. Цивилизация. Независимость. Человек. Ташкент: ТЭИС, 1994.

195. Цивилизация. Независимость. Человек. Ташкент: ТЭИС, 1996. Вып. 2.

196. Человек и культура межнационального общения. Т.: Узбекистан, 1995.

197. Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996. – 309 с.

198. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. – М.: ИЭА РАН, 2000

199. Чумаков А.Н. Глобализация. Контурь целостного мира. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

200. Шалекенов У.М. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII-XIX вв. Алматы: Гылым, 1995. – 168 с.

201. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Историко-этнографическое исследование кипчакского компонента.— Ташкент: Фан, 1974.— 342 с.

202. Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX— начала

XX вв.— Ташкент: Фан, 1981.— 126 с.

203. Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. — Минск, 1996.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

Шодмонкулов И. Социальная структура узбекского общества в условиях вхождения в рынок. Т.: Чулпон, 1994. — 39 с.

Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: Новое лит. обозрение, 2011. Т. 1. - 552 с.; Т. 2. - 848 с.

Шониёзов К.Ш. Карлук давлати ва карлуклар: Ўзбек давлатчилиги тарихидан. Ташкент: Шарк, 1999. — 191 с.

Шониёзов К.Ш. Ўзбек халкининг шаклланиш жараёни. Ташкент: Шарк, 2001. — 464 с.

Шумихин А.Ю., Шумихин А.Я. Этносоциальные конфликты: генезис и пути решения. — М., 1992.

Элебаева А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. М., 1991.

Элебаева А.Б., Иордан М.В. Методологические проблемы исследования противоречий в развитии национальных процессов. Бишкек: Илим, 1992. — 106 с.

Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995.

Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: Весь мир, 1997. — 208 с.

Этнические конфликты в СССР: Причины, особенности, проблемы изучения. Отв. ред. Осипов А.Г. М.: ИЭА РАН, 1991. - 64 с.

Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997.

Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994. — 320 с.

Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; ИЭА РАН. — М.: Наука, 2012.

Этничность. Национальные отношения. Социальные отношения: СПб.: Петрополис. - 1995. - 335 с.

Этнографическое изучение быта и культуры узбеков: Сб.ст. — Ташкент: Фан, 1972. — 160 с.

Этнография каракалпаков. XIX — начало XX века: Материалы исследования.— Нукус, 1980. — 206 с.

Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на материалах Ташкента). Ташкент: ИИ АН РУз, 2011. — 168 с.

Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Постсоветский опыт. Сб. ст. М.: ООО «Интер-Принт», 2008. - 298 с.

Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик - Этнос и культура: традиционность и современность. — Ethnos and Culture: Traditions and Modernity. Т.: Фан, 2010. -

Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку: Заман, 2000. — 164 с.

Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003.

Юнусова Х. Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар ва маънавий жараёнлар (XX аср 80-йиллари мисолида). Ташкент: Abumatbuot-konsalt, 2009. - 176 б.

Статьи:

1. Аббасова А. К вопросу о религиозном факторе в современном Узбекистане // ЦАиК. 2001, № 1.

2. Абдуллаев У.С. Отражение межэтнических связей в материальной культуре народов Ферганской долины в конце XIX-начале XX в. // УТ. 1999. № 4. С. 62-69.

3. Абдуллаев У.С. Фаргона водийсининг хужалик фаолияти соҳасидаги узаро муносабатлари тарихидан // УТ. 2002. № 4. С. 48-53.

4. Абдуллаев У.С. Этнологияда терминология муаммоси// Узбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Т.: ИИ АН РУз, 2004. — С. 10-14.

5. Абдуллаев У.С. Этнологиянинг баъзи бир назарий масалалари// УТ. 2002. № 1. С. 60-64.

6. Абдуллаев Ш. Ферганские события и «этнический парадокс» современности // Звезда Востока. 1991. № 6. С. 132-136.
7. Абдуллаев Ш.М. Некоторые социальные аспекты межнациональных отношений в Ферганской долине// Межнациональные отношения: история и современность. Т.: Фан, 1991.
8. Агеева Е. Конструктивные межэтнические отношения как путь к политической стабилизации российского общества // Государственная служба (РАГС). № 6 (20). 2002.
9. Азаренко Ю.А. Русско-ойратская торговля XVII — первой половины XVIII вв. (как пример евразийских связей)// Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 98–101.
10. Алиев Б. Месхетинцы (месхи) и Месхетия // Восток. 2002. № 6.
11. Алиев Б. Месхетия и месхи (турки-месхетинцы): этнополитическая история народа // ЦАиК. 2002. № 1. С. 179-185.
12. Алиева В.Р., Назаров Р.Р. Этнодемографические процессы в Республике Узбекистан// XVIII-ые Плехановские чтения. Москва: РЭА, 2005. С. 259-260.
13. Алимова Д.А., Арифханова З.Х., Аширов А.А., Назаров Р.Р. Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии)// ЭО. 2006. № 3. С. 107-126
14. Андреев А.Л. Экономический механизм и историческая жизнь нации// Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999. № 2.
15. Арифханова З.Х. Изучение национальных отношений в историографии Узбекистана// Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик. В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1986. – С. 106-124.
16. Арифханова З.Х. Изучение проблем этнографии в Институте истории АН РУз// УТ. 2003. № 4.

17. Арифханова З.Х., Зунунова Г.Ш., Хан В.С., Назаров Р.Р. Этнокультурные процессы в полиэтническом мегаполисе (на примере Ташкента)// Этнопанорама (Оренбург). 2006. № 1-2.
18. Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма// ЭО. 1993. № 4.
19. Асатова Г. Из истории введения латинского алфавита в Узбекистане// УТ. 2002. № 2. С. 57-67
20. Ата-Мирзаев О. Межнациональные отношения в зеркале общественного мнения // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2004. – №2. – С. 44-48.
21. Аширов А.А. Ўзбекистон этнологияси мустақиллик йиллари: ютуқлар, муаммолар ва уларниг ечимлари// Ўзбекистон этнологияси: янги қарашлар ва ёндашувлар. Т.: ИИ АН РУз, 2004. - С. 24-31.
22. Бабаджанов Б. Ферганская долина: источник или жертва исламского фундаментализма // Центральная Азия и Кавказ. 1999, № 4 (5).
23. Бакиева Г.Т. Тугумы у татар озера Большой Уват// VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб, 2005.
24. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии// Соч. Т. 5. М., 1968.
25. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана// Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
26. Басилов В.Н. Суннат-той в ферганском кишлаке // ЭО. 1996. № 3
27. Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Науч. тр. Т. 4. М.: Наука, 1959.
28. Бобобеков Х. Фарғона фожеалари кундалиги //Фан ва турмуш. - 1990. - №4, № 5.
29. Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная идея в историческом познании// Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999.

Бронникова О.М. Проблемы этнического самосознания и межэтнические отношения населения Ферганской долины // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. — СПб., 1994. — С. 93–108.

Бронникова О.М. Этническое самосознание сартов Ферганской долины (предварительные материалы) // Материалы полевых этнографических исследований, 1990–1991 гг. — СПб., 1993. — С. 60–67

Брусина О.И., Осипов А.Г. Межнациональные отношения: взгляд на проблемы Узбекистана // ЭО. 1993. № 3. С. 15-27.

Брусина О.И. Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения // Этнографическое обозрение. 1995. №4. С. 96-106.

30. Буряков Ю.Ф., Назаров Р.Р. Международная научная конференция «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии»// Общественные науки в Узбекистане. 2009. № 3-4. С. 100-103.

31. Бушков В.И. О некоторых причинах межгрупповой и межэтнической конфликтности // Конфликт – диалог – сотрудничество. Бюллетень № 1. М., 1999.

32. Валеев Ф.Т. К вопросу о материальной культуре сибирских бухарцев и ташкентцев (Коллекция предметов быта Омского краеведческого музея)// ОНУ.1963. №1. С. 63-66.

33. Вахидов Х.П. Просветительство в Туркестане в XIX – начале XX веков// Основы философии. Ташкент, 1998. С. 165-171.

34. Вилков О. Н. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. //Торговля городов Сибири конца XVI- начала XX в. Новосибирск, 1987.

35. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения// ЭО. 1998. № 4

36. Владимир (Иким). Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Цветение духовности. // Правда Востока. 1999, 24 ноября.

37. Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен

посттоталитарного мира // Полис. 1993. № 2.

38. Гентшке В.Л. Из истории польской диаспоры// УТ. 2001. № 1. С. 34-43

39. Германов В.А. Средняя Азия и Россия: встреча двух цивилизаций// «International Journal of Central Asian Studies». Vol. 9, Seoul: IACAS, 2004

40. Германов В.А. Alma-mater Ташкентская и Среднеазиатская, или История с географией. // Россия - Узбекистан в прошлом и настоящем. Люди, события, размышления. Москва: Армада & Альфа книга. 2003.

41. Горгиджанидзе П. История Грузии. Тбилиси, 1990.

42. Гринин Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) // Полис. – 2008. – №1. – С.123-133.

43. Гуро Л. Не погаснет свеча православия в Средней Азии // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2001. – №2. – С. 75-80.

44. Гусейнов Г.Ч., Драгунский Д.В. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопросы философии. 1989. - №6. - С. 43-58.

45. Джаббаров И.М. Этнография и историческое краеведение в Узбекистане: история проблемы// ОНУ. 1995. № 5-8. С. 156-163

46. Дынин В.И. Этнолингвистическая классификация: проблемы таксономии и терминологии// ЭО. 2002. № 1.

47. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры, 1999. № 1.

48. Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России// Диаспоры. 2004. № 3. С. 126 – 138.

49. Жигалина О.И. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграционные процессы и региональные конфликты. // Восток. 1994. № 6.

50. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие// Труды Общества русских ориенталистов. № 2. Пг., 1915.

51. Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности// ЭО. 1997. № 3.

52. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм. // ЭО. 2002. № 1.

53. Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России // Общественные науки и современность. – 1996. – №2. – С.150-157.

54. Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века)// ОНУ. 1984. № 1.

55. Зиямов Н.Ш. Миротворческая деятельность Узбекистана в решении внутрирегиональных конфликтов// Мустакил Ўзбекистон тарихининг дастлабки саҳифалари. № 3. Т.: Шарк, 2000. С. 162-184

56. Зиямов Н.Ш. Некоторые аспекты культурного сотрудничества стран Центральной Азии// УТ. 2002. № 4.

57. Зиямов Ш. О межнациональном конфликте 1989 года в Узбекистане // ЦАиК. 2000. № 6 (12)

58. Зиямов Ш.З. Межнациональные отношения и межэтнические конфликты в Центральной Азии // Central Asian Studies. 2003. Vol. 8. P. 152-161

59. Знаменский А.А. Этнонационализм: основные концепции американского обществоведения// США: ЭПИ. 1993. № 8.

60. Золян С.Т. Описание регионального конфликта как методологическая проблема // Полис. 1994. – № 2. – С. 131-142.

61. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации: исследования современных глобальных процессов. – 2008. – №1. – С.31-44.

62. Исхакова С.М. О языке сибирских бухарцев // ОНУ. 1968. № 5.
63. Кагиян С.Г. Управление этническими конфликтами // Философские науки. №2. -2003.-С. 27-34.
64. Кашинская Л. Национальная безопасность и правовая система// ОМПЧ. 2003. № 1.
65. Киреева С. Окно в новое прошлое// АиФ (Москва). № 13 (611). 30 марта 2005 г.
66. Киселев В. Демографическая статистика в колониальном Туркестане во второй половине XIX в.// УТ. 2002. № 1. С. 11-18
67. Ключева В.П. Бухарские общины в Сибири (конец XVI — начало XIX вв.) //Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. С. 77-85.
68. Ключева В.П. Использование генеалогических данных при изучении социальной истории (на примере выявления родственных связей сибирских бухарцев кон. XVII — нач. XVIII вв.) //2-е Тюменские родословные чтения. Тюмень, 2002. - С. 103-104.
69. Ключева В.П. Сибирские бухарцы Тобольской губернии (конец XVII—XIX вв.): демографический анализ//Словцовские чтения-2001. Тюмень, 2001. - С. 95-96
70. Козлов В.И. Диаспора// Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 26.
71. Коротеева В.В. Этносоциальные аспекты рождаемости у населения многонациональных городов (на примере Ташкента)// ЭО. 1986. № 6.
72. Корусенко С.Н. Этнический состав и межэтнические отношения татар Среднего Прииртышья (конец XVIII - XX вв.)// «Исторический ежегодник», Омск: 1999. С. 147-156.
73. Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории, 1995, № 7.

74. Ларионов И.С. Проблема иммиграции в общественном мнении Западной Европы (1990-2000-е годы). // Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности. Самара: СамНЦ РАН, 2008.

75. Лебедева М. Конфликт? Это нормально// Диалог. 1991. № 9. С. 56-61.

76. Легойда В.Р. Современная русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: современная ситуация и перспективы// Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003.

77. Логашова Д.Б. Этнополитическая ситуация в Средней Азии// ОНС. 1991. № 6. С. 123-132

78. Мадалиева Р. Межнациональные отношения в процессе демократизации общества Республики Узбекистан// ОМПЧ. 2003. № 3. С. 40-44.

79. Мардонов Р. Этноконфессиональные конфликты в регионах распространения ислама: причины и особенности // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: «Весь мир», 1997. – с. 35-50.

80. Маценов Д.В. Западные политологи о межнациональных отношениях в СССР// МЭиМО. 1991. № 9.

81. Мендикулова Г.М. Казахская ирредента в России (история и современность// Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. 1995. № 8.

82. Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия //Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

83. Муминов И.М. Из истории развития общественно-политической мысли в Узбекистане в конце XIX – начале XX вв.// Избр. соч. Т. 1. Ташкент, 1969.

84. Мунававаров З.И. Ислам в Узбекистане: прошлое, настоящее, будущее// Wostok. 1999, № 1, С. 68-72.

85. Мусаев Б. Ислам в современном Узбекистане: созидательный потенциал и проявление угроз// Центральная Азия и Кавказ. 2002, № 3.

86. Мусаев О. Миллий сиёсат ва миллий-маданий марказлар// Мустақил Ўзбекистон тарихининг дастлабки саҳифалари. № 3. Т.: Шарк, 2000. С. 147-162

87. Мыльников А.С. О феномене «постэтничности»: современный взгляд на некоторые идеи Ю.В. Бромлея// ЭО. 2002. № 2.

88. Мяло К., Гончаров П. Зарево Ферганы// Новое время. 1989. № 38. С. 31-33.

89. Назаров Р.Р. Азербайджанская диаспора Узбекистана и ее роль в развитии азербайджано-узбекских отношений// Проблемы искусства и культуры. Баку, 2011. № 2(36). С. 105-118.

90. Назаров Р.Р. Исторические традиции межэтнической и межконфессиональной толерантности Ташкента// Ўзбекистон тарихи. 2008. № 3. С.46-53.

91. Назаров Р.Р. Культура народов Центральной Азии в мировом культурном пространстве (в контексте диалога Восток – Запад)// Вестник МИЦАИ. 2012. Вып. 15. С. 91-105.

Назаров Р.Р. Личность в системе этнической культуры (на примере народов Центральной Азии) // Future Human Image (Образ человека будущего). Журнал, Киев. 2014, № 1. – С. 159-168.

92. Назаров Р.Р. Национально-культурные центры как фактор развития полиэтнического гражданского общества (на примере Республики Узбекистан) // Журнал ЕвроАзия. Россия – Узбекистан: история и современность. Ч 5. Март 2009 (№ 7). М.: РГГУ, ИАЦ МГУ, 2009. С. 51-58.

93. Назаров Р.Р. Общественное мнение в системе социального управления// Общественное мнение. Права человека. 2001. № 3. С. 92-99.

94. Назаров Р.Р. Сибирские бухарцы: история формирования тюркского населения Западной Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. 2. Омск: ОГАУ, 2008. - С. 265-268.

95. Назаров Р.Р. Считаться с реальностью. Обсуждаем Проект Закона о языках // Сельская правда. 11.08.1989.

96. Назаров Р.Р. Теоретико-методологические основы изучения общественного мнения в полиэтническом социуме // Общественное мнение. Права человека. 2013. № 3. С. 103-108.

97. Назаров Р.Р. Ферганский межэтнический конфликт 1989 года: предпосылки, ход, последствия // Международный журнал «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». М.: Наука, 2013. - С. 281-292.

98. Назаров Р.Р. Этническая история турок-месхетинцев в Центральной Азии // Взаимоотношения Турции и Центральной Азии в контексте расширяющейся Европы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 186-201.

99. Назаров Р.Р. Этническая политика Республики Узбекистан // Этносоциум. 2007. № 8. С. 150 - 175.

100. Назаров Р.Р. Этническая политика Республики Узбекистан как важный фактор демократического развития // Научный вестник Бухарского государственного университета. 2012. № 1. С. 34-38.

101. Назаров Р.Р. Этнические диаспоры как фактор развития этнополитических и межгосударственных отношений // Журнал ЕвроАзия. Россия – Узбекистан: история и современность. Ч 3. Ноябрь 2008 (№ 6). М.: РГГУ, ИАЦ МГУ, 2008. С. 50-56.

102. Назаров Р.Р. Этнические элиты Центральной Азии (круг существующих мнений) // Журнал ЕвроАзия. Россия – Узбекистан: история и современность. Ч 4. Декабрь 2008 (№ 7). М.: РГГУ, ИАЦ МГУ, 2008. С. 7-13.

103. Назаров Р.Р. Этнокультурное единство народов Евразии

(Россия и тюркские этносы)// Вестник МГОГИ. Серия: История, философия, политология, право. (Орехово-Зуево). 2012. № 2. С. 34-41.

104. Назаров Р.Р. Этнополитика России: исторический опыт формирования мусульманской военно-политической элиты// Научный эксперт (Москва). 2013. № 3. С. 51-64.

105. Назаров Р.Р., Алиева В.Р. К вопросу о философско-методологических аспектах истории Узбекистана// Историческая наука в Узбекистане: достижения и проблемы развития. Т.: ИИ АН РУз, 2006. Ч. 2. С. 84-89.

106. Назаров Р.Р., Алиева В.Р. Предотвращение этнических конфликтов как фактор безопасности полиэтнического социума// Вестник Российской нации. 2014. № 4 (36). – С. 108-123.

107. Назаров Р.Р., Алиева В.Р. Тюрко-иранский симбиоз в этнической истории Центральной Азии// Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномадания жараёнлар. Т.: ТГИВ, 2005. Ч. 2. – С. 163-170.

108. Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Ганиев С.К. Мониторинг этнополитической ситуации. Государства ближнего зарубежья. Узбекистан// Россия и мусульманский мир. ИНИОН РАН, ИВ РАН. – М., 2013. № 8 (254) – 2013. – С. 63 - 74.

109. Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Юнусова Ж.М. Роль казахской диаспоры Узбекистана в развитии казахско-узбекских этнокультурных связей// Мир Евразии: история, современность, перспектива. Астана: ЕНУ, 2006. - С. 152-156.

110. Назаров Р.Р., Юнусова Д.М., Алиева В.Р. Этноконфессиональные процессы в современном Узбекистане// Мир ислама: история, общество, культура – The World of Islam: History, Society, Culture. М.: РУДН, 2010. – С. 134-136.

111. Немировский А.А. Каппадокия и каппадокийцы: к формированию этнополитической карты древней Анатолии// Восток. 1999. № 6. С. 5-15.

112. Немцова Л. Быть ли Родиной чужбине?// Волга. № 100 (24021). 2001. 13 июля.
113. Нормухаммедов И. Нашему кино – 100 лет// газ. «Класс». № 31. 3.09.2008 г.
114. Нурматова М., Исоков Я. Межнациональные отношения и идеи миролюбия// ОМПЧ. 2003. № 3
115. Осипов А.Г. Влияние государственной идеологии на самосознание и активность меньшинств (на примере месхетинских турок) // ЭО. 1994. № 2
116. Осипов А.Г. Движение месхов за репатриацию (1956-1988) // ЭО. 1998. № 5.
117. Осипов А.Г. К вопросу о генезисе межэтнических конфликтов// Этнические конфликты в СССР: Причины, особенности, проблемы изучения. М.: ИЭА РАН, 1991.
118. Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. - С. 164-223.
119. Осколков М. Бухарцы в Тюмени //Лукич. 2001. Ч. 4. С. 184—196.
120. Паин Э.А. Имперский национализм // Космополис. – осень 2005. – №3 (13). – С.146-156.
121. Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // СЭ. 1990. № 1.
122. Панарин С.А. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). - С. 90-132.
123. Панеш Э.Х. Современные этнокультурные контакты месхетинских турок // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 68-72.
124. Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Месхетинские турки // Вопросы истории. 1991. № 9-10

125. Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. О роли этнической психологии в межнациональном конфликте // Этнокультурные процессы: традиции и современность Л., 1990.

126. Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы (историко – этнографический анализ проблемы) // СЭ. 1990. № 1. С. 16-24

Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы: Анализ ферганского конфликта и современной этнополитической ситуации // Материалы полевых этнографических исследований, 1988–1989 гг. — СПб., 1992. — С. 34–46.

Пейруз С. Изменение религиозного спектра в Центральной Азии: союз между исламом и православным христианством. // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. – Казань, 2005. – С. 142-161.

Постсоветские конфликты // Pro et Contra. – 2006 сентябрь-декабрь. – №5-6 (34). – С. 2-75.

Празаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Политические исследования. – 1997. – №2. – С.95-105.

Пустогаров В.В. Федерализм, национальные и иные меньшинства и малые народы// Панорама-Форум (Казань). 1996. № 4. С. 14-19.

Рахманкулова А. Советская депортационная политика и ее последствия для судеб насильственно-переселенных народов (на примере депортированных народов в Узбекистан). // «International Journal of Central Asian Studies». Vol. 9, Seoul: IACAS, 2004.

Резник Б., Чантурия Т. Прийти с надеждой, принять с миром. О давних и нынешних проблемах небольшой народности// Известия. 1989. 30 января.

Резниченко В.Г. К вопросу о направлениях обобщения опыта современных войн и вооруженных конфликтов // Вестник Академии военных наук. – 2003. – №3. – С.9-13.

Ртвеладзе Э.В. О некоторых аспектах новейших исследований истории Центральной Азии// История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Т.: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2006. С. 314-325.

Руткевич М.Н. Обострение национальных отношений в СССР. // Социс. - 1991.- №1.- с. 87-90.

Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект// ЭО. 1998. № 6.

Рыбаков С.Е. Национализм и нация // ЭО. 1999. № 4.

Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов// ЭО. 2000. № 5.

Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса// ЭО. 2001. № 1.

Саидов А.Х. Права человека и проблемы идентичности в современном мире// История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Т., 2006. С. 306-313.

Салимов Т.У. Этнология в Узбекистане на этапе становления// ОНУ. 2004. № 5-6. С. 73-77

Салимов Т.У. Этнология: тикланиш боскичида// Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Т.: ИИ АН РУз, 2004.- С. 32-36.

Сампиев И.М. Самоопределение народов: анализ идейно-политических подходов// ЭО. 2001. № 3.

Сафеев С. Глобальные процессы и национальная идентичность// История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Т., 2006. С. 268-273

Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора// ЭО. 2000. № 2.

Соатова С. Этнология фанида этнослараро коммуникация муаммоси// Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар. Т.: ИИ АН РУз, 2004.- С. 44-50

Ташланов Т. Идеи толерантности в Конституции Республики Узбекистан // Общественное мнение. Права человека. 2002. – №4. – С. 13-17.

Тишков В.А. Анализ этнического насилия в Ошском конфликте // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. – С. 320-353.

Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма)// ЭО. 1998. № 5.

Тишков В.А. О феномене этничности// ЭО. 1997. № 3.

Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте общесоветских теорий // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. – С. 303-319.

Тощенко Ж.Т. Региональные особенности этносоциальных конфликтов// Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. М., 1994. - С. 32-36.

Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре// Россия между Европой и Азией. М., 1993.

Туктыбаева Ж. К вопросу о социокультурной дифференциации этноса // Современный мир: исследования молодых. Алматы: Каржы-Каражат, 1999. – С. 186-192.

Тюрюканова Е. Трудовая миграция в России// Журнал «Отечественные записки». 2004, №4.

Убайдуллаева Р.А. Межэтнические отношения в оценках населения Узбекистана // Социологические исследования. 2005, № 12.

Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в.// Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1.

Хайретдинов Д. Узбеки, узбекская община в Москве и Подмосковье// Ислам в Москве. Н. Новгород: Медина, 2008. - С. 274-276.

Хамрокулова Б.М. Этнологияда этнопсихологиянинг урни// Ўзбекистон этнологияси: янги қарашлар ва ёндашувлар. Т.: ИИ АН РЎз, 2004.- С. 60-66

Ханин В.Э. Этнополитический плюрализм и политические конфликты в Республике Кыргызстан // Восток. 2002. № 1.

Ханова И.Е. Трансформация власти в странах Центральной Азии // Философия. Наука. Культура. Вып.10. М., 2005. С.7-14.

Хасанов Р. Организация исламская конференция и мусульманские государства СНГ // Центральная Азия и Кавказ. 1997, № 11.

Хуршут А. Турки// Литературный Киргизстан. 1988. № 12. С. 102-111.

Церетели К. Относительно истории термина «мосхи» и к анализу названий мушки-мосхи// Сообщения АН Грузии. 1954. Т. XVI. № 2. С. 111-118.

Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения// ЭО. 2001. № 2. С. 3-17.

Чешко С.В. Средняя Азия и Казахстан: современное состояние и перспективы национального развития// Расы и народы. М.: Наука,

1990. Вып. 20. - С. 106-127.

Чешко С.В. Философия и мистика национального вопроса // Общественные науки. 1990. - №3. - С. 103-114.

Шевяков А.И. О статье д-ра Дж. Шоберлайна-Энгела «Перспективы становления национального самосознания узбеков»// Восток. 1998. № 6.

Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс// ОНС. 1998. № 4.

Шерхан М. На каждый роток не накинешь платок// Народное слово. 2003. 5 сент.

Штернберг Л.Я. Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы// Этнография. 1926. №1/2. С. 15-22.

Этингер Я.Я. Межгосударственные объединения развивающихся стран и национально-этнические конфликты// Расы и народы. Вып. 15. - М., 1985.

Юлдашева Ф.Х. Исламские ценности и стабильность этнических процессов в Узбекистане // Этнодемографические процессы в Узбекистане. – Ташкент: НУУз, 2005. – Ч. 2. – С. 192-196.

Юнусов А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ// Восток. 1999. № 6.

Юнусов К. О функциональном аспекте исследования общественно-экономических и политических отношений // ОНУ. 1998. № 10-11. – С. 19-22

Юнусов Х. Национальная основа гражданского общества// ОМПЧ. 2003. № 3.

Юнусова А. Проблемы применения законодательства о свободе совести и религиозных организаций // Общественное мнение. Права человека. 2000, № 2.

Юнусова А. Современные проблемы диалога конфессий в Центральной Азии // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2002. – №4. – С. 38-44.

Яковенко И.К. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса)// Полис. 1996. № 6.

Ярков А., Гарифуллин И.Б. Бухарцы в Западной Сибири// Журнал «Топос». 2004. № 6.

Справочная и учебная литература:

1. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Краткий этносоциологический словарь-справочник. Ставрополь: СГПУ, 1994. - 99 с.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2003. – 438 с.
3. Арутюнян Ю.В. Узбекистан: столичные жители. Этносоциология в цифрах. М.: ИЭА РАН, 1996. – 274 с.
4. Бабиц И.Л. Антропология власти и ислам. Учебное пособие. М.: ИПК МГЛУ «Ре-ма», 2009. - 232 с.
5. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. - 613 с.
6. Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М.: МГУ, 1982. - 319 с.
7. Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов (ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В.). – М.: ИЭА РАН, 2013. – 215 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980.
9. «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова (1813-1814)// История Узбекистана в источниках. Ташкент: Фан, 1988.
10. Ислам в Санкт-Петербурге. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 3. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
11. Ислам в Центральной России. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 4. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
12. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
13. Ислам на Урале. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. 5. М. – Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
14. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л.: Наука, 1974

15. Краткий словарь по социологии. - М., 1988.
16. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. М.: Экзамен, 2002. - 448 с.
17. Маматов М.М. Этнопсихология. Т.: НУУз, 2006. – 120 с.
18. Махлина Л.А. Политология. Учебное пособие. - Ташкент, 1992.
19. Мустакил Узбекистонда элатлараро ва конфессиялараро муносабатлари. – Межэтнические и межконфессиональные отношения граждан в суверенном Узбекистане. Отв. ред. Р.А. Убайдуллаева. Т.: ЦИОМ, НЦПЧ, 1999. – 55 с.
20. Народы и религии мира / Гл. ред. В. А. Тишков. Редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский, В. М. Макаревич (зам. гл. ред.), В. А. Попов, П. И. Пучков (зам. гл. ред.), Г. Ю. Ситнянский. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 928 с.
21. Народы Средней Азии и Казахстана. В 2-х т. Под общ. ред. С.П. Толстова. М., 1962. Т. 1. – 216 с.
22. Народы Средней Азии и Казахстана. В 2-х т. Под общ. ред. С.П. Толстова. М., 1963. Т. 2. – 386 с.
23. Народы Средней Азии. Ашгабат, 1993
24. Население Средней Азии. Под ред. Д.И. Валентея. М.: Фин. и стат., 1985. – 96 с.
25. Новейшая история Узбекистана. Уч.-метод. пособие для ВТУЗов. Ташкент: ТАДИ, 2014. – 214 с.
26. Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. РАН. ИНИОН Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки, РАПН; Отв. ред. и сост. Миллер А.И. – М., 2002.
27. Раджабов К.К., Кандов Б. Жаҳон мамлакатлари. Қисқача маълумотнома. Т.: Янги нашр, 2015. - 232 б.
28. Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М.: Межд. амнистия, 1997. – 232 с.

29. Рахимов М.А., Турсунова Р.Ю. Новейшая история Узбекистана. Таш.: УМЭД, 2014. – 295 с.

30. Региональные модели этнической политики / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. Сост. О.В. Кульбачевская, О.Н. Подлесных. М.: ИЭА РАН, 2009. - 200 с.

31. Республика Узбекистан. Энциклопедический справочник. Ташкент, 2001.

32. Свидетели репрессий тоталитарного режима в Бухаре: архитектура и люди. Ташкент: Фан ва технология, 2015. – 95 с.

33. Свидетели сталинских репрессий в Ташкенте: архитектура и люди. Ташкент: Янги нашр, 2011. – 91 с.

34. Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. Отв. ред. М.В. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988. – 223 с.

35. Святыни Узбекистана. Махачкала, 2007.

36. Социологические теории национализма: Научно-аналитический обзор. - М.: ИНИОН, 1991.

37. Справочник для поступающих в высшие образовательные учреждения. Ташкент: ГЦТ, 2015.

38. Теория и практика строительства нового общества в Узбекистане. Т.: ТИИИМСХ, 2003.

39. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. — М.: МГУ, 2011. — 376 с.

40. Узбекская советская энциклопедия. Т. 1. Ташкент: УзСЭ, 1971.

41. Центр изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр». 1998-2005 годы. Т.: ЦИОМ «Ижт. фикр», 2005. – 79 с.

42. Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.

43. Этноконфессиональный атлас Узбекистана. Ташкент: РИКЦ, 2005.

44. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. - 582 с.

45. Этнос. Нация. Общество: Этнологический словарь. Вып. 1. // Отв. ред. Козлов В.И.- М.: Витан, 1996. - 202 с.

Диссертации и авторефераты:

1. Абдуллаев У.С. Межэтнические процессы в Ферганской долине (XIX – начало XX века). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз,, 2006. – 49 с.

2. Абдуллаев У.С. Традиционные и современные межэтнические связи в сельской местности Ферганской долины. Дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1991. – 179 с.

3. Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70-80-ые годы XX века). Дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз,, 1994. – 340 с.

4. Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70-80-ые годы XX века). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз,, 1994. – 43 с.

5. Абдурахимов Б.А. Социо-динамика художественной культуры Узбекистана: XX век. Автореф. дисс. д-ра искусствознания. Ташкент: НИИ искусствознания АХ РУз, 2000. – 44 с.

6. Агзамова Г.А. Узбеки за рубежом: социально-политические и правовые проблемы. Автореф. дисс. к.ф.н. Ташкент: ТашГУ, 1995. – 23 с.

7. Алексеев-Апраксин А.М. Восток в культуре Петербурга. Автореф. дисс. д-ра культурологии. СПб: СПбГУ, 2011. – 36 с.

8. Алимов Ш.К. Изучение национальной политики в исторической литературе Узбекистана (20-30-е годы). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ТашГУ, 1994. – 23 с.

9. Алимова Н.И. Политика царской России в Туркестане в области национальной культуры (1867 – 1917 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2004. – 23 с.

10. Асатова Г.Р. Языковая политика в Узбекистане в XX веке: суть, последствия и уроки. Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: НУУз, 2004. – 29 с.

11. Ачилдиев А.С. Миллий истиклол гоёси – миллатлараро муносабатларни такомиллаштириш омили. Автореф. дисс. д.ф.н. Ташкент: ИФП АН РУз, 2004 – 46 с.
12. Аширов А.А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2008. – 48 с.
13. Аширов А.А. Реликты древних верований населения Ферганской долины. Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2000. – 23 с.
14. Бабаджанова Д.Б. Социально-экономические аспекты межнациональных отношений в Узбекистане (70-е - середина 80-х гг.). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1997. – 56 с.
15. Балашов Ю.А. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме. Автореф. дисс. д.пол.н. Н.Новг.: НГУ, 2008. – 63 с.
16. Басилов В.Н. Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (историко-этнографическое исследование). – Автореф. дисс. д.и.н. М.: ИЭА РАН, 1991. - 46 с.
17. Бижанова А.Е. Семейно-бытовые обряды казахов низовья Амударьи (вторая половина XIX - середина XX вв.). Автореф. дисс. к.и.н. Нукус: ИИАЭ ККО АН РУз, 2001. – 30 с.
18. Блохин И.Н. Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ. Автореф. дисс. д.п.н. СПб: СПбГУ, 2009. – 68 с.
19. Бобожонова Д. Узбекистонда миллатлараро муносабатларнинг ижтимоий-иқтисодий жihatлари (1970-1980-йилларнинг урталари). Дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1997.
20. Брагин А.А. Регулирование этнических конфликтов: предупреждение и разрешение: Дис. канд. социол. наук. Белгород: БелГУ, 2001. - 209 с.
21. Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления. Автореф. дисс. д.пол.н. - М.: Воен. Ун-т, 2007.
22. Валеев Ф.Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX - начале XX вв.: Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент, 1965.
23. Воронцов А.П. Политическое урегулирование конфликтных

ситуаций в ближнем зарубежье (на примере Таджикистана). Автореф. дис. к.п.н. М.: РАГС., 2002. - 22 с.

24. Ганиев Ж. Проблемы историографии религиозных конфессий в Узбекистане (1917 – 2000 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2008. – 30 с.

25. Ганиева Г.Ж. Женский вопрос в Узбекистане: новые подходы, проблемы и решения (1991 – 2005 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2008. – 26 с.

26. Ганиева М.Х. Общественное мнение как фактор развития межнациональных отношений в Узбекистане. Автореф. дисс. д.с.н. Ташкент: НУУз, 2009. – 50 с.

27. Губаева С.С. Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. д.и.н. М.: ИЭА РАН, 1992. – 30 с.

28. Дониёров А.Х. История развития этнографических знаний в Узбекистане: основные направления и результаты (вторая половина XIX в. – 30-е годы XX в.). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1997. – 29 с.

29. Дониёров А.Х. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке: основные этапы, проблемы, перспективы развития. Дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2003. – 394 с.

30. Ермошина И.И. Социально-философские аспекты анализа этнического возрождения: Автореф. дис. . канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. - 20 с.

31. Закиров Ш.М. Системное исследование проблем гармонизации межнациональных отношений в условиях независимости Узбекистана. Автореф. дисс. к.ф.н. Ташкент: НУУз, 2005. – 24 с.

32. Иманалиев К.К. Проблемы и перспективы этнополитической консолидации в Кыргызской Республике (политологический анализ). Автореф. дисс. д.п.н. М.: ДА МИД РФ, 2010 .

33. Камилов А.А. Деятельность Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР по решению национальных проблем в Туркестане. Автореф. дисс. к.и.н. Андижан: АГУ, 1993. – 26 с.

34. Карлов В.В. Стадиальное и локальное в этнокультурных

процессах у народов СССР. XIX - 80-е гг. XX в. Дисс. д.и.н. М.: ИЭА РАН, 1992.

35. Каюмов А.Р. Этническая ситуация на территории Южного Узбекистана в XIX – начале XX века (по материалам Сурхан-Шерабадской долины). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2011 – 31 с.

36. Кибизов А.М. Преступность на почве межнациональных конфликтов : Криминологические проблемы. Дисс. к.ю.н. М., 2003. – 190 с.

37. Коротеева В.В. Этносоциальные аспекты рождаемости у населения крупного многонационального города (по материалам Ташкента и Тбилиси). Автореф. дисс. к.и.н. М.: ИЭ АН, 1987. – 23 с.

38. Косанбаев К. Быт как важнейший компонент национальной культуры (на материалах Республик Узбекистан и Казахстан). Автореф. дисс. д.филос.н. Ташкент: ТашГУ, 1994. – 50 с.

39. Курбанов А. Этнические и локальные особенности традиционной культуры жителей Северосурханского оазиса (конец XIX – 1-я пол. XX вв.). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2009. – 30 с.

40. Лисицкая О.В. История католических общин в Туркестане (вторая половина XIX века – 1917 год): Автореф. дисс. к.и.н. – Ташкент: НУУз, 2004. – 27 с.

41. Литвинов П.П. Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865-1917) (по архивным материалам). Автореф. дисс. д.и.н. М., 1998.

42. Ломсадзе Ш.В. Южная Грузия. Самцхе-Джавахети с середины XVIII по 50-е годы XIX века. Автореф. дисс. д.и.н. Тбилиси, 1973.

43. Лыскова Л.Н. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. Автореф. дисс.к.п.н. Бишкек: КРСУ, 2007.

44. Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии: Дисс. канд. филос. наук. – Ташкент: ТашГУ, 1990.

45. Муминов А.Г. Национальная политика независимого Узбекистана и пути её реализации в духовно-культурной сфере (теория и практика). Автореф. дисс. д.полит.н. Ташкент: АГОС, 1999.

46. Назаров Н.А. Жамиятда миллий-этник жараёнлар ривожининг сиёсий-фалсафий тахлили. Автореф. дисс. докт. полит. наук. Ташкент: АГОС, 2005. – 50 с.

47. Назаров Р.Р. Национальные отношения как объект социально-политического управления. Дисс. к. философ. н. Ташкент: ТашГУ, 1994. - 147 с.

48. Назаров Р.Р. Национальные отношения как объект социально-политического управления. Автореф. дисс. к. философ. н. Ташкент: ТашГУ, 1995. – 22 с.

49. Осипов А.Г. Основные направления изменений в самосознании и культуре ахалцихских (месхетинских) турок. 20-ые гг.XIX – 90-ые гг. XX в. Автореф. дисс. к.и.н. М.: ИЭА РАН, 1993 – 27 с.

50. Пардаев Н.К. Проблемы развития национальных культур малочисленных народов в условиях независимого Узбекистана. Автореф. дисс. к.филос.н. Ташкент: ТашГУ, 1996. – 23 с.

51. Полянников Т. Л. Неклассический национализм в современной мировой политике: социально–политический и культурный контекст. Автореф. к.п.н. М.: ГУ – ВШЭ, 2009. – 29 с.

52. Пулатов А.Х. Этносоциальные отношения в Центральной Азии: теория, проблемы, пути решения: теория, проблемы, пути решения. Дисс. д-ра филос. наук. Ташкент: ИФП АН РУз, 2003. - 251 с.

53. Разлиаев А.А. Исламский фактор в Турции и его влияние на вступление в Европейский Союз (политологический анализ). Автореф. дисс. канд. полит. наук. М.: Дипакадемия, 2009.

54. Расулов К.Р. Обеспечение межнационального согласия и мира в Узбекистане во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Автореф. дисс. к.и.н. Андижан: АГУ, 1993. – 29 с.

55. Савуров М.Д. Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана. Автореф. дисс. к.и.н. Л.: ЛОИЭ, 1986. – 20 с.

56. Саипова К.Д. История Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР (1918 – 1924 гг.). Автореф. к.и.н. Ташкент: НУУз, 2011 - 31 с.

57. Сатвалдыев А.Н. Ислам в жизни узбеков Ферганской долины, 1980-1990-е гг. Дисс. к.и.н. М.: ИЭА РАН, 1995. – 178 с.
58. Смутьский С.В. Теоретико-методологические проблемы управления конфликтами в международных системах. Дисс. д-ра полит. наук. — М., 1997. - 374 с.
59. Султанов Ш.М. Региональные векторы внешней политики Республики Таджикистан. Автореф. дисс. д.п.н. М.: РАГС, 2006.
60. Тагиров А.Р. Социальные и межэтнические конфликты: особенности прогнозирования. Автореф. дисс. к.с.н. Казань, 1995. - 16 с.
61. Тен М.Д. Формирование, развитие и трансформация этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана. Т.: ИИ АН РУз, 2011. – 30 с.
62. Толипов Ф.С. Общинные традиции в семейной жизни населения Нуратинского оазиса (конец XIX – первая половина XX века). Автореф. дисс. к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2006. – 27 с.
63. Хазраткулов А. Социальные проблемы Узбекистана и пути их решения. Специфика, опыт, перспективы (1971 – 1990 гг.). Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1993. – 56 с.
64. Хайитов Ш.А. История узбекской эмиграции XX века. Автореф. дисс. д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2009. – 50 с.
65. Ханова И.Е. Трансформация общества и власти в Центральной Азии: постсоветский опыт (социально-философский анализ). Автореф. дисс. к.филос.н. Тверь: ТГУ, 2007. – 24 с.
66. Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). Автореф. дисс. д.п.н. Бишкек: КРСУ, 2011.
67. Хусниддинов З.М. Ўзбекистонда диний бағрикенгликни мустаҳкамлаш омиллари ва муаммолари. Автореф. дисс. к.филос.н. Ташкент: ТИУ, 2000. – 26 с.
68. Чувиляев А.А. Теоретико-правовые основы разрешения этнического конфликта. Дисс. к.ю.н. М., 2005. – 223 с.
69. Эшматова Г.Б. Этнополитические процессы в реформируемом обществе (на примере Республики Алтай). М.: ИСПИ РАН, 2004.

70. Юнусов А.М. Демократизация общества и взаимодействие национального и общечеловеческого в развитии духовных ценностей. Автореф. дисс. д.филос.н. Ташкент: ИФП, 1995. – 46 с.

71. Янес М.А. Материалы музейных, библиотечных и архивных собраний Санкт-Петербурга как источник по истории и этнографии арабов бассейна Кашкадарьи (Узбекистан). Дисс. к.и.н. СПб: МАЭ РАН, 2010. – 148 с.

Зарубежная литература:

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – Пер. с англ. - М.: РГГУ, 2000.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – Пер. с англ. - М.: Канонпресс-Ц, Кучково поле, 2000

3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. - М.: ЦентрКом, 1996.

4. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, Нация, Класс. - М.: Лого, 2004.

5. Барнард А. Социальная антропология. Исследуя социальную жизнь людей. - Пер. с англ. - / Под ред. О.Ю. Артемовой. М.: ИЭА РАН, 2009. - 244 с.

6. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – Пер. с англ. - М.: Весь мир, 2004.

7. Бродаль Х. Девять ступеней вниз, или Ссоры – конфликты – войны. - Пер. с англ. - // Знание – сила. 1991. № 11.

8. Бройи Дж. Нация и государство. - Пер. с англ. - М., 1992.

9. Ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива - Пер. с англ.// Вопросы национализма. 2014. № 20.

10. Вебер М. Избранное. Образ общества. – Пер. с нем. - М.: Юрист, 1994.

11. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? - Пер. с англ.// Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002.

12. Виндельбанд В. Дух и история. Избранное. – Пер. с нем. - М.: Юрист, 1995. - 687 с.

13. Геллнер Э. Нации и национализм. - Пер. с англ. - М., 1991. – 319 с.
14. Геллнер Э. О природе национализма. - Пер. с англ. // Знание – сила. 1990 № 7. С. 1-5
15. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. - Пер. с англ.// Путь. 1992. № 1.
16. Гердер И.Г. Идеи философии к истории человечества. М.: Наука, 1977.
17. Гиббонс Г.А. Последние избиения в Армении. Факты и ответственность. Пер. с англ. - Пг., 1916.
18. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – Пер. с англ. - М.: Весь мир, 2004.
19. Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия. – Пер. с англ. - // ЭО. 1998. № 6.
20. Гольдберг Г. О проблемах «турок-месхетинцев» (исторический аспект) – Пер. с англ. // ЦА. 1998. № 2 (14). С. 68-74.
21. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – Пер. с нем. - М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 344 с.
22. Каракурт Т. Межнациональные конфликты и их решения в Н.Н.Г. – Пер. с нем. - Варшава: Фонд Ф. Эберта, 1993. – 33 с.
23. Клингенберг М. Махалля между традицией и современностью. – Пер. с нем. - // История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2006. С. 274-277
24. Колсто П. Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках// Диаспоры 2001. № 1. С 6-38.
25. Лебон Г. Психология народов и масс. – Пер. с франц. - СПб, 1995.
26. Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. - Пер. с англ. - М.: Вагриус, 2001. – 351 с.

27. Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание// Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002.

28. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. - Пер. с англ. - СПб., 1896.

29. Нагель А. История и формирование идентичности: немцы в XX веке. – Пер. с нем.// История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Ташкент, 2006. С. 326-338.

30. Новак Ю. Межэтнические отношения в Узбекистане. – Пер. с нем.// Социологические исследования. 1994. № 4. С. 41-52.

31. Офффе К. Этнополитика в восточно-европейском переходном процессе. – Пер. с франц. - // Полис. 1996. № 2. С. 27-46; № 3. С. 86-93

32. Ренан Э. Что такое нация. – Пер. с франц. - СПб., 1886.

33. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – Пер. с франц. - М.: Канон-Пресс-Ц, 1998.

34. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: ИПЛ, 1991. – 366 с.

35. Симон Г. «Национальное строительство» в Советском Союзе и регионе СНГ – Пер. с нем. - // История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2006. С. 294-305

36. Слим Р. Ферганская долина: в центре скопления кризисов. - Пер. с англ. - // Материалы для чтения. Международный круглый стол НПО «Роль НПО в построении мира и предупреждении конфликтов». Алматы, 2001.

37. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. – Пер. с англ. - М.: Праксис, 2004.

38. Страбон. География. XI. 2, 18. Пер. с греч.

39. Тисвольд Д., Сасаки Ш. Управление конфликтами в

Гонконге и Японии: поможет ли теория навести мосты? // Социальный конфликт.-1998. № 3. С. 18 - 32. - Пер. с англ.

40. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: Сб. / Пер. с нем. - М.: Попурри, 1997

41. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. - М.: Изд-во АСТ, 2003.

42. Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. - Пер. с англ. - // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. - С.332-346

43. Хобсбаум Э. Изобретение традиций. - Пер. с англ. - // Вестник Евразии. 2000. № 1 (80). С. 47-62

44. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. - Пер. с англ. - СПб, 1998.

45. Хэммени Л.Дж. Религиозная традиция и границы толерантности. - Пер. с англ. - // Человек: образ и сущность. Толерантность и архитектура эмоций. М.: ИНИОН, 1996.

46. Чаттерджи П. Воображаемые сообщества. Кто их воображает?// Нации и национализм. - М., 2002.

47. Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. Пер. с англ. и нем. С.В. Соколовского. М.: EAWARN, 2004. - 200 с.

48. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. - Пер. с нем. - // Полис. 1996. № 5.

49. Шмитц Ш. Пояснение понятий «идентичность», «культура» и «традиция» - Пер. с нем. - // История и самосознание: опыт Узбекистана и Германии. Ташкент: ДААД, ФФЭ, ФКА, 2006. С. 278-283

50. Шнайдер-Детерс В. Ограничения религиозной толерантности светского государства - Пер. с нем. - // Общественное мнение. Права человека. - Ташкент, 2002. - №4. - С. 18-22.

51. Шоберлайн-Энгел Дж. Перспективы становления национального самосознания узбеков. - Пер. с англ. - // Восток. 1997. № 3. С. 52-63

52. Эйтон-Шенкер Д. Проблема прав человека и культурное многообразие. Справочная записка. Нью-Йорк: ДООИ ООН, 1996. - 6 с. – Пер. с англ.
53. Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм. - Пер. с англ. - // Полис. 1995. № 5.
54. Юст К. Анатолийская печать. – Пер. с нем. - Тифлис, 1922.
55. Ян Э. Демократия и национализм – единство или противоречия? – Пер. с нем. - // Полис. 1996. № 1. С. 33-49.
56. Anderson U. Consultative institutions for migrant workers // Political Rights of Migrant Workers in Western Europe. -: Sage, 1990. P. 113-126.
57. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - L.: Verso, 1983.
58. Barrington L.W. Nation and Nationalism: The Misuse of Key Concepts in Political Science// Political Science and Politics. - 1997. - December. - p. 712-716.
59. Baubock R. Transnational Citizenship: Membership and Rights in International Migration. -Aldershot: Elgar, 1994. 348 p.
60. Bhabha H.K. Nation and Narration. L.: Routledge, 1990.
61. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. - Cambridge, 1992.
62. Brubaker R. Ethnicity without Groups. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
63. Calhoun C. Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream. -N.Y., 2007.
64. Castells M. The Rise of the Network Society. O.: Blackwell, 1996. - 480 p.
65. Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? - Delhi: Oxford University Press, 1986.
66. Day G., Thompson A. Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory. L.: Palgrave Macmillan, 2005.
67. Deaux K., Reid A., Mizrahi K., Ethier E. Parameters of

social identity // Journal of Personality and Social Psychology. 68 (1995). - P. 280-291.

68. Delanty G., Kumar K. The SAGE Handbook of Nations and Nationalism. L., 2006.

69. Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. - Cambridge: The MIT Press, 1966.

70. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. - L.: Pluto Press, 1993.

71. Europe: A New Immigration Continent. Muenster, Ger: Lit, 1992. - 252 p.

72. Ferghana Valley: the Heart of Central Asia. Ed. by S.Fr. Starr. New-York, publ. M.E. Sharpe, 2011.

73. Finkelstein L.S. What Is Global Governance? // Commission on Global Governance, Our Global Neighbourhood: The Report of the Commission on Global Governance. Oxford: Oxford University Press, 1995. - 432 p.

74. Gans Ch. Limits of nationalism. - Cambridge, 2003.

75. Gellner E. Nations and Nationalism. - Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983.

76. Gokdemir A. Genubi-garbi Kafkas hukumati. Ankara, 1989.

77. Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. UK: Harvard University Press, 1992.

78. Grillo R. Ideologies and Institutions in Urban France: The Representation of Immigrants. -Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - 839 p.

79. Hall J. Nationalisms, Classified and Explained// Nations of Nationalism. - Budapest, 1995.

80. Hayes C. Essays of Nationalism. -N.Y.: The Macmillan Company, 1941.

81. Hearn J. Rethinking Nationalism: Critical Introduction. - L.: Palgrave Macmillan. -2006.

82. Hewson M., Sinclair T. The Emergence of Global Governance Theory // Approaches to Global Governance Theory. Albany: State University of New York Press, 1999. - P. 3-22.

83. Hill M. Social Policy: A Comparative Analysis. L.: Prentice-Hall, - 1996. - 436 p.

84. Hix S. The Study of the European Union II: The «New Governance» Agenda and Its Rival // Journal of European Public Policy. 5. № 1 (1998). - P.36-85.

85. Hobsbawm E., Ranger T. (ed.). The Invention of Tradition. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

86. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. - Cambridge, 1985.

87. Husbands C.T. The mainstream right and the politics of immigration in France: developments in the 1980s // Ethn. Racial Stud. 14 (1991). - P. 170-98.

88. James P.W. Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In. - L., 2006.

89. Kirisci K. Refugees of Turkish origin: “Coerced Immigrant” to Turkey since 1945// International Migration. Vol. XXXIV. Geneva. N. 3.

90. Kitzinger C., Wilkinson S. Transitions from heterosexuality to lesbianism: the discursive production of lesbian identities // Dev. Psychol. 31 (1995). - P. 95-104.

91. Kohn H. Nationalism. Its Meaning and History. -N.Y.: Krieger Publishing Company, 1982.

92. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background. - N.Y.: The Macmillan Company, 1944.

93. Koser K. European migration report: recent asylum migration in Europe // New Community. 22 (1996). - P. 151-158.

94. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon. 1995. - 296 p.

95. McArthur M. The “Saxon” Germans: political fate of an

ethnic identity 11 Dialect. Anthropol. 1 (1976). - P. 349-64.

96. Melich A. Comparative European trend survey data on racism and xenophobia. — Paris: Inst. d'Etudes Polit. de Bordeaux. 1995.

97. Munz R. A continent of migration: European mass migration in the 20th century // *New Community*. 22 (1996). - P. 201-226.

98. Murphy R. *Social Closure: The Theory of Monopolization and Exclusion*. Oxford: Clarendon, 1988.

99. Parenti M. *Ethnic and Political Attitudes*. Arno, 1975.

100. Pettigrew T.F. *Integration and pluralism // Eliminating Racism: Profiles in Controversy*. -N. Y.: Plenum.-P. 19-30.

101. Poggy G. *The Development of the Modern State*. - London, 1978.

102. *Random House Dictionary of the English Language*. N.Y.: Random House. - 1987. 826 p.

103. Reif K., Melich A. Euro-Barometer 30: Immigrants and Out-Groups in Western Europe. October-November 1988. Ann Arbor, MI: Inter-Univ. Consort. Polit. Soc. Res, 1991.-780 p.

104. Rex, J., Samad Y. Multiculturalism and political integration in Birmingham and Bradford. *Innovation*. 9 (1996). - P. 11-31.

105. Rosenau J. N. Change, Complexity, and Governance in Globalizing Space // *Debating Governance*. P. 172-199.

106. Simai M. *The Future of Global Governance: Managing Risk and Change in the International System*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1994. - 456 p.

107. Simon B., Hamilton D. Self-Stereotyping and Social Context: The Effects of Relative Ingroup Size and Ingroup Status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 66 (1994).-P. 699-711.

108. *South and Central Asia. Insights and Commentaries*. New Delhi, Knowledge World, 2015. – 409 p.

109. Stewart A., Ostrove J. Social class social change, and gender: working class women at Radcliffe and after // *Psychol Women Q*. 17 (1993). - P. 475-97.

110. Stoker G. Introduction // The New Politics of British Local Governance. Basingstoke, England: Macmillan, 2000.

111. Tilly Ch. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.

112. Thraenhardt D. Europe: A New Immigration Continent. Muenster, Ger: Lit., 1992. -252 p.

113. VandenBerge P.L. Man in society. A biosocial perspective. N.Y., 1975.

114. Vayrynen R. To Settle or to Transform? Perspectives on the Resolution of National and International Conflicts. London, 1991.

115. Zeki Velidi Togan A. Umumi Turk tarihi'ne giriş. Cild 1. Istanbul, 1981.

Материалы СМИ:

1. Аргументы и факты (газета, Москва)
2. Известия (газета, Москва)
3. Комсомольская правда (газета, Москва)
4. Народное слово (газета, Ташкент)
5. Правда (газета, Москва)
6. Правда Востока (газета, Ташкент)
7. Сельская правда (газета, Ташкент)
8. Ферганская правда (газета, Фергана)

Материалы Интернета:

Абдуллаев Р.В. Наша задача донести до молодежи мировую творческую сущность ислама // <http://www.islamsng.com/uzb/interviews/5835>

Абуов А.П. Межконфессиональный диалог как основа социального согласия// <http://www.embkaztm.info/article/142>

Абуов А.П. На пути к диалогу// <http://www.embkaztm.info/article/139>

Агаджанян М. Международный опыт институционального оформления отношений между государством и национальной диаспорой за рубежом// <http://www.noravank.am/ru/?page=theme&thid=1&nid=1049>

Али-заде А. Исламо-христианский диалог: на пути преодоления национальной и религиозной ксенофобии// <http://www.islam.ru/pressclub/vslux/dialogishr>

Веб-Сайт Комитета по делам религий Республики Узбекистан www.religions.uz

Веб-Сайт Республиканского интернационального культурного центра Узбекистана// <http://www.icc.uz/rus/>

Веб-Сайт Ташкентского исламского университета// <http://www.tiu.uz/>

Веб-Сайт ЦИОМ «Ижтимоий фикр» <http://ijtimoiy-fikr.uz/?cat=4>

В гостях у Ассамблеи народов Ярославля // http://www.interethnic.org/News/070706_2.html

Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС// <http://www.uzbekistan.org.ua/ru/shos/814.html>

Корнилов А.А., Балашов Ю.А., Никитин А.Г., Давтян С.Э. Этнические и конфессиональные меньшинства в мусульманских странах: проблемы развития и взаимодействия с доминирующим населением// <http://www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=728>

Мигалев П. Первые торговые люди Иркутска// «Капиталист» — иркутский журнал для предпринимателей № 01 (июнь 2004). <http://www.kapitalpress.ru/archive/1/120/681/>

Муталов Дж. Узбекистан-Россия: по пути укрепления взаимовыгодного сотрудничества// http://www.uzbekistan.org.ua/ru/news/international_news/554.html

Мухаммеджанова Л.П., Мирзакулов Б.Т., Мухаммеджанова С.Ж. Дипломатические и торговые связи Бухары с Россией

XVI-XVIII вв.// «Горный вестник Узбекистана» (№ 25) 2006.
<http://mining-bulletin.geotech.uz/ru/archive/2006/25/64>

Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации за 2011 год // http://www1.umn.edu/humanrts/russian/cerd/Ruzbekistan_add2_2011.html

Новикова Э. Адрес «Ферганской долины» - Новосибирск. 14.12.2010 г.// http://www.megansk.ru/page/Adrec_Ferganckoi_dolini_Novocibirck.html

Платонов Ю.П. Психология межэтнических конфликтов// <http://vtk.interro.ru/book/12/184/1.htm>

Подольчане не хотят знать, сколько среди них мусульман// <http://www.muslim-press.ru/news.php?lng=ru&pg=3643>

Сайт http://www.cemsin.ru/index.php?id=39&searched=%F3%E7%E1%E5%EA&highlight=ajaxSearch_highlight+ajaxSearch_highlight1

Тюменские узбечки померились длиной косичек// Сайт «Уралинформбюро» от 23.03.2009 г. <http://www.ur4.ru/armnews/news104409.html>

Хафизова К. Восточная и Центральная Азия в диалоге цивилизаций // Новый миропорядок. 2007. № 5. http://www.inesnet.kz/new_miroporyadok/154-klara-khafizova-vostochnaja-i.html

Цепкова И.Б. Межконфессиональные отношения в Казахстане на современном этапе// <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227131520>

Шевченко М. Кто сталкивает Россию с Исламом?// «Росбалт», 20 октября 2004 г.// <http://www.archipelag.ru/geopolitics/piryadok/terror/who>

Шубин А. Обама и Маккейн: диаспоры против аристократов// <http://www.psdpr.ru/Main/Obama-i-Makkejn-diaspory-protiv-aristokratov>

Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы

в постперестроечной России СПб.: РХГИ, 1998.// http://lib.ru/POLITOLOG/SHIPKOW/religion.txt_Ascii.txt

Югай И.С. Толерантность в межконфессиональном взаимодействии в Республике Казахстан на современном этапе// Христианско-мусульманский диалог в эпоху глобализации. Минск, 2007. <http://churchby.info/rus/162/>

Ярков А. Христианство в Центральной Азии: поиск своего места (культурологический аспект)// <http://www.asiajournal.to.kg/ru/issues/1999/01/yarkov.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Этнополитические процессы и межэтнические отношения: историография и методология	14
1.1. Историографический анализ проблемы	14
1.2. Этническая политика и межэтнические отношения в Республике Узбекистан.....	34
Глава 2. Этнические диаспоры как фактор этнополитических процессов и межэтнических отношений.....	50
2.1. Этнические диаспоры в Центральной Азии.....	50
2.2. Узбекская диаспора как фактор укрепления взаимосвязей между Узбекистаном и Россией	58
Глава 3. Этнические конфликты в системе этнополитических процессов и межэтнических отношений.....	81
3.1. Этнические конфликты в регионе	81
(на примере Ферганского конфликта 1989 г.).....	81
3.2. Предотвращение этнических конфликтов как фактор безопасности полиэтнического социума.....	110
Глава 4 . Конфессиональный фактор в этнополитических процессах и межэтнических отношениях.....	128
4.1. Конфессиональная политика и межконфессиональные отношения в современном Узбекистане.....	128
4.2. Межэтническая и межконфессиональная.....	150
толерантность в Узбекистане: исторические традиции и современность.....	150
Заключение	169
Перечень сокращений и аббревиатур.....	175
Литература:.....	179
Официально-документальные материалы, источники:.....	179
Документы архивов:	184
Книги:.....	184
Статьи:.....	204

Справочная и учебная литература:.....	220
Зарубежная литература:	229
Материалы СМИ:	237
Материалы Интернета:	237

Назаров Равшан Ринатович

**Этнополитические процессы и
межэтнические отношения
в Республике Узбекистан
(конец XX – начало XXI вв.)**

Научное издание

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

Подписано в печать ... Формат 60 x 84 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем _____ п.л. тираж _____

Заказ № _____

Отпечатано в типографии _____

